

М.Л.Серяков

11711110942

11111111111

РУССКАЯ

ДОХРИСТИАНСКАЯ

ПИСЬМЕННОСТЬ

Удмуртская
Республиканская
научная библиотека
им. В. И. Ленина
426057, г. Ижевск, ул. Советская, 11

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1997

Свидетельство о регистрации П-1569 от 28.07.95 выдано Северо-Западным Управлением Комитета РФ по печати.

Серяков М.А. Русская дохристианская письменность. - СПб., 1997. - 107 с., 49 ил., табл.

Книга посвящена истории возникновения русской письменности. Опираясь на редкие и малоизвестные фактические данные, впервые сведенные воедино в одном издании, автор доказывает наличие на Руси исконной самобытной письменности, существовавшей как минимум тысячу лет; иных систем письменности у восточных славян, а также неизвестные ранее подробности формирования протокириллицы в дохристианский период. Показывается, как с помощью исследования письменности могут быть решены проблемы индоевропейской и славянской прародины.

Книга рассчитана на специалистов - историков, археологов, а также всех, интересующихся отечественной историей и культурой.

Рецензент:
проф. А.И.Королев

© М.А. Серяков, 1997

Оригинал-макет Орлова О.А.

Вступление

Эта книга родилась в результате изучения истории языческой Руси. Часто, исследуя ту или иную ее область, мне приходилось наталкиваться на проблему существования в нашей стране собственной письменности до 988 г. — даты официального принятия христианства. Была ли у наших языческих предков своя письменность или ее появлению мы всецело обязаны принятию христианства? Вопрос этот принципиальный и чрезвычайно важный для восстановления истинной картины жизни восточных славян в начальный период существования Древнерусского государства и предшествующую ему эпоху. В силу указанных ниже причин, этот вопрос так и не получил окончательного и удовлетворительного решения в отечественной и мировой историографии и остается значительным пробелом в наших знаниях о древнейшей истории собственного народа.

Постепенно в моем распоряжении начали накапливаться данные, свидетельствующие о существовании в дохристианский период письменности на Руси. В один прекрасный момент этих данных стало так много, что я решил отложить в сторону все остальные дела и заняться специально изучением этого вопроса. Плодом этого и стало данное исследование. Я старался собрать максимально возможное количество фактов, доказывающих существование русской дохристианской письменности. Большинство из них было известно и ранее, но рассматривались они по отдельности, вне связи друг с другом, что существенно снижало возможности их изучения. Некоторые из них даже пытались переводить, сравнивая эти надписи либо со скандинавскими рунами, либо с глаголицей. Результаты подобных попыток оказывались обескураживающими, наглядно показывая, что и тот, и другой путь — тупиковые. Необходим был, следовательно, принципиально новый подход.

При написании книги, которую в настоящий момент держит в руках читатель, я ставил перед собой две основные задачи: во-первых, исходя из строго научных фактов доказать существование письменности на Руси до 988 года и, во-вторых, попытаться, если это вообще возможно, эту дохристианскую письменность расшифровать. Насколько мне удалось преуспеть в решении обоих этих задач — судить моему читателю. Последнее слово при оценке всех выдвинутых в этой книге утверждений и гипотез принадлежит именно ему.

Глава 1

ПРОБЛЕМА

Была или нет письменность у славян до принятия христианства — вот вопрос, на который ученые уже несколько столетий не могут дать однозначного ответа. Между тем, ответ этот весьма важен, ведь письмо — это основа любой достаточно развитой культуры и ни одна современная или древняя цивилизация немыслима без него. Изобретение письма стало величайшим культурным переворотом, когда-либо совершенным человеком и окончательно отделившим его от животного. С помощью знаков письменности человечество в какой-то степени смогло победить страшную силу времени, несущего с собой смерть и забвение, сохранить и передать последующим поколениям открытую им информацию. Ее накопление сделало возможным взлет всех отраслей знания и, в конечном итоге, создание того мира, в котором мы сейчас все живем. В противном же случае, каждое поколение было вынуждено тратить почти все свои творческие силы на открытие уже открытого их предшественниками, и человечество было бы обречено на постоянное топтание на месте.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что на заре своей истории благодарные народы обожествляли изобретателей письма, давая им самую высшую награду, какую только способны были дать. Именно за это в Египте был обожествлен Тот, в Вавилоне — Набу, в Греции — Гермес, в Скандинавии — Один. Причем, в последнем случае дело представлялось настолько трудновыполнимым, требовался такой глубокий прорыв в запредельное, что даже богу этого подвиг удался ценой величайших мучений. Даже в более поздние, христианские времена за изобретение славянской азбуки Кирилл и Мефодий причисляются к лику святых.

Письмо делает мысль и слово человека бессмертными. Эту исключительную, ни с чем не сравнимую силу письменности великолепно понимали многие писатели. Создавая свою летопись, Нестор счел нужным включить в нее прославление грамоте: *"Велика весть бывает польза от учения книжного; книгами наставляемы и поучаемы на путь покаяния, ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержание. Это весть — реки, напоющие вселенную, это источники мудрости; в книгах весть неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они — узда воздержания... Если прилежно поищешь в книгах мудрости, то найдешь великую пользу душе своей. Ибо кто часто читает книги, тот беседует с богом или со святыми мужами."* Великолепно сказал о письме и Шницер: *"Это вечная жизнь восторжествовавшей памяти и неминуемая смерть беспощадного забвения, это чудесное зеркало, в котором вечно отражается ясное изображение уже давно угасшей жизни."*

Так или иначе, но большинство соседей славян имели свою письменность: не говоря о христианской Византии, ее имели язычники скандинавы, тюрки и венгры. Имели ли ее изначально и славяне или же переход их культуры на качественно новый уровень стал возможен только после принятия ими христианства? Именно этому вопросу и посвящена настоящая книга. Сразу хочу оговориться, что она ни в коей мере не ставит перед собой цель как-то принизить величие подвига Кирилла и Мефодия, просветителей славян. Созданная ими азбука обеспечила расцвет славянской культуры и вот уже более тысячи лет служит многим славянским народам, обеспечивая их культурно-историческую самобытность и единство. Кириллица оказалась совершеннее и удобнее предшествующих ей форм письма, и именно поэтому мы пользуемся ею и сейчас. Вопрос о том, творил Кирилл на пустом месте или же нет, ни в коей степени не может умалить его свершения. С другой стороны, изучая языческий, древнейший период истории наших далеких предков, мы постоянно будем наткаться на вопрос о письменности. Без окончательного его решения наши знания о языческой Руси неизбежно будут неполными.

В этой книге также совершенно не затрагивается вопрос о том, кто является изобретателем кириллицы и глаголицы, и как соотносятся между собой эти две славянские системы письменности. Тема эта достаточно интересна и многие авторы пытались в ее рамках решить вопрос о первоначальной славянской письменности, что породило обширную литературу по этим вопросам и до сих пор продолжающуюся научную дискуссию. Однако, весь крут данных вопросов не рассматривается в настоящем исследовании по двум причинам: во-первых, на имеющемся материале крайне трудно найти однозначное решение и, во-вторых, и кириллица, и глаголица самым тесным образом связаны с христианством. Кириллица была создана специально для его пропаганды в среде славян, что же касается глаголицы, то ее изобретение приписывается уроженцу Далмации св. Иерониму, умершему в 420 г. — так, по крайней мере, говорится в послании папы Иннокентия IV от 1248 г. Кроме того, ряд других черт указывают на

христианский характере глаголицы: первая ее буква "аз" является крестом — намек на то, что изучение азбуки богоугодное дело, которое следует начинать с крестного знамения. Буквы "иже" и "слово" представляют из себя различные сочетания круга с треугольником, что по мнению Г.Чернохвостова и В.Кипарского также не случайно, так как обе они входят в состав имени Иисуса. Поэтому здесь будут рассматриваться только отдельные случаи использования кириллицы до официального принятия христианства Русью в 988 году, не поднимая проблему ее происхождения в целом, а глаголица не будет рассматриваться вовсе, так как ни одного факта ее применения на Руси до этой даты не зафиксировано. В основном же, эта книга посвящена рассмотрению вопроса о существовании на Руси своей собственной языческой письменности.

Нельзя сказать, чтобы этот вопрос оставляет равнодушным ученых. На него обращает внимание первый же русский историк Василий Никитич Татищев (1686 — 1750 гг), решительно воспротивившейся попыткам некоторых немецких ученых принизить русскую культуру: *"Другие того дивные, что скажут, якобы на Руси до Владимира никакого письма не имели, следовательно, древних дел писать не могли... Подлинно же славяне задолго до Христа и славяно-руссы собственно до Владимира письмо имели, в чем нам многия древния писатели свидетельствуют и, во-первых, что обще о всех славянах сказуется."*¹ Опередив в этом, как и в ряде других вопросов науку своего времени, Татищев первым выдвинул одно из главных логических доказательств существования письменности на Руси в дохристианский период, которое затем повторяли почти все исследователи данной темы. Говоря о Несторе, он подчеркивает: *"По обстоятельству же видно, что он не со слов, но с каких-либо книг и писем из разных мест собрав и в порядок положил, например, войны со греками Куа, Оскольда, Ольга, Игоря, Святослава и пр., о которых греки и римские тех времен писатели утверждают. Договоры со греками до него были лет за 150, со слов так порядочно написаны быть не могли, ибо все их включения так безсумненны, что за точные списки почесть можно."*² Заканчивает Татищев свой экскурс в эту область так: *"И тако достоверно видим, что прежде Иоакима и Нестора историописатели были и книги оставлены, да оные погубили или есче есть, где хранятся, да нам не известны."*

В XVIII веке, почти одновременно с В.Н.Татищевым, мысли о сравнительной древности употребления письма у славян высказывает далматинец К.Грубишич. В 1 половине XIX века гипотезу о существовании письменности у славян до Кирилла и Мефодия поддерживали такие зарубежные ученые как В.Копитар, Я.Гримм, П.Шафарик, Ф.Миколошич и некоторые другие. Разделяла эту идею и часть русских ученых: О. Бодянский, В.Григорович, П.Ламанский, И. Срезневский и другие.

Тем не менее в дореволюционной русской историографии возобладал принципиально иной взгляд: письмо на Руси появляется после и в результате крещения. В рамках нормандской теории говорить о каком-либо славянском дохристианском письме за исключением скандинавских рун, было непростительной ересью, а над не разделявшими этой позиции историками довели слова Нестора о живущих звериным обычаем и по-скотски языческих славянских племенах — полемическом обороте, призванном оттенить "мудрых и смысленных" полян. Однако, многие историки воспринимали эти слова буквально и их гипноз повлиял даже на такого ученого-патриота и ярого антинорманиста как С.Гегеон, доказывавшем в 1876 г. славянство Рюрика. Под влиянием Нестора он признает Русь народом неграмотным и малообразованным, у которого до введения христианства не было никаких летописей, а о договорах с Византией, на которые ссылался Татищев, пишет так: *"О составлении оригинальных грамот, одной на греческом, другой на славянском языке, не может быть и речи..."*³ С другой стороны, под влиянием "Жития Константина" и арабских писателей он констатирует существование какой-то письменности на Руси до крещения.

С середины XIX века медленно начинают накапливаться доказательства существования какой-то дохристианской русской письменности: это и упоминания о ней арабских авторов, и археологические находки В.А.Городовцева и Д.Я.Самокусова.

Тезис о появлении письменности вместе с христианством был поколеблен, однако положение о существовании у славян собственной дохристианской письменности не стало общепринятым и продолжало вызывать возражения у достаточно большого числа ученых. Отчасти это было вызвано крайней скудностью и фрагментарностью сохранившихся надписей, но в еще большей степени подозрительное и осторожное отношение к данной проблеме историков было обусловлено разоблачением поддельных славянских надписей, "открытых" на территории Германии и Польши. В вышедшем в начале XX века фундаментальном труде "Энциклопедия славянской филологии" И.В.Ягич обосновывает свое отрицательное отношение к проблеме дохристианской письменности, именно развенчанием так называемых "славянских рун". Исследование этого вопроса в России прекращаются в результате Первой мировой войны, революции и последовавшей за ней гражданской войны. В изучении проблемы наступает длительный перерыв, который длится до окончания Великой Отечественной войны.

На Западе эта тема почти не обсуждается, и к возможности существования какой-либо самобытной славянской письменности относятся крайне скептически, отчасти из-за многочисленных подделок на территории Польши и Германии. Крупнейший славист середины XX века Л.Нидерле считает использовавшиеся славянами "черты и резы" простейшими счетными зарубками на деревянных бирках и полагает

¹ Татищев В.Н. История российская, т. 1, М. - Л., 1962, с.93.

² Татищев В.Н. История российская, т. 1, М. - Л., 1962, с.96.

³ Гегеон С. Варяги и Русь, СПб., 1876, с.266.

маловероятным существование письма в дохристианскую эпоху. Ему вторит его соотечественник чешский историк Ч. Лоукота: "Славяне, позднее вступившие на европейском культурном поприще, научились писать лишь в IX веке. Так называемые славянские руны, на которые часто ссылались, оказались при подробном исследовании фальсификацией. Поэтому говорить о наличии письма у славян раньше конца IX века не приходится, если не считать зарубок на бирках и других мнемотехнических средств."¹ Д. Дириггер в своей монографии вообще не рассматривает вопрос о славянской докириллической письменности, отмечая, что вопрос этот сложный и темный. Польский ученый Лер-Сплавинский также резко высказывается против существования письменности в дохристианской Руси.

Первым к этой теме в 1946 году в нашей стране обращается ученый Л. В. Черепнин. Обобщив сведения Храбра, Фаддана и Эль-Недима, он приходит к следующему заключению: "Очевидно, восточные славяне еще до принятия христианства пользовались какими-то знаками письменности для обозначения отдельных слов, а может быть и целых выражений."²

В 1948 году академик С. П. Обнорский в своей книге подводит итог своему изучению договоров Руси с Византией с лингвистической точки зрения и утверждает, что факты "... не оставляют сомнения в том, что оригиналы их были составлены на русском языке и были современны самим договорным актам."³ Категорически отрицая мысль о церковнославянской основе русского литературного языка, Обнорский настаивает на его русской первичной базе и предполагает наличие письменности у славян еще в античный период VI-VIII веков. Археолог А. А. Формозов указывает на находки ряда сосудов с загадочными знаками, датируемых временем задолго до начала н.э. И хотя этническая принадлежность культур, оставивших эти сосуды до сих пор остается невыясненной, сам факт их находки указывает на существование зачатков какой-то письменности на территории нашей страны задолго до возникновения христианства.

Развернувшаяся в последние годы жизни Сталина кампания пропаганды приоритета России во всем с одной стороны способствовала развитию интереса к древнейшей русской письменности, но с другой стороны, приводит к возникновению совершенно необоснованных гипотез вроде идеи А. С. Львова о том, что глаголица имеет прямое отношение к клинописи и также древна, как и последняя. Черных П. Я. в 1950 году предполагает, что глаголица возникла в Северном Причерноморье в результате развития черт и резов и относит ее возникновение к античному периоду. Обобщая накопленные наукой факты, этот ученый формулирует принципиально важный вывод: "Таким образом, можно полагать, что восточные славяне с древнейшего времени умели писать. Можно говорить о непрерывной (с доисторической эпохи) письменной традиции на территории древней Руси."⁴ Из числа других работ этого периода следует упомянуть изданную в 1952 году книгу болгарского ученого Е. Георгиева, название которой говорит само за себя — "Славянская письменность до Кирилла и Мефодия" — и книгу Д. С. Лихачева "Возникновение русской литературы".

Кроме уже известных науке фактов, Е. Георгиев первый привлек данные сравнительной филологии славянских языков, обосновывая существования у них письменности в дохристианский период: "Слова *рьсати*, *ѣтати*, *письмо*, *кънига* и другие общи для всех славянских языков, и это показывает, что славяне были знакомы с фактом чтения и писания и очень давно, еще прежде, чем зажить самостоятельной жизнью в новосозданных славянских державах, по меньшей мере "читали" и "писали" свои "черты" и "резы", о которых говорит древнеболгарский писатель Черноризец Храбр, но, вероятно, и больше того"⁵. Другой болгарский ученый В. С. Киселков утверждал, что славяне еще на прародине имели свою развитую азбуку, годную для чтения и письма. Следует отметить, что филологический подход оказался весьма плодотворным. Выдающийся немецкий филолог М. Фасмер расширил за пределы славянской языковой семьи анализ терминов, связанных с письменностью, выведя его на индоевропейский уровень. Так, отмечал он, "русскому слову "писать" родственны следующие термины: древнерусск. писати; ст. слав. пьсати; сербохорв. писати, пишем; словенс. pisati, pi šem; чеш. psati, pi ši; словацк. pisat; польск., в.-луж. pisac; н.-луж. pisas; лит. pie šiu - "рисовать", "чертить (углем); др.-прусс. peisai - "они пишут"; др.-инд. pimsati - "украшает", "придает образ", "выкрашивает", pecas - "вид", "форма", "цвет"; авест. paesa - "украшение"; др.-перс. ni-pista - "записанное"; греч. Poiکیلос - "пестрый"; лат. ringo - "рисовать", "вязать иглой".⁶ Поскольку практически у всех индоевропейских народов для обозначения сходных действий существовали термины, происходящие от одного корня, то это с неизбежностью приводит к выводу о существовании письменности уже в период не только праславянской, но и общиндоевропейской общности, распад которой произошел в III-II тыс. до н.э. Таким образом, благодаря данным лингвистики проблема письменности приобрела новый, индоевропейский аспект. Лихачев предполагает, что письменность возникла до принятия христианства и даже до образования относительно единого государства. Затем, он совершенно справедливо полагает, что письменность могла самостоятельно возникнуть в 2-3 восточнославянских центрах, и до принятия христианства могло быть на Руси несколько систем письма — гипоте-

¹ Лоукота Ч. Развитие письма, М., 1950, с. 157.

² Черепнин Л. В., Чаев Н. С. Русская палеография, М., 1946, с. 58.

³ Обнорский С. П. Культура русского языка, М. - Л., 1948, с. 8.

⁴ Черных П. Я. Происхождение русского литературного языка и письма, М., 1950, с. 18.

⁵ Георгиев Е. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия, София, 1952, с. 37.

⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. III, М., 1971, с. 266.

за, подтверждаемая археологическими данными. Однако, марксистско — материалистические догмы и условия того времени довели даже над таким крупным ученым и он подменяет, в соответствии с марксизмом-ленинизмом, вопрос о первоначальной письменности вопросом о ее социально-экономических причинах: "В изучении начала русской письменности мы должны главное внимание уделить не тому, каким был первый алфавит (глаголическим или кириллическим), кто первый "ввел" письменность на Руси, — как бы сами по себе ни были интересны эти вопросы, а должны прежде всего обратить наше внимание на выяснение внутренних потребностей русского общества в письменности в связи с особенностями его социально-экономического развития".¹ И вместо рассмотрения вопроса о письме Лихачев составляет длинный список причин, вызывающих потребность в нем. К слову сказать, марксистский догмат о появлении письменности только после возникновения государства господствовал за некоторыми исключениями, на протяжении всего советского периода, серьезно мешая объективному изучению этой проблемы. Догмат совершенно неверный, ибо те же скандинавы пользовались рунической письменностью со II века н.э., а государства у них появляются только начиная с X века. Однако, это не помешало А.Ф. Медведеву безапелляционно заявить: "Письменность у славян появилась вместе с образованием государства"² и с 60-х годов эта точка зрения становится господствующей.

До тех же пор Л.В.Черепнин в своем учебнике русской палеографии 1956 года опираясь на археологические и лингвистические данные высказывает за существование письма в дохристианский период, а в 1957 году А.Д. Маневский выдвигает гипотезу о существовании древнерусского добуквенного письма, интерпретируя уже известные данные. За последние два века археология накопила несколько загадочных и непонятных надписей, найденных на территории Руси, и стал вопрос о их расшифровке и реконструкции предполагаемого первоначального славянского алфавита. Такую попытку в 50-х - 60-х годах предпринимают сразу три исследователя: Н.А.Константинов, Н.В.Энговатов и И.А. Фигуровский. Константинов (см. его статьи в "Знание-сила" № 1 за 1953 г., "Нева" № 7 за 1957 г. и др.) выдвинул, опираясь на некоторое графическое сходство, гипотезу о том, что глаголица происходит от загадочных до сих пор причерноморских знаков, а те, в свою очередь, — от кипрского слогового письма, которое благодаря посредству греков - колонистов попало к скифам, а от последних — к славянам. Однако, необъяснимым в таком случае оставался огромный временной разрыв между кипрским письмом, причерноморскими знаками и глаголицей, а также и то, почему у скифы заимствовали от греков не их более совершенный буквенный алфавит, а более примитивное кипрское слоговое письмо, которым греки в тот период не пользовались. Энговатов (см. "Знание-сила" № 11 за 1960 г и др.) сличая надписи на древнейших русских монетах обратил внимание на то, что в некоторых случаях вместо буквы их кириллического алфавита там стоял непонятный знак. Большинство ученых считали подобные случаи опечаткой древнерусских мастеров, но Энговатов предположил, что это остатки древнейшей славянской азбуки, составил таблицу подобных ошибок и выдвинул свою гипотезу о происхождении кириллицы. Самым слабым ее местом стала идея о том, что еще до возникновения самого кириллического алфавита существовали названия этих букв ("аз", "буки", "веди" и др.), а сами буквы возникли в результате сложения протокириллических знаков "а" + "з", "б" + "к" и т.д. Фигуровский (см. Учен. зап. Елецкого пед. ин-та, вып. 2. Липецк, 1957 г и др.) взял несколько загадочных надписей и с легкостью "перевел" их с помощью глаголицы. Самое интересное состоит в том, что он взялся также переводить и хазарские надписи, используя для этого смесь русско-еврейско-азербайджанского языка. Естественно, что все три предполагаемых первоначальных русских алфавита не имели между собой абсолютно ничего общего.

Все три попытки восстановления первоначального до кириллического алфавита привлекли к себе самое живое внимание и широкой общественности, и научных кругов. Однако, из-за вышеуказанных слабых мест, других ошибок и уязвимости самого метода реконструкции, все три гипотезы подавляющим большинством ученых были отвергнуты как ошибочные, абсолютно ненаучные и постепенно были забыты. От себя добавим, что только Фигуровский (хоть и неправильно) попробовал пойти от расшифровки надписей, а остальные два исследователя пошли от сличения отдельных разрозненных знаков, хоть хорошо известно, что без перевода связной надписи в принципе невозможно доказать правильность той или иной расшифровки. (Энговатов только впоследствии предпринял попытку "перевода" с помощью все той же глаголицы двух непонятных древнерусских надписей). К сожалению, скепсис ученых, оправданный в отношении метода трех предлагаемых расшифровок, распространился и на идею о возможности достоверного перевода загадочных древнерусских надписей. Положение усугубилось благодаря дискуссии о "Велесовой книге". Большинство крупных историков (за исключением, пожалуй, одного В.Вилинбахова) однозначно объявило ее подделкой и грубой фальшивкой.

Следует отметить, что проблема "Велесовой книги" достаточно сложна, и пока в распоряжении ученых не будет хотя бы одной ее дощечки для всестороннего исследования, однозначно ответить подлинник это или фальшивка будет крайне затруднительно. Как совершенно справедливо отметил В.Вилинбахов, если книга подлинная, то это бесценный источник по славянской истории, а если подделка, то доверчивое отношение к ее содержанию не может принести ничего, кроме вреда. Поскольку, в случае подлинности, "Велесова книга" является крупнейшим памятником русской дохристианской письменности

¹ Лихачев Д.С. Возникновение русской литературы, М.-Л., 1952, с. 16.

² Медведев А.Ф. Древнерусские писала X-XV вв. СА, 1960, № 2, с. 81.

ти, постараемся определить ее ценность, хоть, повторяю, окончательных вывод делать пока преждевременно. Рассмотрим "Велесову книгу" как с точки зрения ее содержания, так и с точки зрения использованной для ее фиксации письменности, стараясь не повторять по мере возможности доводы сторонников и противников подлинности этого памятника. В первую очередь обращает на себя внимание некоторые особенности содержащейся в ней мифологии. Ее защитники настаивают: *"В 'Велесовой книге' гана жреческая поэзия, уходящая корнями в устную народную культуру."* Согласно ей, вся вселенная состоит из Яви (материального проявленного мира, в котором живут люди), Нави (загробного мира) и Прави (всеобщего закона, содержащегося во всем). Все эти три силы состоят между собой в сложном единстве, взаимопроникновении и борьбе, предопределяющей изменение существующего мира. Это не просто деление мира на небесный, земной и подземный, свойственное большинству народов мира, а гораздо более сложная логическая абстракция, в определенной степени соответствующая индуистской триаде Брахма-Вишну-Шива, христианской Троице или китайской Ян-Инь. Однако, если наши предки именно так представляли мир и все происходящее в нем, то мы вправе ждать следов этого представления в народном фольклоре. Факты свидетельствуют, что основные идеи и представления русского язычества о Перуне, Волосе, роте, огне, небе, дожде и т.п. в том или ином виде, с большими или меньшими искажениями и христианским напластованиями сохранились до XIX-XX вв. Но следы Яви, Нави, Прави в русской культуре полностью отсутствуют. То же следует сказать и о богине Сва-Мать. Русский эпос знает Мать Сыру землю, но о Сва-Матери, играющей достаточно большую роль в "Велесовой книге", не имеется абсолютно никаких сведений. Так же равным счетом ничто не может подтвердить содержащиеся во "Велесовой книге" утверждения, что славяне называли Солнце по-индийскому Сурьей, что у них был священный напиток сурья, открытый богами Квасуре. Последнее имя является искаженным Квасиром скандинавской мифологии, на возможную связь которого с русскими словами "квас" и "квасить" указывал еще А.Н.Афанасьев. Но ничто не подтверждает существование этого имени на Руси. Содержащийся на дощечке перечень имен более чем 60 славянских богов типа Житнич, Зернич, Просич, Птичич, Зверинич, Грибич, Травич, Листвич и т.п. носит явно искусственный и вымышленный, причем вымышленный достаточно поздно характер. Не соответствует исторической действительности и такое утверждение "Велесовой книги": *"Боги русские не берут ни жертв людских, ни животных, только плоды, овощи, цветы и зерна, молоко, питную сурью, на травах забродившую, и мед, и никогда живую птицу, рыб. Мы же не желали делать это..."*² Наличие не только животных, но и человеческих жертв у славян подтверждается не только свидетельствами русских, греческих и немецких источников, которые теоретически еще можно заподозрить в христианской тенденциозности, но и нейтральных в данном случае мусульманских авторов, фольклорными и археологическими данными. Более того: в человеческом жертвоприношении древние видели богоугодное действие, поддерживающее существование Вселенной и вряд ли бы новгородские волхвы, якобы написавшие "Велесову книгу" в IX в., стали отрицать общеизвестные факты и оправдываться в них.

Целый ряд встречающихся во "Велесовой книге" слов, оборотов и выражений мог написать только человек XIX-XX вв., но никак не древний летописец, поскольку они были ему в принципе не известны. Рассказывая о "вавилонском пленении" русов, автор "Велесовой книги" пишет: *"и никогда нас не называли иначе как язычниками"*.³ Но само понятие язычества возникло только после возникновения христианства и жители Древней Передней Азии никак не могли называть русов язычниками задолго до н.э. - как потому, что не знали этого термина, так и потому, что сами были язычниками с современной точки зрения. Языческие волхвы IX в. так же не могли употребить этого термин: язычники никогда так сами себя не называли, и так именовали их только христиане. Никак не могли применять древние славяне выражения типа *"века докиевские"*⁴ и *"Киевская Русь"*.⁵ Киевская Русь — термин академической науки нового и новейшего времени, родившийся из потребностей периодизации русской истории и имеющий кабинетное происхождение. Сами древние русы свое государство и свою страну никогда не называли Киевской Русью. Даже если допустить невероятное, и предположить его существованию в старину, термин этот все равно никак не мог попасть в "Велесову книгу". Само понятие "Киевская Русь" предполагает господство Киева над всеми или, по крайней мере, большей частью восточнославянских племен, что впервые произошло при Олеге, а "Велесова книга", как подчеркивают ее апологеты, — это летопись "доолеговой Руси". Так же кабинетное происхождение имеет выражение: *"А несколько веков тому назад мы были антами на русской равнине, а в древности были русами — и ныне пребываем ими."*⁶ Выдает позднее время написания негодующее восклицание автора "Велесовой книге": *"И эти римляне говорят, что мы варвары! А с грубой стороны греки говорят, что мы варвары!"* Как показывает история, ни один варварский народ древности, будь то скифы, германцы, славяне или скандинавы, не испытывал комплекса неполноценности из-за того, что их более культурные соседи считали их варварами. В глазах "варварских"

¹ Велесова книга, М., 1995, с.233.

² Велесова книга, М., 1995, с.157.

³ Велесова книга, М., 1995, с.79

⁴ Там же, с.25.

⁵ Там же., с.113.

⁶ Там же., с.157.

⁷ Велесова книга, М.; 1995, с.173.

народов их великая самоценность заключалась в том, что они просто есть, существуют на этой земле. Проблема противопоставления культурных народов варварским приобрела остроту сравнительно недавно, когда ученые XVIII-XIX вв. стали изучать древнейшую историю своих народов, пользуясь преимущественно сведениями греческих и латинских авторов, в глазах которых все прочие народы были варварскими. Именно тогда и возникло страстное стремление части ученых доказать, что их далекие предки вовсе не были такими дикарями и варварами, как их описывали античные авторы. А для самих этих предков подобной проблемы вовсе не существовало.

Не менее проблематично обстоит дело и с историческими сведениями, содержащимися во "Велесовой книге". Данная в ней генеалогия предков славянских племен сложна и запутанна. Если традиция о братьях-прародителях Чехе, Лехе и Русе достаточно древняя, то утверждение о том, что поляне, древляне и кривичи получили свои названия от имен дочерей Богумира представляется абсолютно невероятным. В качестве прародителей, по имени которых было названо то или иное племя, у славян в частности и индоевропейцев вообще фигурируют исключительно мужчины и никогда — женщины. Это тем более невероятно, поскольку в отношении полян и древлян достоверно известно, что они получили свои названия по условиям обитания — в полях и лесах. Глобальный катаклизм и зима, заставившие покинуть славян свою прародину сконструированы по образцу индоиранской традиции, утверждение что предки Руси пришли из Китая более чем маловероятно, а "вавилонское пленение" русов сконструировано по образцу еврейского. "Велесова книга" объявляет славянами киммерийцев и скифов, что соответствует распространенной одно время в русской дореволюционной историографии теории по которой скифы рассматривались в качестве предков славян. Однако, впоследствии было неопровержимо доказано, что скифы — это иранские племена, которые хоть и были соседями славян, но их предками не являются. Апологеты "Велесовой книги" пытаются обойти этого факт с помощью следующего ухищрения: *"Что же касается самих скифов - иранцев, то считать, или не считать их предками славян — не столь важно. Да — по языку и обычаям они отличались от собственно славян, но они были ассимилированы и потому пусть в меньшей степени по культуре, но по крови они все же могут считаться праславянами."*¹ Но славянами в любом случае могла быть ассимилирована лишь сравнительно небольшая часть скифов (основная их часть стала предками алан или была ассимилирована ирано-язычными племенами сарматов) и в силу этого рассматривать их в качестве предков славян все равно нельзя. Даже если эта часть скифов каким-то чудом стала прямыми предками новгородских словен, то все равно при описании их малоазиатской и причерноморской истории во "Велесовой книге" они должны были поклоняться своим богам, имена которых были зафиксированы античными авторами, а не славянскими. Явно не соответствуют исторической действительности описанные "Велесовой книгой" бесконечные ожесточенные войны славян с Грецией и Римом: *"Это Греция пришла на ту землю, и осела на ней, и не заботилась о Руси. И вот русы вынули мечи, и напали на греков, и отогнали их от своих морских берегов. И тогда греки привели рати, защищенные железными бронями. И была сеча великая, и вороны там граяли при виде человечины, разбросанной по Полю;"*² *"Тысячу лет мы отбивались от ромеев и готов."*³ Как показывает история, греки всегда стремились к основанию на побережье колоний для установления регулярной торговли, но никогда к территориальным захватам в собственном смысле этого слова. С римлянами же славяне при всем желании не могли воевать тысячу лет. Весьма показателен и следующий факт. Однообразно описывая тысячелетние войны славян со своими врагами, "Велесова книга" время от времени отмечает, что это были греки, римляне, языги, готы, гунны, хазары, лишь изредка называет славянских вождей, но никогда — предводителей греков или римлян. Единственным исключением является римский император Траян, да и то, надо думать, потому что это имя было упомянуто в "Слове о полку Игореве". Объясняется это гробовое молчание просто: история греков и римлян была великолепно изучена и любая конкретизация войн с ними неизбежно привела бы к разоблачению "Велесовой книги". Что касается Траяна, то ни один античный источник не указывает на его войны со славянами.

Абсолютно невероятен эпизод с иранским боярином Скотенем, который, защищая русов, с помощью иранской конницы разбил сначала хазар, а затем и готов. Сарматы — последние иранские кочевники в степях Восточной Европы — были в IV в. полностью разгромлены гуннами, хазары появляются в Европе после гуннов и лишь в VII в. создают свой каганат и становятся заметной силой. К тому времени готов (за исключением их небольшой части, осевшей в Крыму) в Восточной Европе уже давно не было и, следовательно, одновременно сражаться с хазарами и готами иранцы никак не могли. Не меньшее изумление вызывает пассаж "Велесовой книги" о Кирилле и созданной им азбуке. "Велесова книга" знает Рюрика и не знает его ближайшего сподвижника и родственника Олега (что довольно странно для новгородских волхов) и, следовательно, должна была быть написана между 862 и 879 г. Кирилл создает славянскую письменность в 863 г., но только он начинает ее распространять в Моравии, как наталкивается на жесткую оппозицию немецкого духовенства, обвинившего его в ереси, и вызывается в Рим к папе. Туда Кирилл и Мефодий едут в 866 или 867 г. После приезда в Рим Кирилл тяжело заболевает и умирает в 869 г. Мефодий, получив одобрение папы Адриана II, в 870 г. возвращается в Моравию, но из-за интриг немецкого духовенства подвергается гонениям и заключается в тюрьму. В 882 г. Мефодий возвращается

¹ Велесова книга, М., 1995, с.249.

² Там же, с.109.

³ Там же, с.139.

в Византию, в 886 г. ученики просветителей окончательно изгоняются из Моравии, а переведенные на славянский язык книги уничтожаются. Итак, хоть деятельность Кирилла и Мефодия в Моравии и заложила основы славянской письменности, но из-за ожесточенного противодействия немецкого духовенства широкого распространения там не получила (это произойдет в 894 г. в Болгарии) и вряд ли могла представлять серьезную угрозу для новгородских волхвов, которые вряд ли даже знали о зарождении в этот период в Моравии новой письменности. Осведомленность же их о деталях пребывания Кирилла в Херсоне просто поразительна. О искажении сведений о Кие, Щеке, Хориве и Дире, Аскольде, Рюрике нет смысла даже говорить.

На протяжении всей "Велесовой книги" четко прослеживается следующая тенденция: кроме генеалогии максимум информации в ней приходится на события, описанные Геродотом, Иорданом, Повестью временных лет, "Житием" Кирилла, но создатель "Велесовой книги" систематически переиначивает их на свой лад. Сохраняя имена и основную канву, он каждый раз достаточно вольно переделывает конкретные факты. Геродот, Иордан, Повесть временных лет — это надежные первоисточники, которые на протяжении нескольких веков всесторонне изучались целыми поколениями историков и достоверность которых является общепризнанной. В случае расхождения с "Велесовой книгой" одного из них еще можно было бы предположить, что, скажем, Иордан ошибался, а "Велесова книга" описывает истинное положение дел. Но когда "Велесова книга" расходится без исключения со всеми названными первоисточниками, то вывод может быть только один: ошибается "Велесова книга".

Рассмотрим теперь "Велесову книгу" с точки зрения использованного для ее записи алфавита. Он состоит из 35 букв, подавляющее большинство которых и по начертанию, и по назначению очень близки кириллице, а меньшая их часть соответствует скандинавским рунам. Следует сразу отметить, что подобного типа алфавит мог возникнуть сравнительно поздно, когда на территории восточных славян встретились и вступили во взаимодействие греческое влияние с юга и скандинавское — с севера. Следовательно, письменность, которой славяне записали свои священные предания, достаточно поздняя и имеет неславянское происхождение. Это тем более странно в свете того, что, как будет видно из дальнейшего изложения, славяне имели собственную самобытную письменность, имевшую священный характер. Защитники подлинности "Велесовой книги" утверждают, что именно ее азбуку Кирилл положил в основу создаваемой им письменности. Но даже если это так, теснейшая связь и кириллицы, и "велесовицы" несомненна, а это плохо совмещается с ярко выраженной антигреческой направленностью "Велесовой книги". В принципе, возможны два объяснения этой связи: или языческие волхвы, имевшие свою собственную письменность, для записи своих священных текстов заимствуют у ненавидимых им греков, с которыми русы в "Велесовой книге" вели бесконечные войны, письменность, или греческая письменность, а заодно и скандинавская, финикийская, египетская и т.д. возникли под влиянием славянской "велесовицы". Первый вариант никак не совместим с заботой авторов "Велесовой книги" о том, чтобы греки не считали русов варварами (а наличие собственной письменности — один из существенных критериев для признания народа культурным) и поэтому апологеты "Велесовой книги" все больше склоняются ко второму варианту, абсурдность которого очевидна.

От письменности, которой была записана целая книга с священными преданиями русов мы вправе ожидать достаточно широкого распространения в дохристианской Руси и наличия хотя бы еще несколько надписей, сделанных "велесовицей". Однако, ни одного такого памятника на территории Руси нет ни до, ни после крещения, что указывает на искусственный характер "велесовицы". Даже в Новгороде, где должна была быть записана "Велесова книга", встречаются датируемые дохристианским временем надписи, но исполнены они кириллицей, а не "велесовицей". Единственно типологически сходная группа надписей — граффити встречается нам в Масковичах (Белоруссия), но датируются они XI - XIV вв. Граффити в Масковичах (до сих пор не расшифрованные), исполнены смешанной кирилло-рунической письменностью и типологически близки "влесовице", но существенно отличаются от нее своим конкретным начертанием. Более чем серьезные сомнения вызывает и такая особенность "Велесовой книги", как верхняя горизонтальная черта, объединяющая все буквы в строке (по словам одного из "деревенских информаторов" Ю.Миролюбова, чтобы все буквы на нитку нанизывались). Подобная черта свойственна некоторым сравнительно поздним видам индийской письменности, возникнув в результате их эволюционного развития, но она не зафиксирована ни у одной славянской надписи, каким бы типом письма она не была исполнена, и по своему характеру органически чужда как "велесовице", так и кириллице.

Что касается начертания отдельных букв "влесовицы", то мы имеем уникальную возможность сравнить их со знаками протокириллицы культуры штрихованной керамики / знаковых пряслиц (VII в. до н.э. — V в. н.э.) — древнейшей из известных на сегодняшний день славянской письменностью. С буквами кириллицы, а следовательно, и "влесовицы" могут быть сопоставлены следующие знаки данной культуры: А, И, Ч, Ш, Ц и, возможно, Н. Из этих 5-6 знаков с "влесовицей" совпадают только 2 - И, Ц, а начертания всех остальных существенно от нее отличаются. Особенно показательно различие в начертании буквы Ч, которая как будет видно из дальнейшего изложения, в силу сравнительной частоты ее употребления в древнейших памятниках славянской письменности (и всегда в односторонней форме, максимально приближенной к современной) служит своеобразным индикатором подлинности.

Таким образом, и с точки зрения содержания "Велесовой книги", и с точки зрения ее письменности имеются достаточно серьезные основания для того, чтобы рассматривать ее как позднюю фальсификацию, что исключает ее из числа источников данного исследования. Окончательное же

решение проблемы "Велесовой книги" может дать анализ хотя бы одной ее дощечки, или ее всестороннее изучение целым коллективом специалистов.

Постоянная критика гипотез и подделок подрывало доверие к возможности вообще использования какой-либо письменности на Руси в дохристианский период. Тема стала приобретать скандальный оттенок, стало ясно, что ни славы, ни имени на ней не сделаешь и крупные специалисты начали ее избегать из опасения нанести ущерб своей научной репутации. На многие годы проблема дохристианской письменности на Руси исчезает со страниц специальных изданий и, фактически, отдается на откуп любителям — непрофессионалам. Так, в солидной монографии В.И.Борковского и П.С. Кузнецова 1963 года, посвященной исторической грамматике русского языка, этой проблеме был уделен всего лишь небольшой абзац. Одним из немногих исключений этого периода полуумолчания и скептицизма 60-х — 80-х годов стали книги В.А.Истрина - "Развитие письма" 1961 г. и "1100 лет славянской азбуки" 1963 г. - в которых он достаточно подробно рассматривает проблему дохристианской письменности, приводит большинство свидетельств о ней иноземных авторов, воспроизводит три загадочные русские надписи, не делая, впрочем, ни малейшей попытки их расшифровки и склоняется к мысли, что какая-то письменность до введения кириллицы на Руси была, но носила примитивный пиктографический характер.

Ссылаясь на "общие закономерности развития письма", которые, кстати сказать, различными учеными определяются весьма по-разному, В.А.Истрин утверждал: "Докирилловское славянское письмо, по-видимому, могло быть только трех видов.

Так, в свете общих закономерностей развития письма представляется почти несомненным, что еще задолго до образования связей славян с Византией у них существовали различные местные разновидности первоначального, примитивного пиктографического письма... Правда, древнейшее славянское письмо могло быть письмом лишь очень примитивным, включавшим небольшой, нестабильный и разный у разных племен ассортимент простейших изобразительных и условных знаков. Это были, видимо, простейшие счетные знаки в форме черточек и зарубок, родовые и личные знаки, знаки собственности, знаки для гадания..."¹ Двумя другими видами, как полагал В.А.Истрин, были протокирилловское и протоглаголическое письмо. Не вполне понятна та категоричность, с которой этот ученый без расшифровки даже имевшихся у него образцов дохристианской письменности утверждал, что славянская письменность могла быть только трех видов, и безапелляционно рассуждал какой эта письменность могла и не могла быть.

В целом же, скепсис к этой проблеме в среде ученых был настолько высок, что комментируя упоминание о русских письменах в "Житии Константина Философа" Б.Н.Флоря в 1981 г. (!!) пишет: "Наиболее удачное объяснение, не требующее изменений текста, могла бы дать гипотеза о знакомстве Константина с письмом древних "русов" — жителей Поднепровья — "Русской земли" IX в., но к сожалению, не имеется каких-либо следов существования такого письма или упоминаний о нем в других источников..."² И это несмотря на многочисленные свидетельства его существования!

Скепсис этот проявился и в выступлении А.А.Медынцевой на IX Международном съезде славистов в 1983 г.: "Между тем многие данные, свидетельства восточных авторов, соображения общего характера позволили многим ученым предположить, что письменность на Руси появилась задолго до официального принятия христианства. При полном отсутствии или фрагментарности эпиграфического материала того времени эти общие (и правильные) положения создают условия для возникновения романтических, но совершенно не выдерживающих критики гипотез об "оригинальном" письме на Руси дохристианского периода."³

В 1988 г. Б.А. Рыбаков публикует книгу "Язычество Древней Руси", в которой отождествил расшифрованные им календарные знаки с чертами и резами, а целый раздел своей книги назвал "Языческое летописание Руси". В нем он совершенно правильно указал на некоторые языческие мотивы русской летописи, попробовал реконструировать Повесть об Ольге, написанную, по его мнению, волхвом и предположил, что языческие жрецы вели летопись с 872 г. Вопрос о письменности, на которой она велась, Рыбаков, по сути дела не поставил, невнятно сказав скороговоркой о том, что волхвы могли заимствовать письмо у греков. Это было одним из последних обращений крупных специалистов к этой проблеме, однако сама по себе тема настолько притягательна, что вновь и вновь порождает попытки отдельных энтузиастов, которых не останавливают и не смущают неудачи предшественников. В 1992 г. один из таких любителей А.Барашков выдвинул совершенно фантастическую гипотезу о том, что у древних славян было узелковое письмо, наподобие кипу древних инков. Основываясь на заставках в рукописях, он "восстановил" символы нескольких богов и понятия типа "дерева" и "Земли". Идея вызвала горячее одобрение Б.А.Рыбакова (вновь повторившего старую догму о появлении письменности вместе с государством, но оговорившегося, что ее прообразы могли существовать уже в первобытные времена) и была жестоко раскритикована Д.С.Лихачевым, который, вероятно, устав от многочисленных любительско-кустарных реконструкций, решительно опроверг саму возможность существования дохристианской письменности

¹ Истрин В.А. 1100 лет славянской азбуки, М., 1963, с.95-96.

² Сказания о начале славянской письменности, М., 1981, с.117.

³ История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов, М., 1983, с.86.

на Руси: "Говорить, что у Кирилла и Мефодия были предшественники, это все равно, что говорить, будто у Эдисона был предшественник крестьянин, который жег лучину."¹

В том же 1992 г. в книге, посвященной настенным надписям, проблемы дохристианской письменности коснулась Т.В. Рождественская, вновь повторившая старый марксистский постулат о неразрывной связи письменности и государства: "Начало письменности у восточных славян связано с процессом градообразования как проявления феодализации Руси и выражается в использовании в административном управлении и торговле элементов разных графических систем, часто сосуществующих в пределах одного социального коллектива. Отсутствие древнерусских текстов до X века не кажется случайным. Потребность в письменности как системе появляется тогда, когда стабилизируются признаки государства... Поэтому предпринимаемые иногда поиски славянских докирилловских текстов, относящихся к IX веку, а то и более раннему времени, кажутся лишенными исторической основы."² Естественно, что подобный подход, когда догмы ставятся выше реальных фактов, препятствует самому поиску памятников древней письменности. Но к этому времени ошибочность этой догмы стала уже очевидной. Традиционно считалось, что древнейшей письменностью на Земле является египетская, возникшая в IV-III тыс. до н.э. практически одновременно с египетской государственностью. Однако, в 1961 г. около румынского селения Тэртэрия археологи нашли три глиняные таблички, покрытые письменными знаками и датируемые V тыс. до н.э. Таким образом, это самая древняя из известных нам письменностей. Она старше египетской как минимум на целое тысячелетие, а никакой государственности или даже ее зачатков на территории Румынии в V тыс. до н.э. не существовало. Так конкретные факты наглядно опровергают теоретические догмы. Безусловно, государство создает благоприятные условия для широкого распространения письменности, но ставить ее возникновение в жесткую зависимость от существования государственности является ошибкой. В 1993 г. дилетант - любитель Г.С. Гриневич выпускает книгу о праславянской письменности, в которой он объявляет таковой не только загадочные надписи с территории Древней Руси, но и Фестский диск с Крита, письменность цивилизации долины Инда, этрусскую письменность и т.д. Стремление объявить, не считаясь ни с временем, ни с расстоянием, ни с элементарным здравым смыслом, все нерасшифрованные письменности славянскими лишь дискредитируют проблему славянской письменности и мешают ее правильному решению.

Кратко проследив историю вопроса, мы видим, что проблеме дохристианской письменности на Руси выпала в истории историографии весьма сложная и нелегкая судьба. Возникновение и распространение письменности на Руси принадлежит к числу наиболее спорных и сложных вопросов, обсуждаемых в настоящий момент в отечественной науке.

¹ "Наука и религия", 1992 г., №4-5, с.32.

² Рождественская Т.В. Древнерусские надписи на стенах храмов, СПб., 1992, с.32.

Глава 2

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

Древнейшее упоминание о существовании на Руси какой-то собственной оригинальной письменности содержится в Житие создателя современной нашей азбуки св. Кирилла-Константина. Посланный императором Византии Михаилом с посольством к хазарскому кагану, будущий просветитель славян по пути туда в 861 году посещает крымский город Херсон (Корсунь русских летописей, находившийся близ современного Севастополя), где 30 декабря обретает мощи св. Климента. Факт его пребывания в этом городе не может быть выдумкой составителя Жития, так как подтверждается другим независимым источником: письмом римского прелата Анастасия епископу Гаудериху, в котором сообщается о том, что Константин был послан в Хазарию и на пути туда и обратно посетил Херсон. Население этого города, находившегося в раннем средневековье на пересечении оживленных торговых путей, было довольно пестрым: там жили греки, готы, русы, евреи, хазары и другие кочевники причерноморских степей, и возможно, купцы с Ближнего Востока. Неудивительно, что во всем этом людском многообразии судьба сулила Кириллу-Константину интересную встречу: "Нашел (в древнерусских списках "обрете" — М.Л.) же здесь (в Херсоне) евангелие и псалтирь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи (древнерусское "силу речи приимь" — М.Л.) и, сравнив ее со своим языком, различил буквы гласные и согласные, и, творя молитву богу, скорее начал читать и излагать (их), и многие удивлялись ему, хваля бога"¹

В более поздних русских рукописях XV века к этому месту прибавлено следующее дополнение: "Се же буди ведомо всеми языки и всеми людьми, яко русский языкъ ни от куду же приа веры сеа святыя, и грамота русская ни кым же явлена, но токами самемъ богомъ въсдержителемъ отцемъ и сыномъ и святымъ духомъ... А грамоты русская явилася, богомъ, дана, въ Корсунѣ русину, от негоже научися философъ Константинъ, и оттуду сложивъ и написавъ книгъ русскимъ языкомъ. То же мужъ Русинъ бысть правоверень... и тѣи единъ отъ Русска языка явися преже крыстьяны..."² Дальше утверждалось, что этот русский, единственный христианин до крещения всего народа, жил благоверно и уединенно во дни царя Михаила (различные Михаилы царствовали на византийском престоле с 811 по 869 г.) и Ирины благоверной (царствовала в 797-802 г.г.) и после них, имя его было неизвестно, и никто не знал откуда он.

Если с последним сообщением о неведомом никому благоверном русине все более или менее ясно — это позднейшая вставка церковников, призванная восполнить недостаток информации и возвеличить христианскую Русь-то с первым сообщением все гораздо сложнее. Эта одна-единственная фраза из Жития породила такую оживленную дискуссию и столь огромную литературу, что по спорности ее можно сравнить лишь с летописным известием о призвании варягов. Что это были за загадочные "русские письмена"? Из текста Жития следует, что они были достаточно сложны, что стояли из гласных и согласных, ими можно было записывать сложнейшие богословские тексты, на них писались книги, которые Константин "вскоре начал читать". Основные мнения по этому вопросу были высказаны следующие: 1) это было письмо древних русов, которое затем легло в основу славянской азбуки Константина (П.Я. Черных, В.А. Истрин, Е. Георгиев, А. Авенариус), 2) выражение "русские письмена" следует понимать как готские письмена (Ф. Дворник), 3) "сурские" или сирийские (Р.О. Якобсон, А. Вайян), 4) "фрузские"-франкские (Г.А. Ильинский), 5) "узкие" — указание не на национальную принадлежность, а на внешний вид письма (И. Гошев), 6) это место является поздней вставкой (А.С. Львов). Итак, мы видим сколько высказывалось гипотез, чтобы затемнить совершенно ясный текст только потому, что он не укладывается в рамки чьих-то концепций и принятых догм.

Последняя гипотеза отпадает потому, что древнейшими списками Жития являются югославские,

¹ Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности, Л., 1930, с. 12.

² Сказание о начале славянской письменности, М., 1981, с. 77-78.

³ Лавров П.А. Ук. соч., с. 36-37.

для которых вовсе не было нужды возвеличивать русскую письменность. Гипотеза об "узких" не подходит потому, что в таком случае текст полностью теряет свой смысл. Предположение о франкских письменах также не выдерживает критики, так как франкское присутствие в Херсоне не зафиксировано, да и автор Жития не преминул бы подчеркнуть знание Кириллом этого языка. Версии о сирийском или готском письме имеют под собой несколько большее основание, чем франкская, но также не подходят: Константин был полиглотом, и к моменту своего путешествия в Хазарию уже знал оба языка и, следовательно, чтению на обоих языках ему учиться не приходилось, да к тому же в подобном контексте было бы непонятно удивление окружающих. Более того, оба этих народа упоминаются в другом месте Жития под своими именами, так что говорить об ошибке автора или переписчика, равно как и о том, что почему-то готов или сирийцев в Херсоне звали русами, не приходится. Отвечая своим противникам в Венеции, Константин перечисляет имеющие свою письменность народы: "Мы же знаем многие народы, что владеют искусством письма и воздают хвалу богу каждый на своем языке. Известно, что таковы: армяне, персы, абхазы, грузины, согдийцы, готы, авары, турки, хазары, арабы, египтяне, сирийцы и иные многие."¹ Следовательно, нельзя говорить о том, что готская или сирийская письменность в другом месте Жития называлась русской. Наиболее правильно понимать это место так, как оно описано буквально, но часть ученых отвергает это под тем надуманным предлогом, что это слишком невероятно. И нет более никаких других источников, говорящих о существовании письма на Руси в это время.

Сторонники же первой гипотезы абсолютно правы, утверждая, что упомянутое письмо было русским, но впадают в ошибку, фактически становясь на точку зрения автора XV века о "неизвестном русине", считая, что именно его Кирилл-Константин положил в основу своей азбуки. Житие об этом вовсе не говорит, а наоборот подчеркивает, что Константину славянскую грамоту открыл сам Бог. Автор Жития вовсе не собирался выводить кириллицу от древнейших русских письмен, из чего следует, что обе эти письменности были различны и существенно отличались друг от друга. В этом вопросе мне представляется наиболее обоснованным мнение С.Гедеонова, справедливо указавшего на тот факт, что Константин, выросший в славянском окружении в Солуне и великолепно знавший этот язык, смог объясниться с русским в Херсоне при первой же встрече, и мы видим здесь ситуацию, когда при известной славянской речи существует неизвестные русские письмена. Вся эта история лишь эпизодический факт из жизни философа, и не более того. "Житие не упоминает о русских письменах в рассказе об изобретении славянских, по той причине, что Кирилл не думал полагать их в основание своему новому алфавиту, так как они без сомнения показались ему, на греческой письменности воспитанному грамотею, неуклюжими и неудобными."² Это предположение наилучшим образом объясняет интересующее нас место из Жития и из него следует тот факт, что основанная на греческом алфавите кириллица принципиально отличалась от виденных Кириллом русских письмен.

О существовании каких-то славянских книг до Кирилла говорится и в Житии его брата Мефодия: "Тут Бог явил философу славянские книги. "Возможно, здесь речь идет о написанных русским письмом евангелие и псалтыри, а возможно, о каких-то других книгах.

Гораздо более важная информация содержится в сказании Черноризца Храбра "О письменах". Произведение это было создано в Болгарии в конце IX — начале X века и посвящено специально проблеме славянской письменности. В основном Храбр, естественно, рассказывает о великом подвиге Кирилла, но в самом начале своего сказания касается положения дел в предшествовавшую языческую эпоху: "1. Ведь прежде славяне, когда были язычниками, не имели письмен, но читали и гадали с помощью черт и резов. 2. Когда же крестились, то пытались записывать славянскую речь римскими и греческими письменами, без порядка. Но как можно хорошо написать греческими буквами: "бог" или "живот", или "зело", или "црькы", или "чаание", или "широта", или "юдь" или "уг", или "язык" и иные подобные этим (слова). И так было многие годы."³

В более литературном переводе В.Дерягина этот отрывок звучит так: "Прежде ведь славяне не имели букв, но по чертам и резам читали, ими же гадали погаными бугучи. Крестившись, римскими и греческими письменами пытались писать славянскую речь без устройства. Но как можно писать хорошо греческими письменами "Бог" или "зело", или "Церковь", или "чаяние", или "широта", или "ядь", или "уг", или "юность", или "язык", или слова иные, подобные им? И так было долгие годы."⁴ Для нас подобное свидетельство особенно важно потому, что исходит оно непосредственно от современника тех далеких от нас времен. Сразу следует указать на ошибку, сделанную первым переводчиком (Б.Флорей): если славяне до принятия христианства не имели письмен, то что же они тогда читали? В действительности, в дошедших до нас Московском и Чудовском списках сказания Храбра написано "письмен", а в Лаврентьевском, Савинском и Хилендарском — "книг". Мне представляется, что чтение второй группы ближе к оригиналу, так как читать можно и отдельные надписи, не только книги, но читать не имея письменности — невозможно.

Вопрос о "чертах и резках" как о каких-то языческих прообразах письменности вызвал достаточно большой интерес в среде ученых. Дело, однако, серьезно осложнялось отсутствием самих знаков, которые

¹ Сказания о начале славянской письменности, М., 1981, с.89. ² Гедеонов С.Варяги и Русь, СПб., 1876, с.563.

³ Сказания о начале славянской письменности, М., 1981, с.102. ⁴ "Москва" № 9 за 1990 г.

можно было бы с уверенностью отождествить с "чертами и резами" и поэтому вопрос о том, что они из себя представляли, решался специалистами исходя только из текста памятника да своих собственных концепций. Неудивительно, что большинство исследователей, основываясь исключительно на собственных представлениях о примитивности славян той эпохи, посчитали их простыми черточками и нарезками (зарубками), использовавшимися для примитивного счета и гадания. Это мнение стало господствующим в научной литературе, но при этом оно игнорирует прямое указание Храбра на то, что с помощью этих "черт и резов" славяне еще и читали. Интересно, что можно прочесть с помощью черточек и зарубок? Поэтому, в данном случае я склоняюсь к предположению А.Д.Маневского о том, что черноризец Храбр так назвал славянские письмена не по их внешнему виду, а по тому материалу, на котором они писались: "резы" вырезались (скажем, на дереве или камне), "черты" - чертились (на глине или пергаменте). Как мы увидим впоследствии, подобная интерпретация вполне подтверждается и материальными данными.

Не менее важным является то, что числовое значение некоторых знаков славянской письменности и использование их в качестве материала для гаданий нашло отражение в славянском языке. Данные лингвистики однозначно подтверждают утверждение Храбра о том, что с помощью знаков своей письменности славяне-язычники и читали, и гадали. Л.П.Якубинский в своей книге "История древнерусского языка" показал, что такие русские слова как "читать", "считать", с одной стороны, и "чтить", "почитать" — с другой, имеют один общий корень "чът", что отражает реальное положение дел в древнейший период. Таким образом, мы можем с большой долей вероятности утверждать, что первоначальная славянская письменность носила сакральный характер, с самого начала и в первую очередь, наподобие скандинавских рун, использовалась для гадания и была призвана обеспечить надежную связь мира людей с миром богов.

Упоминания же о гадании у славян намного древнее упоминаний об их письменности. Византийский историк VI века Прокопий Кесарийский так описывал верования современных ему славянских племен: "Они считают, что огни только бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью, или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся тотчас же принести богу жертву за свою душу; избегнув смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценою этой жертвы. Они почитают реки, и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания."¹ Византийский император Константин Багрянородный (905-959) так описывает плавание русов по Днепру после прохождения ими 7 порогов: "После того, как пройдено это место, они достигают острова, называемого Св. Григорий (о-в Хортица — М.Л.) На этом острове совершают они свои жертвоприношения, так как там стоит громадный дуб: приносят в жертву живых петухов, укрепляют они и стрелы вокруг (дуба), а другие — кусочки хлеба, мясо и что имеет каждый, как велит их обычай. Бросают они и жребий о петухах: или зарезать их, или съесть, или отпустить их живыми. От этого острова росы не боятся пачинакита (печенегов — М.Л.)."² Хотя венценосный автор и не назвал бога, которому русы поклонялись на острове, ясно, что это — Перун. Дуб издревле считался священным деревом громовержца, этот участок Днепра назывался "Перуня рень", именно отсюда русы уже не боялись нападений печенегов, и приносили благодарственную жертву за безопасное прохождение порогов богу войны и, вероятно, молили его о благополучном плавании по Черному морю. Грозный и непредсказуемый характер этого бога хорошо прослеживается по другим источникам, и поэтому угодную ему жертву каждый раз приходилось определять заново с помощью гадания. Кроме того, Перун был единственным русским богом, которому приносились человеческие жертвы.

Эти кровавые жертвоприношения запечатлились в народной памяти и отразились в былине о Садко. Под влиянием христианства имя Перуна в былине не упоминается и вместо него фигурирует безымянный морской царь — замена вполне понятная, если учесть, что в одной из своих ипостасей Перун является богом мировых вод и моря-океана в частности. Специалисты по фольклору сходятся во мнении, что ядро былины о Садко, повествующее о пребывании героя в подводном царстве, восходит ко временам индоевропейской общности, датируемой II тысячелетием до н.э. В пользу этого свидетельствуют древнеиндийский миф о том, что бог Варуна (индийский аналог нашего Перуна) наслал смертельную болезнь водянку на своего любимого певца и мудреца Васиштху, чем-то его прогневавшего (отметим, что и Садко был певцом-гусярем). Что же касается того, что часть исследователей былинного эпоса связывают историческую основу этой былины с именем Сотка Сытинича, построившего в 1167 г. в Новгороде церковь, то это может быть объяснено или его одноименностью с героем языческого мифа, или тем, что при христианской его обработке первоначальное имя было вытеснено и заменено именем Садко, совершившим богоугодное дело — построившим божий храм.

Сюжет былины таков: разбогатевший с помощью морского царя бедный гусярь Садко несколько лет плавает торговать в заморские страны, еще более приумножает свое богатство, не платя дани своему божественному покровителю. И вот однажды на корабле Садко в открытом море обрушивается буря, не давая им плыть дальше. Гусярь-купец сразу понял причину бури:

"Ай же ты, дружина хоробая!

А и как сколько ни по морю ездили,

¹ Прокопий из Кесарии. Война с готами., М, 1950, с.297.

² Константин Багрянородный. Об управлении империей., М., 1989, с.49.

*А мы морскому царю гани да не плачивали.
А топерь-то гани требует царь морской-то в синем море."*

Мотив, отметим, совершенно языческий, но никак не христианский. Чтобы умиловать водяного царя, в море кидают бочки с золотом, серебром и жемчугом, но буря не стихает. Видя, что богатства не удовлетворяют морского царя, Садко понимает, что он требует человеческой жертвы — верный указатель присутствия Перуна. И дальше русские дружинники ведут себя не как добрые христиане, смиренно возносящие молитвы к Богу, но точь в точь как описанные в VI веке Прокопием славяне-язычники: оказавшиеся на краю гибели мореходы покупают свое общее спасение принесением в жертву грозному богу одного из своих, чтобы ценой его жизни избавить от смерти всех остальных. Нечего и говорить, что мотив этот глубоко языческий, абсолютно чуждый христианскому мировоззрению. Чтобы определить угодную морскому царю жертву, прибегают к ритуалу гадания — еще одной характерной черте Перуна. Садко обращается к своим спутникам:

*"Ай же ты, любезная дружинушка да хоробая!
А видно, морской-то царь требует как живой головы
у нас в сине море.
Ай же ты, дружинушка хоробая!
А и возьмите-тко, уж как делайте
А и да жребия да себе волжаны,
А и как всяк свои имена вы пишете на жеребьи,
А спускайте жеребья на сине море;
А я сделаю себе-то жребий на красное-то на золото.
А и как спустим жеребья топерь мы на сине море:
А и как чей у нас жеребий топерь да ко дну пойдет,
А тому итти как у нас да в сине море."*¹

Тонет, естественно, жребий Садко, который после этого предлагает дружинникам сделать себе жребии из золота, а себе делает из дуба — еще одна черта, характерная для бога-громовержца. Второе, а также третье метание жребия дает все тот же результат — морской царь однозначно указывает на Садко.

*А как тут говорил Садко таковы слова:
"А и видно, Садку да делать топерь нечего,
А и самого Садка требует царь морской да в сине море.
Ай же ты, дружинушка моя да хоробая, любезная!
А и возьмите-тко вы, несите-тко
А и мою как чернильницу вы вальячную
А и неси-тко как перо лебединое,
А и несите-тко вы бумаги топерь вы мне гербовыи."
А и как тут как дружинушка ведь хоробая
А и несли ему как чернильницу да вальячную
А и несли как перо лебединое,
А и несли как лист- бумагу как гербовую.
А и как тут Садко, купец богатый новгородский,
А сажился он на ременчат стул
А к тому он к столу ко губовому,
А и как начал он именица своего да он отписывать:
А как отписывал он имения по божьим церквам,
А и как много отписывал он имения нищей братии,
А как ино именица он отписывал да молодой жены,
А и достальнее имя отписывал дружине он хоробые."*²

Написав завещание и простившись со своей дружиной, Садко на дубовой доске спускается в море, буря прекращается, гуслик оказывается во дворце морского царя, откуда он благополучно выбирается с помощью Николы Угодника. Первоначальный конец былины заслонен для нас более поздними христианскими напластованиями.

Итак, мы видим, что основное ядро былины о Садко бесспорно относится к очень древним языческим временам и логично предположить, что к ним же относится описываемый обычай писать свои имена на жребии при важных гаданиях. Это предположение превращается в уверенность при сопоставлении текста былины с известием черноризца Храбра о том, что язычники-славяне "гадали с помощью черт и резов".

¹ Былины, Л., 1984, с.357.

² Былины, Л., 1984, с.358.

Описывающая события XII — XIII в.в. былина "Князь Роман и братья Ливики" также воссоздает картину языческого ритуала: перед боем дружинники также пишут свои имена на жребиях и кидают их в реку, чтобы узнать кто погибнет в предстоящей сече, а кто останется невредимым. Исследователи обычно или проходят мимо такого красноречивого свидетельства существования на Руси письменности в дохристианскую эпоху, или отделяются скороговоркой, что здесь мы имеем дело не с письменностью в полном смысле этого слова, а с тамгами — особыми родовыми знаками — клеймами, которыми кочевники монголы метили свой скот. Предположение довольно сомнительное, если учесть, что на древнерусских ладьях находилось от 30 до 100 человек экипажа и однозначным упоминанием былины о том, что все они писали свои имена на жребии. Также к дохристианским временам, я бы отнес и эпизод с завещанием Садко (разумеется, за исключением поздних вставок о гербовой бумаге и божьих церквях), так как ему имеется подтверждение в независимом источнике: в договоре 911 года между языческой Русью и Византией упоминаются письменные завещания русов, живущих в Царьграде.

Статья договора гласит: "И о работающих во Грехах Руси у хрестыанского царя. Аще кто умрет, не урядивъ своего имѣнья, ци своих не имать, да възратитъ имѣние к малым ближникам в Русь. Аще ли сотворитъ обряжение таковыи, възметъ урядное его, кому будетъ писал наследити имѣние его, да наследит е." — "И о русских, служащих в Греческой земле у греческого царя. Если кто умрет (из них), не распорядившись своим имуществом, а своих (в Греции) у него не будет, то пусть возвратится имущество его на Русь ближайшим младшим родственникам (детям?). Если же сделает завещание, то пусть возьмет завещанное ему тот, кому написал умирающий наследовать его имущество, и да и наследует его."¹

Вероятно, они писались и до этого года, а договор Олега лишь юридически оформил сложившуюся практику. Следовательно, мы вправе отнести оба упоминания о русской письменности в былине о Садко к периоду до 988 г.

Продолжая тему жертвоприношений, следует привести запись русской летописи под 983 г.: "Въ то 6491. Иде Володимеръ на ятвыги, и побѣди ятвыги, и вся землю их. И иде Киеву и творящие требу кумиромъ с людми своими. Ирѣша старци и бояре: "Мечемъ жребий на оторока и дѣвицю; на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ."² Жребий пал на сына варяга-христианина. И когда посланные от киевлян пришли к нему за сыном, он его не отдал, добавок насмеявшись над славянскими богами. За это оба варяга-христианина были убиты, а дом их разрушен. Несмотря на то, что имя бога, которому предназначалась эта жертва в летописи не названо, ясно, что речь идет опять о Перуне: память варягов-мучеников отмечается православной церковью 12 июля за 8 дней до Перунова дня. Судя по всему, подобные человеческие жертвоприношения были в Киеве регулярными. Хотя летописец и не описывает процедуру метания жребия, скорей всего она была аналогична запечатленному в былине о Садко ритуалу — проводилась с помощью черт и резов. Говорить о каких-то тамгах в условиях многотысячного населения Киева явно бессмысленно: чтобы правильно определить жертву, имена всех юношей и девушек должны были писаться на жребиях. В противном случае путаница в столь важном деле была бы неизбежной. Из этого можно заключить, что в летописном сообщении 983 г. есть еще одно указание на русскую дохристианскую письменность.

Писавший в 20-50 г.г. X в. Аль-Масуди, снискавший за свою многостороннюю ученость почетное прозвище "Геродот Востока", так описывает один из славянских языческих храмов, местоположение которого, к сожалению, еще не установлено: "Об этом здании существует рассказ о качестве его постройки, о расположении его разнородных камней и различных их цветах, об отверстиях, сделанных в верхней его части, о том, что построено в этих отверстиях для наблюдения над восходом солнца, о положенных туда драгоценных камнях и знаках, отмеченных в нем, которые указывают на будущие события и предостерегают от происшествий пред их осуществлением, о раздающихся в верхней его части звуках."³ Другие переводчики переводят это место как записи пророчеств, вырезанных на каменных стенах славянского храма. Следовательно, с помощью "черт" и "резов" можно было писать не только отдельные имена, но и целые пророчества.

Судя по всему, языческая письменность была не только на Руси, но и у других славянских народов. Так Титмар, епископ Мерзебургский (976 - 1018), двоюродный брат германского императора Оттона I, описывает виденное своими глазами святилище западных славян у города Ретры: "Около этих ворот стояло не что иное, как искусно устроенное из дерева капище, кровля которого лежала на рогах различных зверей, служивших для них подпорою. Внешняя сторона этого здания была украшена различными изображениями богов и богинь, которые, насколько можно было рассмотреть, с удивительным искусством были вырезаны из дерева; внутри же стояли, с своими именами на пьедестале, истуканы богов, сделанные рукою человека, страшные на вид, потому что они были в полном вооружении, со шлемом и в латах."⁴

Вряд ли славяне для написания имен своих священных богов использовали чужеземную письменность — скандинавские руны, латинский или греческий алфавит — да и Титмар в подобном случае не преминул бы отметить такую подробность. Выходит, речь идет об особой славянской письменности.

¹ ПВЛ, ч.1, М.-Л., 1950, с.28, 225.

² ПВЛ, М.-Л., 1950, с.56.

³ Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, СПб, 1870, с.139.

⁴ Стасюлевич М. История средних веков, т. II, СПб., 1886, с.651.

Далее епископ описывает гадание и богослужение славянских языческих жрецов: *"Татию бормоча между собою, с яростью роются они в земле, чтобы посредством выкинутого жребия узнать истину сомнительного дела. Кончив это, они покрывают жребий зеленым дерном и под двумя на крест вбитыми в землю копиями с краткою молитвою проводят коня, которого все считают священным; потом слова ищут тот знак, по которому они заключают о деле, и посредством этого как бы божественного животного находят предвещения для будущего. Когда при обоих испытаниях последует одинаковый знак, тогда решаются начать дело; если же нет, то смущенные туземцы отказываются от предприятия."*¹ То, что Титмар говорит о знаках для гадания заставляет нас вспомнить о чертах и резах, использовавшихся в тех же целях.

После принятия христианства на Руси язычество не исчезло бесследно, и православной церкви пришлось на протяжении нескольких веков вести с ним борьбу. В ходе ее создавались многочисленные поучения против язычества и в одном из них — "Слове св. Моисея о ротах и о клятвах", мы читаем следующее описание народных нравов: *"Жертву приносят бесомъ. Трясцю мнать прогоняюще некими ложными писмяны проклятыхъ бесов еленьскихъ, пиша имяна на яблоцех, покладают на святей трапезе въ годъ люторгечней."*² О каких-то словах, пишущихся с магическими целями на яблоках, говорится и в "Слове св. отца како жити христианамъ". Возможно, здесь мы имеем еще одно упоминание о русской дохристианской письменности, хоть все эти "Слова" писались после принятия православия. Для церковных авторов все языческие боги были бесами, а русских богов они зачастую приравнивали к эллинским, против которых уже существовала огромная православная обличительная литература и действовать, таким образом, можно было по уже готовым шаблонам. Вряд ли можно предположить, что русские крестьяне писали на яблоках имена незнакомых им греческих богов. Приношение этих яблок в церковь указывает на начавшийся процесс смешения христианских и языческих обрядов. То, что этот обычай специально обличался в письменных поучениях показывает на относительную массовость этого явления.

Итак, мы видим, что дохристианская письменность была общим достоянием славянских народов: о ней писал болгарин Храбр, имеются многочисленные указания на ее существование на Руси, у западных славян ее зафиксировал Титмар Мерзебургский. К этому следует добавить, что многие термины, касающиеся письменности, имеют в большинстве славянских языков общие корни. Следовательно, можно предположить, что собственная письменность у славян существовала до их разделения на восточных, южных и западных, то есть еще в первой половине первого тысячелетия н.э. Можно также предположить, что одной из главных, если не самой главной причиной возникновения письменности у славян была сакрально-магическая. Думать так заставляют и данные лингвистики, и то, что многие источники упоминают славянскую письменность в связи с языческими обрядами. Невольно возникает вопрос: а существовали ли языческие книги? Ряд русских былин ("Скопин", "Ванька Удовкин сын" и др.) упоминают о волховных или волшанских книгах. Само название можно понимать двояко: или как колдовские, или как книги, принадлежавшие волхвам — языческим жрецам Руси. Под 1206 г. в летописи и в "Житии Авраамия Смоленского" говорится, что на него доносили епископу, хулили и называли еретиком за почитание Авраамием "Глубинных книг". Древнейшее русское христианское произведение — знаменитое Остромирово евангелие — датируется 1056 — 1057 г.г. и разрыв составляет не более 150 лет. Эти же глубинные книги упоминаются в "Сказании о книгах истинных и ложных", а более поздние времена был известен народный стихотворный апокриф, называвшийся Голубиная или глубина книга. Несмотря на использование христианской терминологии, в апокрифе этом проглядывают следы глубочайшей древности: он, единственный из всех русских памятников, знает имя древнеиндийского бога Индры. А праславяне были соседями предков индийских Ариев только до II тыс. до н.э. Кроме того, некоторые мотивы Голубиной книги имеют свои прямые аналоги в древнеиндийских мифах. В целом же, про языческие книги мы можем сказать словами Татищева, что "оныя погибли или еше есть, где хранятся, да нам неизвестны."

Однако, письменность использовалась древними русами не только в религиозных, но и в дипломатических целях. В 907 г. Олег во главе русского войска осаждал столицу Византийской империи Константинополь, прибывает в знак победы над ее воротами свой щит, берет с греков дань, а в 911 г. заключает с ними мирный договор, подробно описанный русской летописью. "Мы от рода рускаго... иже послани от Олега, великого князя рускаго..." — так начинают свою речь прибывшие в Византию послы, после чего передают само послание Олега к византийским императорам: *"Наша свѣтлость болѣ ихъ хотящи еже о боѣ удержати и извѣстити такую любовь, бывшую межи хрестьяны и Русью многажды, право судихомъ, не точю просто словесемъ, и писанием (не только на словах, но и на письме — М.Л.) и клятвою твердою, кленешеся оружием своим, такую любовь утвердити и известити по вѣре и по закону нашему."*³ Показательно, что инициатива заключения письменного договора исходит от Руси. Далее Олег обещает сохранение предполагаемого договора мира и любви с греками "исповеданием и написанием со клятвою извещаемуую любовь непревратну и непостыжну". Затем мы читаем в летописи точный текст договора, в котором, среди прочего, записано: *"На утверженье же и неподвижение быти меже вами, хрестьяны, и Русью, бывший миръ сотворихом Ивановым написанием на двою харатью, царя вашего и своею рукою, предлежащим честнымъ крестомъ и святою единосущною Троицею единого истаного бога*

¹ Там же.

² Аничков Е.В. Язычество и древняя Русь, СПб., 1914, с.95.

³ ПВА, ч.1., М.-Л., 1950, с.25-26.

Святослав столкнулся с вятичами (правая часть рисунка), узнал что они платят дань хазарам и разбил кочевников. В левой части рисунка он изображен сидящим на столе с грамотой, перед ним два воина. Ни о каких контактах с греками в этом году летопись не сообщает, следовательно, Святослав использует грамоту на рисунке вне всякой связи с Византией.

Следующее свидетельство принадлежит арабскому путешественнику Ахмеду ибн-Фадлану, посетившего в 921-922 г.г. в составе посольства землю волжских булгар. Любопытный путешественник оставил нам ценные описания быта и нравов встречавшихся ему народов. Для нас особенно ценно то, что ибн-Фадлан описал похороны знатного руса-купца, на которых он сам лично присутствовал. Остальные русы положили тело умершего в ладью и сожгли его. *"Потом построили они на месте (стоянки) судно, когда его вытащили из реки, что-то подобное круглому холму, вставили в середину большое дерево халандж (бук или береза), написали на нем имя (умершего) человека и имя русского царя и удалились"*¹. Еще одно доказательство существования письменности на Руси до принятия христианства.

Рис.2. Олег заключает мир с греками после похода 907 г.

Можно привести еще одно свидетельство, также принадлежащее мусульманину. В 943-944 гг. русская дружина совершила очередной поход в Закавказье и почти на полгода захватила Бердаа — один из крупнейших и богатейших исламских городов на побережье Каспийского моря. Древнейшее описание этого похода в арабской литературе принадлежит ибн-Мискавейху. (ум. в 1030 г.), долгое время жившего там и расспрашивавшего непосредственных очевидцев этих событий. Захватив город, русы сначала попробовали установить там справедливый порядок, не трогая местных жителей и требуя только, чтобы они не оказывали помощи нападавшим извне на город мусульманам. Однако вероломные горожане не соблюдали этого условия и тогда русские дали всем желающим уйти три дня, а по истечении этого срока схватили всех оставшихся, заперли их в мечети, часть убили, а часть отпустили за выкуп. *"И часто случалось, что кто-нибудь из мусульман заключал сделку с Русом относительно той суммы, которою он выкупал себя. Тогда Рус шел вместе с ним в его дом или его лавку. Когда хозяин извлекал свое сокровище и его было больше, чем на условленную сумму, то не мог он оставаться владельцем его, хотя бы сокровище было в несколько раз больше того, на чем они сговорились. Он (Рус) склонялся к взысканию гегег, пока не разорял совершенно. А когда он (Рус) убеждался, что у мусульманина не осталось ни золотых, ни серебряных монет, ни драгоценностей, ни ковров, ни одежды, он оставлял его и давал ему кусок глины с печатью, которая была ему гарантией от других"*². Некоторые исследователи вновь склонны видеть в этом описании тамгу, я же склоняюсь к тому, что скорее всего русские дружинники просто писали свои имена на кусках глины по аналогии с тем, что они делали с жребиями. К сожалению, мусульманские авторы не сообщают численности русов, захвативших Бердаа. Однако, это неизбежно было крупномасштабным предприятием: в предыдущем походе 912 г. на Каспий участвовало несколько тысяч русов. И если бы у большинства из них был бы перстень или печать с собственной тамгой, то они неизбежно должны были бы часто встречаться в дружинных захоронениях, чего на самом деле нет. Итак, версия о тамге и в этом контексте представляется маловероятной.

Преемник Олега на киевском престоле- Игорь после своего первого неудачного похода на Византию в 944 г. собирает крупные силы для повторного похода. Узнав об этом, греки решили не доводить дело до крупномасштабной войны, а откупиться и предложить выгодные условия мира. Игорь с дружиной согласился.

¹ Гаркави А.Я. Ук. соч., с.101.

² Византийский Временник, т. XXIV, Л., 1926, с.67.

Рис.3. Утверждение мирного договора и обмен грамотами с греками в 912 г.

лись и был заключен второй русско-византийский договор 944 г. Как и первый, он был записан в Константинополе в двух экземплярах, хоть "Иваново написание" в этом случае не упоминается: "Мы же свещание се написахомъ на двою харатью, и едина харатья есть у царства нашего (т.е. Византии — М.А.), на ней же есть крестъ и имена наша написана, а на другой послы ваша и гостье ваша. А отходяче послом царства нашего да допроводятъ къ великому князю рускому Игореву и к людемъ его; и ти приимающе харатью, на роту иудуть хранити истину, яко мы свѣщахомъ, написахомъ на харатью сию, на ней же суть имяны наша написана."¹ — "Мы же договор этого написали на двух хартиях, и одна хартия хранится у нас, царей, — на ней есть крест и имена наши писаны; а на другой — имена послов и купцов ваших. А когда пос-

Рис.4. Слева - Святослав на троне с грамотой, справа - Святослав говорит с вятичами в 912 г.

лы наши царские выедут, — пусть доставят их к великому князю русскому Игорю и его людям; и те, приняв хартию, поклянутся истинно соблюдать то, о чем мы договорились и о чем написали на хартии этой, на которой написаны имена наши. "Итак, этот договор писался греками от лица византийский императоров на греческом языке — поэтому там и не говорится об "Ивановом написании". Но само включение его текста в русскую летопись и текстологическое исследование показывают, что этого договор вскоре после его заключения был переведен и записан на русском языке.

Гораздо важнее процедурной части само содержание договора. Исследователи уже давно старались

¹ ПВЛ., ч.1., М.-А., 1950, с.38.

восстановить текст древнейших русских законов, сравнивая русско — византийские договоры с Русской Правдой. В статье 5 договора 911 г. имеется ссылка на "закон русский", а в статье 14 договора 944 г. говорится о "уставе и законе русском", что Л.В.Черепнин сопоставил с записью Новгородской 1 летописи о том, что Ярослав новгородцам "дав...Правду... и устав списав" из чего заключил, что под "законом" подразумевается "правда", т.е. право, комплекс юридических норм, а под "уставом" — их запись, письменный текст. Далее Черепнин предполагает, что "устав и закон русский" был, скорее всего, записан между 882 и 911 г. Так или иначе, но договор 944 г. однозначно фиксирует существование на Руси письменного сборника законов, на который ссылались на переговорах с византийцами русские послы.

В договоре 944 г. предусматривались значительные льготы для русских купцов, но греки настояли на определенной регламентации этого процесса и наличия у русских сопроводительных документов: "А великий князь русский и бояре его да посылають въ Греки къ великимъ царемъ гречскимъ корабли, елико хотять, со слы и с гостьми, яко же имъ установлено есть. Ношаху сли печати злати, а гостье сребрени; ныне же увѣдѣлъ есть князь вашъ посылати грамоты ко царству нашему; иже посылаемы бывають от нихъ послы и гостье, да приносять грамоту, пишуще сице: яко послахъ корабль селико, и от тѣхъ да увѣмы и мы оже съ миромъ приходятъ. Аще ли безъ грамоты придуть, и преданы будутъ намъ, да держимъ и хранимъ, донде же възвѣстимъ князю вашему"¹ — "А великий князь русский и бояре его пусть посылают в Греческую землю к великим царям греческим корабли сколько хотят, с послами и купцами, как это установлено для них. Раньше приносили послы золотые печати, а купцы серебряные; ныне же повелел князь ваш посылает грамоты к нам, царям; те послы и гости, которые будут посылаться ими, пусть приносят грамоту, так написав ее: послал столько-то кораблей, чтобы из этих грамот мы узнали, что пришли они с мирными целями. А если придут они без грамоты, то держим и охраняем их, пока не известим князя вашего." Итак, пребывавшие в Византию русские послы и купцы предъявляли полученные от киевского князя печати, а с 944 г. — грамоты, дававшими им право на пользование зафиксированными в договорах льготами и служившими одновременно для византийских властей гарантией мирных намерений русских и соблюдения ими установленных правил торговли. Из текста договора следует, что как минимум раз в год в Киеве писалась грамота для отплывающих в Константинополь купцов, а это еще раз доказывает существование письменности на Руси в дохристианский период.

Не менее интересен и вопрос о печатях — на них ведь тоже делались надписи. К сожалению, золотые и серебряные печати, упоминающиеся в договоре, еще не найдены и единственное, чем располагает на сегодняшний день наука — это рисунок предполагаемой печати Святослава Игоревича (речь о ней пойдет ниже). А вот мнение крупнейшего специалиста в этой области В.Л. Янина: "Н.П.Лихачев был не прав, поставив в начале истории русских печатей заимствованный из Византии тип с изображением на одной стороне святого и с греческой строчной надписью на обороте. В действительности существование такого типа устанавливается лишь в середине XI века, по всей видимости, не ранее кончины Ярослава Владимировича.

В более ранний период на Руси существует княжеская вислая печать, оформление которой опирается на иные традиции. Ранний тип княжеской буллы, уже сложившийся в X в., в дохристианский период, строит свои композиции на основе изображения княжеской тамги и условного княжеского портрета, широко используя несвойственные позднейшим сфрагистическим типам круговые надписи. Печати архайческой традиции обнаруживают большую близость к синхронным им монетным типам, которые, в сущности, представляют собой своеобразную форму применения княжеского штампа."² Таким образом, и данные сфрагистики свидетельствуют в пользу существования письменности на Руси во времена язычества.

Героическая эпоха войн Святослава с Византией завершилась подписанием договора 971 г., который заканчивался так: "Се же имѣйте во истину, яко же сотворихомъ нынѣ къ вамъ, и написахомъ на харатьи сей и своими печатями запечатахомъ."³ Вновь фигурирует письменный список договора, сохранившийся до времен Нестора, и прилагаемые к нему печати.

Польский ученый С.Микуцкий, тщательно проанализировавший с лингвистической стороны тексты всех трех договоров Руси с Византией, пришел к выводу, что договоры 911 и 971 годов были составлены и, следовательно, первоначально записаны русской стороной, а документ 944 г. вышел из византийской канцелярии⁴. Перед нами еще одно свидетельство существования письменности в языческой Руси.

Анонимный автор арабского сочинения 1126 г. "Моджмал ат-таварих" пишет: "Рассказывают также, что Рус и Хазар были от одной матери и отца. Затем Рус вырос и, так как не имел места, которое ему пришлось бы по душе, написал письмо Хазару и попросил у того часть его страны, чтобы там

¹ ПВЛ. ч.1, М.-Л., 1950, с.35.

² Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси, т.1, М., 1970, с.41.

³ ПВЛ, ч.1., М.-Л., 1950, с.52.

⁴ Mikucki S. Etudes sur la diplomatie russe la plus ancienne. - "Bulletin international de l'Academie Polonaise des Sciences et des Lettres. Classe de philologie - classe d'histoire et de philosophe- № suppl.7, Cracovie, 1953, p.22,30,37.

⁵ Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение, М., 1965, с.401.

обосноваться. Рус искал и нашел место себе."⁵ Книга эта была написана уже после крещения Руси, но по-видимому, основывается, как это часто бывало в мусульманской средневековой литературе, на какие-то более ранние и недошедшие до нас источники. Эта арабская легенда, призванная объяснить этнополитическую ситуацию в Восточной Европе, явно имеет сравнительно позднее и искусственное происхождение, однако она могла возникнуть только в период с 836- 847 г.г. — самом первом упоминании названия Русь в арабской географической литературе у ученого IX века ал-Хорезми — до 965 г. — времени полного разгрома Святославом Хазарского каганата, после чего легенда об их родственных отношениях полностью теряла всякий смысл. Таким образом, легенда эта возникла в языческий период и весьма показательно, что она фиксирует представление арабов о Руси как о народе, имеющем письменность.

Глава 3

КИРИЛИЦА ДО 988 Г

В первую очередь в голову приходит мысль о том, что еще до крещения на Руси использовали заимствованную из Болгарии, с которой существовали тесные родственные, языковые, культурные, политические и торговые связи, кириллицу. Однако, весьма сомнительно ее применение для сакральных языческих целей. Кроме того, кириллица была создана относительно поздно — в 863 г. — а письменность на Руси существовала задолго до этой даты: ведь еще до создания своей азбуки Кирилл нашел в Корсуне евангелие, написанное русскими письменами. Все это заставляет нас задаться вопросом: а не было ли предшественников у кириллицы?

В Житии Кирилла есть один любопытный эпизод. После принятия моравских послов византийский император Михаил призывает будущего просветителя и объясняет ему цель их посольства. "Ответил Философ: "Тело мое утомлено, и я болен, но пойду туда с радостью, если у них есть буквы для их языка." И сказал цесарь ему: "Дед мой, и отец мой, и иные многие искали их и не обрели, как же я могу их обрести?"¹ Отцом Михаила III (842—867) был император Феофил II (829—842), а дедом — Михаил II (820—829). Большинство историков полагают, что в этом отрывке речь идет о неудачных попытках создания славянской азбуки в 20—40 гг. IX в., обусловленных нуждами христианизации подчиненных Византии славян Македонии и Греции. И так, какие-то попытки создания славянского алфавита на базе греческого предпринимались до Кирилла, а ряд данных позволяет предположить датировку даже более раннюю, чем начало IX века. Русский историк И. Срезневский установил, что источником кириллицы было не греческое унциальное письмо IX в., как можно было предполагать, а греческое унциальное письмо VII—VIII вв. С ним абсолютно согласен и болгарский ученый Е. Георгиев: "Начальную фазу кириллицы можно искать еще в VII веке."²

Следует вспомнить и свидетельство черноризца Храбра про то, что после крещения, но еще до изобретения азбуки Кириллом славяне пытались писать римскими и греческими буквами "без устроения", причем "так было долгие годы". Однако еще до официального принятия христианства в 988 г. на Руси существовала христианская община, настолько значительная, что даже специально упоминалась в договоре Игоря, а принявшая христианство Ольга была женой одного великого князя и матерью другого. И нет ничего удивительного в том, что в христианском окружении княгини были грамотные люди, служившие проводниками греческой письменности и кириллицы. Отдельные христиане существовали на Руси задолго до Ольги: ведь не язычником же было переведено и записано русскими письменами евангелие.

Весьма интересные наблюдения над последовательностью цифровых значений и букв в кириллице (рис. 5) сделала Л. П. Жуковская. Если в глаголице цифирь строго упорядочена, то в кириллице последовательность чисел и последовательность букв не совпадают. Буквы, имеющие цифровое значение являются общими для кириллицы и греческого алфавита, в то время как буквы, передающие специфические звуки славянской речи или вовсе не используются для передачи числовых значений, или используются непоследовательно. Исходя из этого, исследовательница делает вывод: "Если бы кириллица была составлена после глаголицы как новый алфавит, то числовые значения букв в этом новом совершенном алфавите соответствовало бы алфавитному порядку глаголицы, подобно тому, как зависит от нее во многих отношениях буквенно-звуковая сторона в кириллице. Поскольку же этого нет, можно полагать, что буквенная цифирь кириллицы отразила какую-то раннюю традицию обозначения чисел славянами, существовавшую до глаголицы. Эта традиция относилась прежде всего к буквам, общим для греческого уставного письма и кириллицы. Так мы еще раз приходим к выводу, что использование в цифири букв, обозначающих звуки, близкие или совпадающие в византийском и славянском произношении IX в., предшествовало и глаголице и кириллице..."

¹ Сказания о начале славянской письменности, М., 1981, с. 87.

² Георгиев Е. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия, София, 1952, с. 48.

Из всего изложенного следует:

Кириллица		Греческое уставное письмо	Кириллица		Греческое уставное письмо
Буквы и их названия	Цифровое значение		Буквы и их названия	Цифровое значение	
А — аз	1	Δ	Х — хер	600	Χ
Б — буки			Ω — омега*	600	Ω
В — веди	2	Β	Ц — цы	900	
Г — глаголь	3	Γ	У — чернь	90	
Д — добро	4	Δ	Ш — ша		
Є — есть**	5	Ε	Ш — ша		
Ж — живете			Ъ — ер		
З — зело*	6	Ζ	ЪІ — еры		
З — земля**	7	Ζ	Ь — ерь		
І — и*	10	Ι	Ь — ать*		
Н — нже**	8	Η	Ю — ю		
К — како	20	Κ	Ю — (и)и**		
Л — люди	30	Λ	Ю — (и)и**		
М — мыслете	40	Μ	Α — юс малый*		
Н — наш**	50	Ν	Β — юс большой*		
О — он	70	Ο	Γ — юс юс малый*		
П — покой	80	Π	Δ — юс юс большой*		
Р — рш	100	Ρ	Ε — юс юс юс*	60	Ξ
С — слово	200	Σ	Ψ — пси*	700	Υ
Т — твердо	300	Τ	Θ — тета*	9	Φ
ΟΥ — ух**	400		Υ — ижица*		Υ
Ф — ферт	500	Φ			

Рис.5. Алфавит кириллицы.

1. До изобретения специальной славянской азбуки у славян существовала устойчивая традиция употребления букв греческого алфавита для записи чисел.¹ А где с помощью греческих букв записывались цифры, там вполне могли записываться и слова. И Жуковская совершенно справедливо соотносит свои выводы с известием Храбра об использовании славянами этих букв "без устранения" в начальной период.

Ряд материальных фактов косвенно подтверждает эту гипотезу. Во-первых, более чем в 30 древнерусских городах и селениях были найдены писала, наиболее древние из которых относятся к дохристианскому периоду. Так, одно найденное в Новгороде костяное писало датируется серединой X века, а другое — второй половиной X века. К сожалению, в большинстве случаев датировка менее точна. Из числа датируемых X-XIII вв. писала в Киеве найдено 5 и еще 5 в его окрестностях, в Княжей Горе — 2, Старой Рязани — 2, Вышегород Рязанском — 2, в Вышегороде Киевском — 1 и в Бряславе — 1². Все это говорит о достаточно широком распространении грамотности на Руси. Раз существовали писала, ими, естественно, писали. Но какова была национальная принадлежность их владельцев и какую письменность они использовали — на эти вопросы найденные писала не дают ответа.

¹ Источниковедение и история русского языка, М., 1964 с.42.

² СА, 1960, №2.

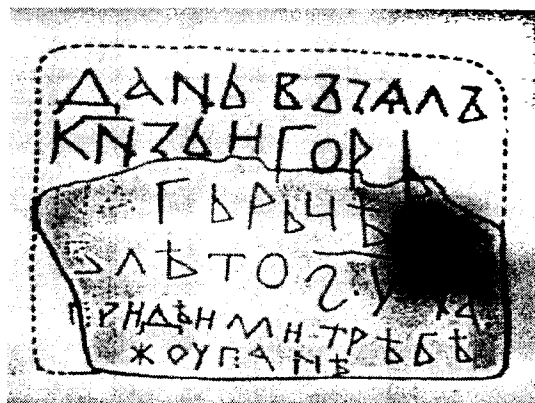

Рис.6. Добружицкий камень.

Во-вторых, следует упомянуть Добружицкий камень, найденный в низовьях Дуная в 1950 г. румынским археологом Е.Комшей. Верхняя половина камня была отбита, а на нижней находилась сделанная кириллицей надпись (рис.6)

НА ГЪРЬЧѢХЪ ВЛѢТО 2.У.Н.А
ПРНДѢНМНТРѢБѢ ЖОУПАНѢ.

которая переводится "Против греков в 6451 г. при Дмитрие Жупане." 6451 год от сотворения мира соответствует нашему 943 г., и многие историки справедливо связывают надпись на камне со вторым удачным походом Игоря на Византию. Так, утерянное начало надписи Б.А.Рыбаков восстанавливает как "Дань взял князь Игорь". Этот камень является одним из древнейших памятников кириллической письменности и, хоть и находился за пределами Руси, тесно связан с нашей историей. Но кто высек надпись на камне? В тот период достоверно владели кириллицей только болгары, но они-то как раз и не могли сделать эту надпись: в тот момент Болгария была союзницей Византии, именно болгары предупредили императора о начавшемся русском походе и Игорь, заключив мир с Константинополем, повелел своим союзникам печенегам воевать Болгарию в отместку за ее провизантийскую позицию в этом конфликте. Так что, будучи тогда союзниками Византии, болгары надпись такого содержания сделать не могли. Наиболее логичным будет предположить, что надпись была высечена кем-то из войска Игоря и его союзников. Летопись подробно перечисляет племена, принявшие участие во втором походе Игоря: варяги, русь, поляне, славяне, кривичи, тиверцы и печенеги. Не имевшие письменности печенеги отпадают сразу же. Значит, в среде какого-то из перечисленных племен был человек, владеющий кириллицей, а то, что он воспользовался православным летоисчислением говорит о том, что он, скорее всего, был христианин.

В-третьих, можно вспомнить и крест Ольги, о котором говорится в ее Житии: "И той крестъ (=иже нынѣ) стоить въ св. Софии в олтари на деснѣхъ и странѣхъ, имѣя письмена сице: — Обновися Русьская земля святымъ крестъмъ, его же принять Ольга. Благовѣрная княгыни. (обновися въ Рутьстѣхъ земли крѣстъ отъ Ол'гы княгинѣ матере Святославѣ)." В скобках указаны разночтения в различных списках Жития. То, как его автор описывает этот крест, указывая даже где он стоит, свидетельствует о его реальном существовании. Надпись же на кресте, принявшей православие в Константинополе Ольги, могла быть или греческой, или сделана кириллицей. Последнее более вероятно, так как для облегчения распространения православия Византия стремилась вести пропаганду на языке обращаемого народа.

В-четвертых, это найденный в Тмутаракани — русском владении на Черном море — кувшин для нефти. Кувшин этот датируется X веком, и использовался для записей, которые велись по разграфленной сетке. Слева находилась графа для обозначений лиц (на первом месте был обозначен КАТ), помеченных в большинстве случаев тамгами. В остальных графах находились обозначаемые буквами цифры, которые изменялись без всякой системы, колеблясь от 50 до 286. Б.А. Рыбаков предполагает, что на кувшин наносились записи о долгах жителей или о количестве каких-то однородных товаров. И вновь мы не можем судить о национальной принадлежности того, кому принадлежал этого кувшин. Им мог быть и грек, и русский, и хазарин, и еврей — представители всех этих народов жили в Тмутаракани и могли использовать греческий алфавит или кириллицу для записей цифр.

Возможно, воспоминания о каких-то первоначальных попытках создания славянской письменности несут в себе Солунская легенда и Бандуриево сказание, в которые лишь позднее было включено имя Кирилла — окончательного ее создателя. Солунская легенда рассказывает как Кирилл Каппадокийский

¹ Срезневский И. Древние памятники русского письма и языка, СПб., 1863., с.5-6.

чудом получил 32 буквы, которые "написал" для болгар. Историческую ценность этой легенды признавали А.Куник, В.Бильбасов, П.Успенский и другие специалисты, а болгарский исследователь Й.Иванов установил, что Солунская легенда относится к концу VII века.

Еще более интересно Бандуриево сказание, повествующее о том, что в 866 г., когда в Константинополе совместно управляли Михаил III и Василий Македонец, русские послали туда людей с просьбой дать им наставника в новой вере. Цари посылают им одного архиепископа и двух просветителей Кирилла и Афанасия, которые, сотворив чудо с несгораемым евангелием, крестят русов и создают им новую письменность: *"Тогда Василий Македонец держал скипетр над ромейцами. Он с большой радостью принял высланных ими (русскими) людей и им отправил одного архиепископа, известного своим благочестием и добродетелью, а вместе с ним еще двух человек - Кирилла и Афанасия... Придя туда, они поучали всех, крестили и наставляли в христианском благочестии. Но видя варварство и совершенное невежество этого народа, указанные многопросвященные мужи не заблагорассудили учить их по эллинским 24 буквам из боязни отклонить их от благочестия, а начертали им по этой причине 35 письмен и по ним их учили. А название этих письмен таково: аз (As), буки (?Mpucl), вегу (Betd), глаголь (?Glaod), гобро (Dopra), есть (Geesti), живете (?Zibit), зело (Zelo), земля (?Zeplea), и (I), сеу (?Sei), како (Caco), люгу (Ludia), мы (Mi), наш (Nas), он(On), покой (Pocoi), рцы (Ritzii), слово (Sthlobo), тверго (?Nteberdo), ук(?IC), ферм (Pherot), хер(Cher), ом(Ot), цы (Tzi), червь (?Tzerbi), ша (Sas), ща (Sthia), ер (Geor), еры (Geri), ерь (Ger), ять(Geat), ю (Giu), юс (Geus), я (Gea)."*¹ Латинские названия изобретенных славянских букв я взял из книги Бодянского.² Как видно, этот алфавит и по количеству, и по названиям отдельных букв (отмеченных вопросительным знаком) не совпадает с кириллицей. Что это: ошибка автора (переписчика) или отражение неизвестной нам попытки создать славянский алфавит на основе греческого? Бандуриево сказание достаточно позднего происхождения и, как отмечали его первые исследователи, в нем смешиваются времена Аскольда и Владимира. Е.Голубинский и другие исследователи, признающие определенную достоверность сказания, связывают его с походом на Константинополь Аскольда и Дира в 866г. и их предполагаемым крещением. Указанное в сказании время в точности совпадает с временем деятельности изобретателя славянской письменности Кирилла, что еще больше усиливает наши сомнения в подлинности и ценности этого сказания. Крайне маловероятно, чтобы две попытки создания славянской азбуки совершались практически одновременно. С другой стороны, Бандуриево сказание неожиданно подкрепляет одна арабская летопись: *"Один епископ, по имени Алексей, отправился в Россию проповедовать святую веру. (После одного чуда)... все присутствующие, вместе с царем, приняли святую веру. Это случилось, когда в Царьграде царствовал император Василий Македонец."*³ Это не позволяет нам полностью откинуть сказание как полностью лишенное какой-либо ценности. Вопрос о нем еще далек от своего окончательного разрешения.

Вместе с тем, существует еще одно, достаточно перспективное на мой взгляд, направление в исследовании кириллицы и ее происхождения. Даже простое сравнение позволяет выделить в кириллице буквы, заимствованные из греческого алфавита и буквы, предназначенные для передачи специфических звуков славянской речи, аналогов в других алфавитах не имеющие. Еще черноризец Храбр в своем сочинении выделяет эти предназначенные исключительно для славянского языка буквы: **Б,Ж,С,А,Ц,Ч,Ш,Ъ,ШЬ,Ь,М,Ь,Ѣ,Ю,А,Ѥ**. В этот же список можно включить и **Щ,Ы,Ѧ,ѧ,Ѩ,ѩ**. И вот возникает вопрос: были ли эти собственно славянские буквы изобретены Кириллом или же они существовали у славян до него и были (возможно) им усовершенствованы и включены во вновь создаваемый алфавит? Ряд фактов свидетельствует в пользу этой гипотезы. Если не все специфически славянские буквы существовали до Кирилла, то во всяком случае мы можем это предположить в отношении Щ и Ч. О букве Щ речь пойдет в другой главе, а о букве Ч можно высказывать следующие соображения.

В 1206 году в Лахоре арабский ученый Фахр ад-Дин Мубарак-шах в своей "Книге генеалогий" записал: *"И у хазар есть письмо, заимствованное у русских, и некоторые народы Рума, которые близки им, пишут этим письмом и их называют рум-и-рус, и они пишут слева направо, и буквы грут с гругом не соединяются, и букв не больше, чем двадцать одна."*⁴ Ниже, прибавляет переводчик, следует две строки 22 арабских букв, написанных слева направо в порядке абджада, то есть каждой букве соответствует определенное цифровое значение.

1-я строка: 1,2,3,4,5,6,7,8,9,10,20,30,40,50.

2-я строка: 60,70,80,100,200,300,400,500.

Хоть источник информации относительно поздний, но по причинам, изложенным в предыдущей главе, хазары могли заимствовать у русских письменность только до похода Святослава, т.е. в дохристианскую эпоху. То, что Мубарак-шах отметил, что и народы Рума — так в средние века на Востоке называлась Византия — пишут этим письмом, указывает на то, что речь идет о какой-то славянской письменности, созданной на основе греческого алфавита и, по всей видимости, предшествующей кириллице. Действительно, если приведенные арабским писателем числовые значения соответствуют цифровому значению букв греческого алфавита и кириллицы, то почти все буквы (за единственным

¹ Георгиев Е. Славянская письменность до Кирилла, София, 1952, с.54.

² Бодянский О. О времени происхождения славянских письмен, М., 1855, с. 15.

³ Георгиев Е. Ук. соч., с.54.

⁴ Захогер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, т.2, М.1967, с.152-153.

исключением "ук" равняющейся 400) окажутся заимствованными из греческого письма; специфически славянских букв практически нет. Обращают на себя внимание еще две особенности этого текста. Во-первых, порядок цифр во второй строке несколько непоследователен — пропущена цифра 90, соответствующая в кириллице собственно славянской букве Ч. Во-вторых, в тексте говорится о 21 букве, а цифр приведено 22. Вероятно, в данном случае это просто типографская опечатка и поскольку во второй строке отсутствует цифра 90, можно предположить, что в первой строке лишней оказалась 9.

Судя по всему, здесь мы имеем дело с предпринятой до Кирилла попыткой приспособить греческий алфавит для записи славянской речи. Попытке достаточно механической, соответствующей утверждению Храбра о периоде использования славянами греческих букв "без устроения". С созданием более совершенной кириллицы такие примитивные алфавиты оказались вытесненными, но перед этим хазары успели заимствовать у русских один такой алфавит. Видный западный медиевист В. Ф. Минорский полагает, что материальным подтверждением известия Фахр ад-Дина о заимствовании хазарами греко-русских букв являются два черепка, найденные М. И. Артамоновым в развалинах хазарского города Саркела — Белой Вежи (рис. 7). Надписи на двух черепках сделаны или греческим алфавитом, или кириллицей, но язык их еще не расшифрован. Числовые значения использованных букв соответствуют данным Мубаракшаха, а в конце трех нижних строчек первого черепка можно выделить слова КТО, ДОН и РОС. Сам Артамонов полагает, что по палеографическим данным надпись датируется на позже первой половины ХIV в., что подтверждается и типом сосуда, на котором она выцарапана. "По своим частным признакам, — заключает археолог, — сосуд с надписью мог бы относиться даже к концу X века".¹

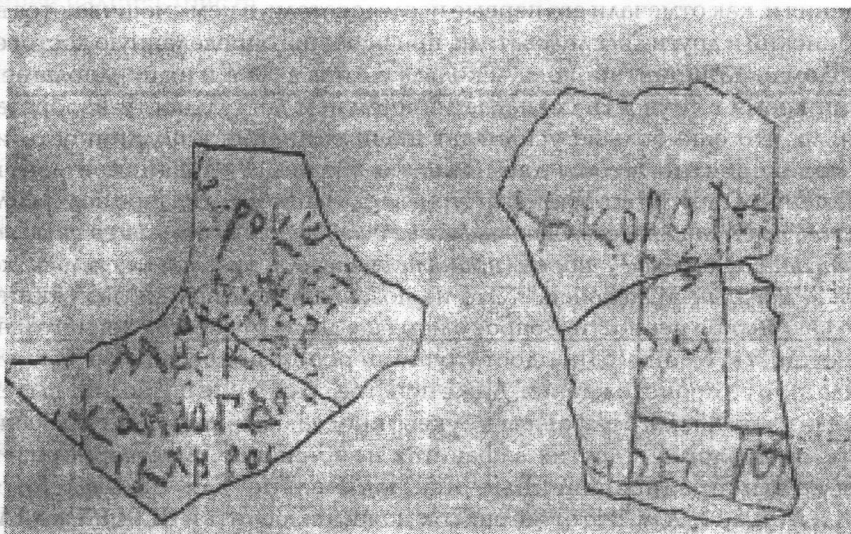

Рис. 7. Два черепка из Белой Вежи.

Весьма показательно сравнение этих относительно поздних "хазарских" данных с данными, предоставляемыми по интересующей нас проблеме ранней историей готам. В жизни этого германского народа епископ Вульфила (ум. в 381 или 383 г.) сыграл роль, аналогичную роли Кирилла и Мефодия у славян. Вульфила перевел на готский язык всю Библию и изобрел готский алфавит из 27 букв, которыми были созданы древнейшие памятники германской письменности (рис. 8).

Ученые установили, что 19 из 20 знаков нового алфавита были заимствованы из греческого унциального письма, 5 или 6 — из латинского алфавита, а 2 буквы взяты из рунической письменности или придуманы им произвольно. Происхождение букв, отличных от латинских и греческих, определить достаточно трудно. Однако прояснить загадку помогает то, что каждая буква готского алфавита имела свое числовое значение. Наше внимание сразу привлекает буква Ч, которой соответствует цифра 90. В кириллице эта буква относится к числу специфически славянских, не имеющих аналогов в греческом алфавите, имеет точно такое же начертание, как и в готском, и аналогичное числовое значение. Все это позволяет предположить, что и Вульфила, и Кирилл заимствовали эту букву с присущим ей цифровым значением из одного источника. Естественно, нашлось бы немало зарубежных и отечественных историков с радостью объявивших, что Ч заимствовано кириллицей из готского алфавита. И такие заявления обязательно бы последовали, если бы не одно обстоятельство: в алфавите Вульфилы Ч является единственной буквой из 27 не имеющей звукового значения. Следовательно, собственно готской эта буква быть не может и была заимствована епископом у какого-то другого народа только в качестве цифры для сохранения стройной числовой последовательности создаваемого им алфавита. Могли ли готы заимствовать букву Ч у славян? Да, могли. Известные нам исторические данные не противоречат этой

¹ СА, 1952, № 16.

гипотезе и делают ее весьма вероятной. Двигаясь с севера, готы в первой половине III века н.э. достигают Северного Причерноморья и создают в Восточной Европе свое могущественное государство, просуществовавшее вплоть до его разгрома гуннами в 375 г. Оказавшись в этом регионе, готы неизбежно должны были вступить в контакт с обитавшими там издревле славянскими племенами, что подтверждают готские историки. Отношения эти, длившиеся почти целый век, были то мирными, то военными. Готам, видимо, удалось на время подчинить часть славянских племен и между обоими народами должны были существовать экономические и культурные обмены.

Существуют ли какие-нибудь другие факты, подтверждающие славянское влияние на готскую письменность помимо буквы Ч? Да, такие факты имеются. Специалисты отмечают, что в готском переводе Евангелия IV в., сделанном Вульфиллой, встречаются славянские выражения¹, а ряд букв готского алфавита носят славянские названия аз, иже, наш, ферт, абсолютно нетипичные для германских языков.² Эти данные делают еще более вероятным предположение о заимствовании готами буквы Ч у славян, причем есть вероятность, что заимствовали они ее не просто у славян, а конкретно у русов. Внимание историков уже давно привлекает один отрывок из сочинения готского писателя Иордана, где он описывает эпизод из жизни своего короля Германариха (351-372 гг.): *"Вероломному же племени росомонов, которое в те времена служило ему в числе других племен, подвернулся тут случай повредить ему. Одну женщину из вышена-званного племени (росомонов), по имени Сунильду, за изменческий уход (от короля), ее мужа, король (Германарих), движимый гневом, приказал разорвать на части, привязав ее к диким коням и пустив их вскачь. Братья же ее, Сар и Амми, мстя за смерть сестры, поразили его в бок мечом. Мучимый этой раной, король влачил жизнь больного."*³ Большинство историков видят в этом отрывке одно из первых упоминаний о русах, поскольку название росомонов переводится с готского как "мужи рос", а имя Сунильда может быть переводом с русского на готский имени Лебедь (сразу вспоминается Кий, Щек, Хорив и сестра их Лыбедь). То, что Иордан ничего не говорит о гибели братьев, заставляет предположить, что они остались живы (в противном случае готский историк не преминул бы сообщить о казни врагов своего короля), а то, что вероломными названы не одни только братья, а все племя в целом наводит на мысль, что перед нами не просто кровная месть, но восстание племени росомонов против готского владычества. Так заимствование готами буквы Ч у славян служит дополнительным аргументом в пользу того, что под росомонами Иордана следует понимать древних русов.

Если приведенные выше соображения верны, то это означает существование у русских уже в IV веке какого-то алфавита как минимум из 18 букв. Причем это была достаточно самобытная письменность, включающая ряд букв, предназначенных для передачи специфических звуков славянской речи, которые позднее вошли в состав кириллицы. Еще до принятия христианства готы и хазары — народы, стоящие на более низком уровне культурного развития — полностью или частично заимствовали у русских их письменность. То, что буква Ч, зафиксированная в случае с готами в IV в. не фигурирует в случае с хазарами в VII-X вв. косвенным образом свидетельствует в пользу ее существования. Ведь если на готов оказала влияние самобытная славянская письменность, то хазары заимствуют у русских механически перенятые в свою очередь ими греческие буквы "без устройства". Перенимание это произошло в относительно поздний период по мере возникновения более тесных контактов между Русью и Византией. Какое-то время, вероятно, обе эти системы — самобытная и механически заимствованная — сосуществовали у славян и осуществить их гармоничное слияние оказалось под силу только гениальному просветителю Кириллу.

Имеются неопровержимые данные археологические доказательства того, что носящая его имя письменность проникла на Русь до официального принятия ею христианства в 988 г. Во-первых, это знаменитая гнездовская надпись на обломках амфоры (рис.9), найденная в 1949 г. Д.А.Авдусиным в погребении воина из Гнездовского могильника близ Смоленска. Подавляющее большинство этих курганов принадлежат славянам из племени кривичей. Прочтарапанные на черепках буквы сложились в загадочное слово ГОРОУХЩА и большинство специалистов датируют его первыми десятилетиями X века (само погребение относится к середине того же века). Находка эта в свое время произвела огромную сенсацию и стала одним из наиболее убедительных доказательств существования на Руси письменности до 988 г. Но что означала эта таинственная надпись? Тут среди ученых единодушия не было. Было выдвинуто пять основных гипотез, объясняющее это слово из восьми букв. Нашедший надпись Д.А. Авдусин и М.Н.Тихомиров переводили слово "гороухща" как "горчица", языковед П.Я.Черных толковал его как "гороушна" — "горчичные зерна". Чешский исследователь Мареш предложил читать ее как "Гороух пса" — "Горух писал", а американский ученый Р.Якобсон — как "гороунья" — "горунова", то есть обозначавшее принадлежность корчаги какому-то Горуху или Горуну. И, наконец, Г.Ф.Корзухина выдвинула гипотезу, что надпись на сосуде следует понимать как "гороуща" или "горючее", то есть нефть, якобы содержащуюся в амфоре. К однозначному, устраивающему всех ученых толкованию гнездовской надписи пока еще не удалось придти и случай этот еще раз иллюстрирует запутанность и сложность разбираемой проблемы.

¹ Бильбасов В.А. Кирилл и Мефодий по западным легендам, СПб., 1871, с.180.

² Гедеонов С. Варяги и Русь, СПб., 1876, с. XXXIII.

³ Иордан. О происхождении и деянии гетов, М., 1960, с.91-92.

Символ	Значение	Символ	Значение
А	А	А	А
В	В	В	В
Г	Г	Г	Г
Д	Д	Д	Д
Е	Е	Е	Е
Ж	Ж	Ж	Ж
З	З	З	З
И	И	И	И
К	К	К	К
Л	Л	Л	Л
М	М	М	М
Н	Н	Н	Н
О	О	О	О
П	П	П	П
Р	Р	Р	Р
С	С	С	С
Т	Т	Т	Т
У	У	У	У
Ф	Ф	Ф	Ф
Х	Х	Х	Х
Ц	Ц	Ц	Ц
Ч	Ч	Ч	Ч
Ш	Ш	Ш	Ш
Щ	Щ	Щ	Щ
Ъ	Ъ	Ъ	Ъ
Ы	Ы	Ы	Ы
Ь	Ь	Ь	Ь
Э	Э	Э	Э
Ю	Ю	Ю	Ю
Я	Я	Я	Я

Рис.8. Готский алфавит.

Вторым доказательством являются найденные В.А. Яниным в Новгороде "цилиндры" с княжескими знаками для мешков, из которых два древнейших цилиндра № 5 и 6 (рис.10) датируются временем до официального принятия христианства из чего следует, что и надписи на них минимум на 10 лет опережают официальную дату крещения. Столь ранняя датировка, предложенная В.А.Яниным и поддержанная А.А.Медынцевой, не встретила возражения со стороны других ученых, что и позволило включить обе надписи на цилиндрах в эту главу. Специалисты реконструируют надпись на цилиндре №5 как **"МЕЦЪНЦЪ МѢХЪ ВЪ ТНХЪ МѢТѢ(ХЪ) ПОЛѢТВЪЦЪ"** — "мечник мех в тех метах, Полтвец." Мечник — это хорошо знакомая исследователям должность в княжеской администрации, а Полтвец — вероятно имя. В целом же

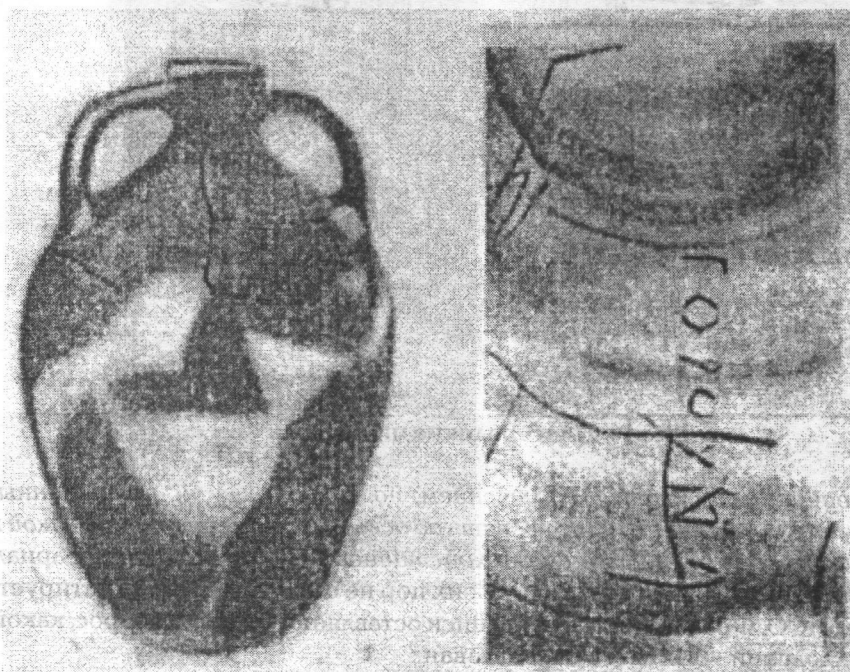

Рис.9.Гнездовская надпись.

перед нами пример использования кириллицы в государственных фискальных целях. Цилиндр №6 сохранился гораздо хуже, часть историков считают, что надпись на нем вообще невозможно разобрать, но Янин предлагает следующее прочтение :**" ВЪ-ОН/ГРННѢ "** - "в 9-н гри/в/не/хъ/". А.А.Медынцева предполагает, что широкое проникновение кириллицы на Русь начинается после Дунайских походов Святослава в 70-х г.г. X в. Находясь достаточно долгое время в Болгарии, русские неизбежно должны были соприкоснуться там с созданной Кириллом письменностью, которая прошла в этой стране уже значительный путь развития к тому времени и использовалась в государственных и культовых целях. Плоды этого процесса появляются уже при детях великого князя." Между тем надписи на цилиндрах, относящихся ко времени новгородских княжений Владимира и Ярополка, свидетельствуют об использовании письменности в среде княжеской администрации в языческое время,"¹ — однозначно утверждает исследовательница. Полностью разделяет ее мнение Т.В.Рождественская. Ссылаясь на эти цилиндры и на одноеровые написания в Новгороде в христианское время, она заключает :**" Все это свидетельствует о том, что древнеболгарская кириллическая графика на раннем этапе распространения письменности на Руси, в частности в Новгороде, служила образцом еще до официального принятия христианства, то есть в тот период, когда письменность начала использоваться в процессе становления государства и развития его функций. Это обстоятельство было обусловлено, конечно, тесными историко-культурными и политическими связями Болгарии и Руси II половины X в."**²

Последнее время принесло новые свидетельства использования кириллицы в языческой Руси. При раскопках "Рюрикова" городища, находящегося в 2 км от Новгорода, было найдено шиферное пряслице с процарапанными знаками, датирующееся в пределах второй четверти X века, но не позднее середины столетия. На верхнем ярусе пряслица выделяются знаки Н и Ж (рис.11), которые могут быть интерпретированы и как рунические, и как кириллические. Исходя из особенностей их графики Е.Н.Носов и Т.В.Рождественская склоняются к последнему варианту: **"В данном контексте знаки на пряслице середины**

¹ СА, 1984, №4

² Рождественская Т.В. Древнерусские надписи на стенах храмов, СПб., 1992., с.44.

Рис.10. Новгородские цилиндры.

Х в. с "Рюрикова" городища не являются исключением, но, на наш взгляд, прочитанные с "позиции" славянских алфавитов, они могут свидетельствовать об освоении элементов славянской письменности в центре Северной Руси еще до принятия Русью христианства.¹ На городище Гарналь был найден астрагал с прочерченными буквами. Эта надпись до сих пор не опубликована, но датируется Х в. и в ней можно различить буквы НСО. Фрагментарность надписи оставляет открытым вопрос, какой их алфавитов — греческий или кирилловский — был здесь использован.²

Значительный интерес и оживленную дискуссию в научных кругах вызвало открытие С.А.Высоцким странной азбуки из 27 букв (23 греческих и 4 славянских) в Софийском соборе в Киеве (рис.12). Сам собор был сооружен в 1037 г. и надпись эта датируется XI в. Однако необычно малое число славянских букв позволило С.А.Высоцкому выдвинуть гипотезу о том, что эта азбука отражает ранний этап развития славянской письменности соответствующий письму "без устройства" греческими буквами о котором писал Черноризец Храбр. Софийская азбука занимает промежуточное положение между греческим алфавитом и кириллицей, насчитывавшей от 38 до 43 букв, что позволяет рассматривать ее как своего рода протокириллицу. Нельзя сказать, что предположение С.А.Высоцкого было поддержано всеми учеными. Так, Б.А.Рыбаков предположил, что азбука просто не дописана, Т.А.Иванова рассматривает ее как неумелую попытку не очень сведующего в славянской азбуке человека изобразить кириллицу, Т.В.Рождественская, сравнивая ее с новгородскими азбуками XI в., полагает, что это — древнерусский вариант кириллицы. Сам С.А.Высоцкий возражает свои оппонентам так: "Ее необычность заключается в том, что она состоит из 23 букв греческого(византийского) алфавита и только четырех славянских Б,Ж,Ш,Щ, а не из 19, как в кириллице книжных памятников XI-XII вв. Трудно согласиться с тем, что это недописанная или перепутанная азбука кириллицы. Буквы "фита" и "кси" стоят еще в середине азбуки на своих греческих местах, а не в конце ее, как в кириллице. Азбука заканчивается "омегой", которой в средние века обозначался "конец", точно так же, как первой буквой алфавита — "альфой" обозначалось "начало". Все это наводит на мысль: не отражает ли открытая азбука какой-то ранний этап развития славянской письменности, а именно тот, который болгарский писатель Х в. Черноризец Храбр назвал "письмом без устройства" греческими буквами."³ Далее он выдвинул достаточно вероятное предположение о ее принадлежности: "Надпись на стене Софийского собора по составу и месту написания букв, вероятнее всего, является азбукой какого-то варианта письменности, употреблявшейся на Руси в IX — начале Х в. узким кругом лиц, входивших в христианскую общину, существование которой в Киеве подтверждается письменными источниками."⁴

¹ Вспомогательные исторические дисциплины, т. XVIII, Л., 1987, с.55.

² История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации, М., 1983, с.94.

³ Высоцкий С.А. Киевские граффити XI-XVII вв., К., 1985, с.117.

⁴ Там же, с.120.

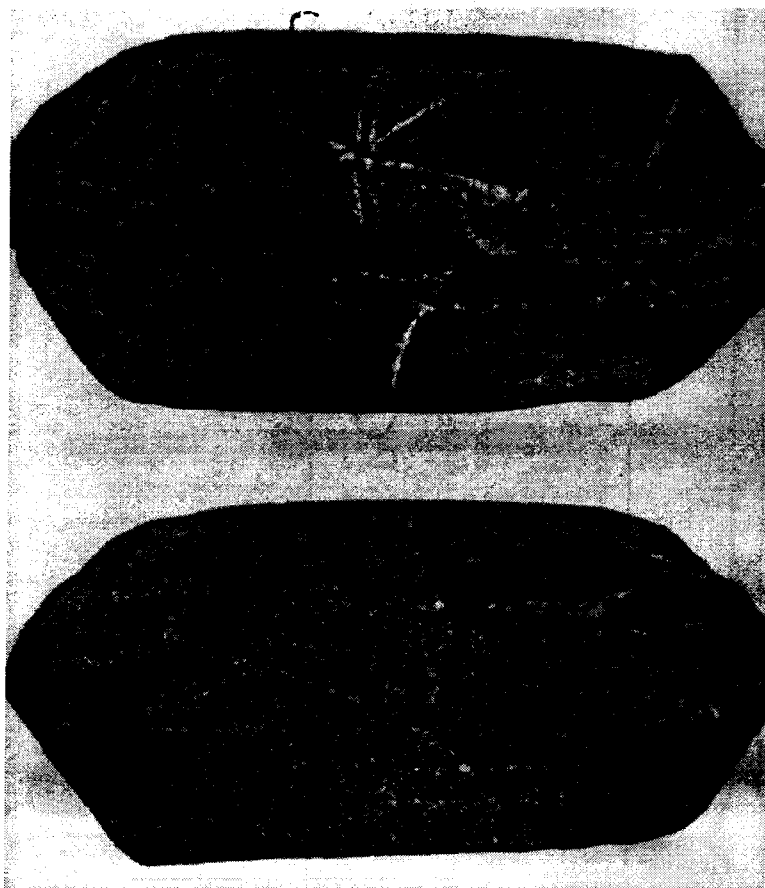

Рис.11.Пряслице с Рюрикова Городища.

Однако, самым главным возражением, мешающим окончательно согласиться с С.А.Высоцким и признать в Софийской азбуке протокириллицу, является ее возраст: она как минимум на 100 лет старше гнездовской надписи. Что могло заставить человека XI в., когда на Руси уже широко была распространена кириллица, писать на стене храма древнюю, неполную азбуку? Великолепно понимает сложность и значимость этого вопроса и сам С.А.Высоцкий, попытавшийся дать на него ответ. Отметив, что при соборах обучались будущие священнослужители, он выдвинул следующую гипотезу: "Вполне вероятно, что кроме обычной кириллицы учеников знакомили и с древним славянским письмом, необходимым для чтения некоторых богослужебных книг. Одним из таких учеников и могла быть написана на стене собора только что усвоенная им азбука."¹ Однако, это предположение достаточно сомнительно: если человек знал полную кириллицу из 43 букв, которой в первую очередь должны были учить учеников, то он без особого труда мог прочесть любой текст, написанный алфавитом из 27 букв и никакой надобности специально изучать последний у него не было. В своей последней работе С.А.Высоцкий несколько видоизменил свою гипотезу, предположив, что она, как и некоторые другие граффити, была написана в связи с событиями, происходившими в соборе: "Это могло быть, например, перенесение в митрополию древнего даже для XI в. церковного архива из церкви Ильи на Подоле, упоминаемой в договоре Руси с греками 944 г. и служившей соборным храмом киевских христиан в языческое время. В архиве могли находиться тексты договоров Руси с греками, использованные летописцем, и рукописи (краткие молитвы), написанные архаическим письмом, что и послужило поводом для написания древней азбуки"². Следует отметить, что вряд ли князья-язычники хранили важные для них договоры, при заключении которых они клялись своими языческими богами, в христианском храме. Гипотеза о перенесении старинных богослужебных книг является более правдоподобной. В силу этого мы вправе рассматривать предположение о том, что Софийская азбука отражает ранний этап приспособления греческого алфавита к славянскому языку как весьма вероятное, но окончательно еще не доказанное.

Примечание: 1. Первые буквы азбуки, которые не удалось прочитать, и приведены в продолжении

¹ Высоцкий С.А. Древнерусская азбука из Софии Киевской //СА, 1970, №4, с.138.

² Высоцкий С.А. Киевские граффити XI-XVIII вв., К., 1985, с.120.

А Б В Г Д Е Ж З И Й К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы Ь Э Ю Я

Рис.12. Софийская азбука.

Итак, мы видим что кириллица проникает на Русь до 988 г. в связи с распространением христианства, культурными и торговыми контактами с Болгарией и Византией, нуждами государственного аппарата. Но (если на время опустить данные о букве Ч) что это доказывает? Только то, что кириллица появляется на Руси несколькими десятилетиями раньше даты официального принятия христианства. И это ни в коей степени не способно привести нас к решению вопроса о существовании русской самобытной письменности не связанной с христианством.

¹ История, культура, этнография и фольклор славянских народов. Доклады советской делегации, М., 1963, с. 94.

² Высоцкий С.А. Кириллица в IX-XI вв. М., 1970, с. 117.

³ Там же, с. 120.

Глава 4

Письмена исконной Руси

В 987 г., за год до принятия христианства на Руси, арабский ученый Ибн-Якуб-эль-Недим, полное имя которого по мнению А.Я.Гаркави было Абуль-Фарадж Мухаммед ибн-аби-Якуб или ибн-Исхак, заканчивает свою "Книгу росписи наукам". И в этой книге арабского мудреца есть один бесценный отрывок, имеющий прямое отношение к нашей теме: "Русские письма. Мне рассказывал один, на правдивость коего я полагаюсь, что один из царей горы Кабк (Кавказ) послал его к царю Русов; он утверждал, что они имеют письма, вырезаемые на дереве. Он же показал мне кусок белого дерева, на котором были изображения, не знаю были ли они слова, или отдельные буквы, подобно этому."¹ Гаркави почему-то не привел в своем сочинении изображения этих знаков, но их можно найти у Френа, который и ввел эти данные в научный оборот в 1836 г. Вот как выглядит этого отрывок эль-Недима в оригинале (рис.13). С тех пор эта надпись неоднократно воспроизводилась в дореволюционных сочинениях, а в советский период — в книгах В.А.Истрина.

Невозможно переоценить значение этого известия эль-Недима. Впервые у нас в руках есть принципиально отличающаяся от кириллицы и глаголицы надпись, в отношении которой есть 100% гарантия, что она русская. Приведенная эль-Недимом загадочная надпись и есть главное доказательство существо-

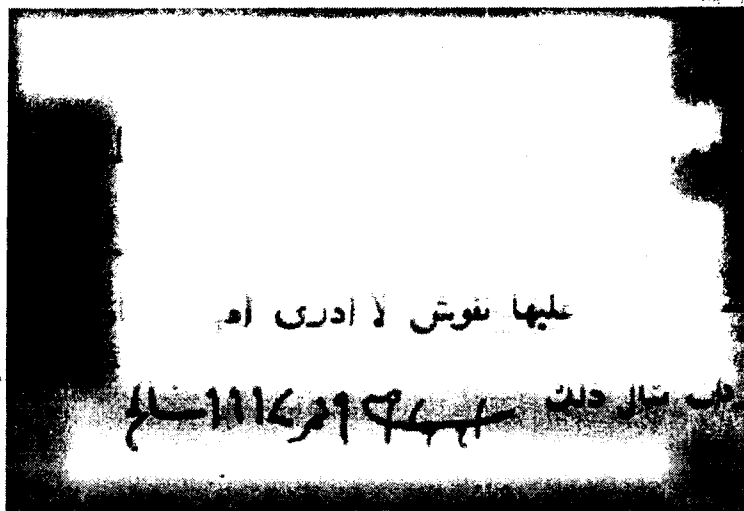

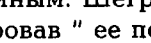
Рис.13. Надпись эль-Недима.

вания на Руси в дохристианский период собственной оригинальной письменности. Доказательство, способное поставить точку в затянувшемся многовековом споре. Однако прежде чем перейти к дешифровке, я бы хотел высказать некоторые соображения по ее датировке.

Большинство занимавшихся ей историков или вовсе не ставили этот вопрос, или датировали ее концом X века, временем правления Владимира. Кое-кто даже датировал ее 987 г. — временем завершения самой книги — почему-то считая, что именно в этом году послы Владимира привозят на Кавказ дощечку с таинственной надписью. Недостоверность последнего предположения очевидна: ни о чем подобном вовсе не говорится в вышеприведенном отрывке эль-Недима. Также неубедительной кажется мне и датировка надписи концом X в. Против этого свидетельствует и перевод, и приведенные в предыдущей главе данные о распространении на Руси кириллицы после Святослава, при его детях. Ведь если она

¹ Гаркави А.Я. Ук. соч., с.240.

использовалась в княжеской администрации, то почему бы ее не использовать в дипломатической переписке? Кроме того, информатор эль-Недима показал ему русскую надпись, но ни эль-Недим, ни, следовательно, его живший на Кавказе информатор не знали ни смысла надписи, ни даже того, состояла ли она из букв или слов. Вывод может быть лишь один: к концу X в. на Кавказе уже не было людей, способных понимать эту письменность, а дощечка эта хранилась у одного из местных князьков с более ранних времен. Кстати, последнее обстоятельство укрепляет уверенность в достоверности эль-Недима: по независимым от него источникам (Новгородская I летопись, Новгородская IV летопись) под 912 г. "списа на дщицу", "XIII слов Григория Богослова" ("подвиже писало акы от доски духовныя") и др. доказано, что на Руси доски использовались для письма. По крайней мере в этом вопросе эль-Недим абсолютно точен. Что же касается датировки, то я полагаю, что известие эль-Недима можно связать со свидетельством другого арабского историка и географа ал-Йакуби, который под 853-854 г. г. описывает восстание против арабских властей кавказского племени санаров (народа Северной Кахетии) и отмечает, что повстанцы обратились за помощью к трем властелинам Восточной Европы: византийскому императору, хазарскому кагану и некоему "сахиб ассакалиба" (государю славян). В последнем многие специалисты видят киевского князя, поскольку он был достаточно силен, чтобы поддержать санарцев против халифата, и самое главное, мог реально оказать помощь, то есть имел владения относительно недалеко от Кавказа. А самыми близкими к нему славянскими землями в ту эпоху были Киев и Тмутаракань. Если данная гипотеза верна, то загадочная надпись стала результатом посольства санарцев в Киев и датировать ее следует IX веком.

Нельзя сказать, чтобы историки не делали попыток перевести надпись эль-Недима. С самого начала было ясно, что расшифровать ее исходя из ее самой практически невозможно. Так, при расшифровке критской письменности ключом послужило одно слово, предполагаемое значение которого было известно. Само слово состояло из 18 знаков и требовалось установить его звуковое значение. Подставляя различные буквенные звучания на место каждого из 18 знаков, ученые получили 200 000 000 000 000 различных звуковых вариантов этого слова, из которых только одно было правильным! Случай этот великолепно показывает сложности дешифровки древних письменностей. И хоть в нашем случае надпись состоит из 9 знаков, очевидно, что если не выходить за ее пределы, перевод невозможен. Следовательно, надо было искать письменность, знаки которой были бы идентичны или похожи на надпись эль-Недима и исходя из нее осуществлять расшифровку. Именно этим путем и пошли исследователи. Френ, первый опубликовавший надпись, почему-то попробовал сравнить ее с Синайской письменностью, но, естественно, ни к каким результатам не пришел. Норманисты с радостью ухватились за эту надпись, надеясь с ее помощью получить еще одно "доказательство", что именно германцы-скандинавы принесли диким славянам государственность, культуру и письменность. А раз так, то и это русская надпись должна была быть выполнена рунами и ничем иным. Шегрен попробовал перевести надпись эль-Недима скандинавскими рунами, и "реконструировав" ее первоначальный вид как , получил слово "словянинъ". Гедеонов, совершенно справедливо иронизируя над подобным "переводом" и отмечая, что сходство между надписью и рунами поистине поразительное, сам без тени смущения переводит ее глаголицей как ДПѢУІ (опуская при этом знаки ъ, ꙗ как непереводимые) и получает "Стосвъ", то есть Святослав и считает ее паспортом времен этого князя. Пусть сам читатель судит какая из двух попыток менее отклоняется от оригинала. Гаркави предположил, что перед нами искаженная арабская надпись; гипотеза абсолютно неубедительная, поскольку непонятно зачет понадобилось эль-Недиму исказить до неузнаваемости свой родной язык, да и приводимая им надпись совершенно ничего общего с арабской письменностью не имеет.

В.И.Таланкин попробовал перевести надпись как идеограмму торгового договора, допускающего сразу два толкования: *"князь просит разрешения трем своим купцам свободно торговать в городе"* или *"город, вследствие просьбы князя-купца разрешает трем его купцам свободную продажу привезенного на лагье товара."*¹ А.Д.Маневский считал, что это — пиктографическая маршрутная карта, а П.Я.Черных, Д.С.Лихачев, Е.Георгиев и большинство советских и болгарских ученых предположили, что надпись является славянскими "чертами и резами", о которых говорил Храбра, но расшифровке не поддается. Поскольку удовлетворительного перевода получить не удалось, а все предпринятые попытки не встретили, да и не могли встретить признания в ученом мире, интерес к этой уникальной надписи постоянно падал, пока не приблизился почти к нулевому уровню. О ней практически забыли. Современное состояние ее изучения подвел в своей книге Лихачев: *"Далее Ибн-эль-Недим воспроизводит и самую надпись, прочесть которую до сих пор, впрочем, хотя бы более или менее убедительно, не удалось."*²

С самого начала я был вынужден идти по единственно возможному пути сравнения этой русской надписи с письменностью других народов. В первую очередь, попытка перевода через алфавит абсолютно чуждого нам по крови и языку народа была бы крайне сомнительна и рискованна. Скандинавские руны, как было показано выше, не имели абсолютно никакого сходства с исконной русской письменностью, и любая попытка расшифровки с их помощью была заведомо обречена на провал. Греческий и латинский алфавиты, развившиеся под влиянием финикийского, также не были похожи и автоматически

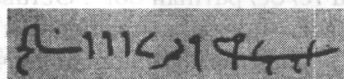
¹ Древности, т. XXIII, вып.2, М., 1914, с.447.

² Лихачев Д.С. Возникновение русской литературы, М-Л., 1952, с.18.

ka	+ ka	o ha	o ba
i	kha	da	bha
u	ga	dha	ma
e	gha	na	ya
	ṇa	ta	ra
	ḥa	tha	la
	ḥa	da	va
	ja	dha	sa
	jha	na	ha
	ṇa	pa	
	ṭa	pha	
ka (+ka)	ṇa (ṇa)	ṇa (ṇa)	ṇa (ṇa)
sū (dṣa)	Dane (Dha)	ro (ra)	vam (va)

Рис.14. Алфавит брахми.

что точно соответствует двум нерасшифрованным знакам, в то время как в слове "ниспошли" их гораздо больше. Во-вторых, будь в начале предложения слово "ниспошли", то исходя из правил согласования, слово "удача" должно было бы начинаться и кончаться на "у", что могло отразиться на написании и чего на самом деле нет. В-третьих, просматривая различные варианты написания знаков брахми, я обнаружил, что в I-II в. н.э. слог "да" обозначался в нем как 𑀓𑀸, что имеет некоторое сходство с русским знаком 𐀓, который мог быть заглавным. В-четвертых, русскому знаку из трех черт соответствует звук "и", обозначаемый в брахми тремя точками 𑀓𑀸, которые в более поздний период развития брахми были заменены тремя горизонтальными чертами 𑀓𑀸. Налицо не внешнее, а смысловое совпадение: индийские три точки были заменены у нас тремя верикальными чертами. Это последнее совпадение окончательно убедило меня в правильности выбора слова "дай". Итак, приведенная Ибн-Якуб-эль-Недимом надпись, выполненная исконным русским письмом

¹ Дирингер Д. Алфавит, М., 1963, с.405.

записанная индийским брахми выглядела бы как

а выполненная кириллицей представляет собой

ДАН УДАЧН ТЪ РАТЪНЫН БГ

Читатель сам может сравнить степень сходства брахми и русской первоначальной письменности. В принципе, по формальной стороне перевода возможно два возражения: 1. почему слог "да" в надписи изображен двумя различными знаками и 2. почему "и" обозначено на конце первого слова и не обозначено на конце второго? На это можно привести следующие соображения. В русских кириллице, глаголице и индийском брахми один и тот же звук нередко обозначался двумя и более знаками и, кроме того, мы возможно здесь имеем дело со своего рода заглавной буквой, с которой начиналось новое предложение. (кстати, знак **Д** есть в глаголице, но означает там не "да", а "како"). Что касается второго возражения, то в первом слове был слог "да" и для правильного прочтения необходимо было обозначить окончание "и", в то время как во втором слове конечной гласной не было и можно было поставить нужное звучание не прибегая к еще одному знаку.

Возможно и одно возражение по тексту перевода. Некоторые ученые полагают, что слово "удача" достаточно поздно появилось в русском языке, указывая на отсутствие данного слова в древнейших летописях. Во-первых, здесь следует отметить наличие в древнерусской литературе крайне близкого к нему по написанию и идентичного по значению слова "удатися", которое И.И.Срезневский переводит как "быть удачным". В своем труде он приводит известие Ипатьевской летописи под 1227 г.: "*Потом же Мьстиславъ великий оудатный князь умре.*"¹ Кроме того, в древнерусском языке существовало слов "неудатия" - "неудача"². А чередование корневых т,ч- явление, широко распространенное в русском языке, напр: хотеть - хочу, подать - подачка и т.д. Так что существование в Древней Руси зафиксированного слова "удатися" делает весьма вероятным существование одновременно с ним и слова "удача". Во - вторых, необходимо учитывать то обстоятельство, что летопись не отражала целиком на 100% живой разговорный язык того времени. Блестящим подтверждением этому является Тмутараканский камень XI в. Буква Ч на нем была написана так, как она никогда в русских памятниках не встречается, буквы омега и Р также сильно отличаются от их написания в XI в. От всех летописных текстов отличаются написанные на камне слова "леду", "Тмутараканъ" и "сяжень". Еще больше сложностей возникло с упомянутым в надписи на камне городом "Кърчев": название Корчев в русских летописях вообще никогда не упоминается, а название Керчь начинает встречаться в русской письменности лишь начиная с XVI в. Однако несмотря на все эти многочисленные серьезные расхождения с летописями Тмутараканский камень после продолжительной дискуссии в конечном итоге был признан подлинным исторической наукой. Следовательно, как и название "Кърчев" в надписи на Тмутараканском камне, так и слово "удача" в надписи, приведенной эль-Недимом, вполне могло существовать в разговорной речи Древней Руси, но не быть зафиксировано летописными текстами. Таким образом, отсутствие этого слова в древнейших памятниках русской письменности не может служить основанием для отрицания предложенного варианта перевода.

Если данный перевод правильный, то перед нами неизвестная до сих пор русская письменность, родственная древнеиндийской, и древнейший русский дипломатический документ. Все это заслуживает самого серьезного научного анализа. Чтобы окончательно удостовериться в правильности предложенного мной перевода поиск пришлось вести в нескольких направлениях: соответствует ли реконструированный текст тому, что говорят о нем арабские авторы; может ли он по своему смыслу, лингвистическим данным и фразеологическим оборотам принадлежать русскому языку раннего средневековья, и возможен ли был в принципе контакт древнеиндийской и древнерусской письменностей.

Предложение "Дай удачи те ратный бог" вполне могло быть по смыслу в дипломатическом послании русского князя к иностранному государю. Скорей всего, это пожелание было последним предложением в вырезанном на деревянной дощечке тексте, и любознательный арабский ученый скопировал с нее именно последнюю строчку. Насколько точно эль-Недим скопировал непонятную ему надпись? Следует учитывать оба возможных варианта: и то, что ученый несколько исказил русскую надпись, приспособив ее под привычные ему округлые и плавные линии арабской графики, и то, что древнейшая русская письменность не была точной копией брахми. Если гипотеза о том, что для датировки этого послания можно привлечь данные другого арабского историка ал-Йакуби верна, то ход событий можно реконструировать следующим образом. В борьбе с арабскими завоевателями санарцы обращаются за помощью к восточным славянам. Русский князь войска не дал (арабские источники ничего не сообщают об участии в этой войне русов или славян), но в ответном послании пожелал удачи в борьбе с врагами.

Но почему в этом предложении русами используется редкое и интересное выражение "ратный бог", а не упоминается хорошо знакомый по договорам с греками бог войны Перун? В том, что ратный бог это Перун нет никакого сомнения: о том, что он почитался на Руси как бог войны, имеются многочисленные

¹ Срезневский И.И. *Словарь древнерусского языка*, т. III, ч. 2, М., 1989, с. 1147.

² Там же. т. II, ч. 1, М., 1989, с. 436.

свидетельства, а в договоре 907 года рефреном повторяется что язычники - русы клялись оружием своим и Перуном, богом своим. В договорах с Византией этого бог фигурирует как гарант его соблюдения, призванный, в случае нарушения русскими своих обязательств, покарать клятвопреступников. Клятва Перуном рассматривалась империей как укрепляющий мирный договор факт и поэтому его имя фигурирует во всех соглашениях. В нашем же случае речь не идет о каких-либо обязательствах русской стороны, подкрепляемых клятвой именем почитаемого нашими предками бога. Более того, желая удачи и благословения со стороны бога кавказскому правителю, русский князь проявил определенный дипломатический такт, упоминая в своем послании не Перуна, имя которого ничего не говорило исповедывавшим другую религию и поклонявшимся другим богам санарцам, а использовав нейтральный термин "ратный бог", понятный любому народу.

Дополнительным аргументом в пользу правильности перевода является встречающееся там слово "бог" — специфической индоиранославянской формы и не употребляемой другими европейскими народами. К чрезвычайно древним временам восходит и представление о боге как раздатчике благ, в том числе и удачи. На русском материале эта великолепно показывает пословица "бог дал, бог и взял". Выражения типа "дай бог" встречаются в древнейших памятниках русской литературы. Уже в Остромировом Евангелие 1056—1057 гг. г — самой древней из дошедших до нас русской книге, выполненной кириллицей — мы видим этого оборот: "даи емоу ꙗꙑъ бꙑъ бꙑѣние сꙑѣхъ еѣ англисть."¹ В созданном до 1117 г. Евангелие Мстислава записано: "даи же емоу ꙗꙑъ бꙑъ мꙑѣсть свою и наслꙑдѣ цꙑꙑства нꙑꙑсьнааго".² Стихаре XII в.: "дай бꙑъ ему здрави."³ Минея Праздничная XIII-XIV в.в.: "дати кꙑꙑ зю нашему на поганѣя побꙑꙑ ды."⁴ Автор Новгородский I летописи пишет: "и не да бꙑъ кровопролития хр/с /тыанам."⁵ Еще более интересным и необычным является словосочетание "ратный бог". Если на независимом материале доказать употребление этого редкого выражения на Руси, то это будет серьезным аргументом в пользу правильности предложенного перевода эль-Недима. И такое доказательство имеется. Под 986 г. в летописи записана речь философа, в которой греческий мудрец убеждает князя Владимира в превосходстве христианства. В этой речи есть один интересующий нас отрывок. Излагая историю возникновения христианства, Философ рассказывает об отступничестве иудеев от веры в истинного бога и перенимании культа соседних народов: "*Таче и въ Ерусалимѣ начаша забывати бога и поклонятися Валу, рекъше ратьну богу, еже есть Орѣ ѡ, и забыша бога отецъ своих*".⁶ Фраза исключительно ценная, так как доказывает использование на Руси выражения "ратный бог". Что же можно сказать о Речи Философа в целом? Большинство наших ученых во главе с Д.С.Лихачевым полагают, что она только внешне прикреплена к князю Владимиру и, возможно, была составлена самим Константином. Целый ряд признаков говорит о том, что Речь не является сочинением русского летописца и была переведена с греческого языка, что однако не исключает многочисленных вставок русского переводчика. Подробно исследовавший с текстологической точки зрения Речь Философа А.С.Львов утверждает, что написание слова Орей с буквы "о" свидетельствует о восточнославянском первооригинале этого отрывка.⁷ В данном случае летописец прибег к хорошо нам знакомому по древнерусским поучениям против язычества приему: объяснению (и обличению) языческих богов одного народа через их отождествление с языческими богами другого народа. Здесь финикийский Ваал объявляется одним лицом с Ореем - Ареем, богом войны у греков. Примеры подобного рода имеются: так, включив под 1114 г. в Ипатьевскую летопись отрывок из греческой хроники Иоанна Малалы, русский летописец отождествил греческих богов Гефеста и Гелиоса с русскими Сваргом и Дажьбогом. В речь Философа русский переводчик непосредственно имя Перуна вставлять не стал, ограничившись включением его эпитета "ратный бог".

До нас практически не дошли русские языческие молитвы с которыми можно было бы сравнить исследуемое выражение и тем ценнее для нас данные двух арабских авторов, оставивших описание быта язычников - русов и некоторых их высказываний. Ибн Руст отмечает, что славяне во время жатвы кладут просеянные зерна в ковш, поднимают его к небу и говорят: "*Господи, ты, который даешь нам пищу, снабди теперь нас ею в полной мере!*"⁸ Гардизи, рассказывая о похоронах у славян, добавляет, что при этом они играют на музыкальных инструментах и говорят: "*Мы веселимся, ибо милость божья сошла на него*"⁹. Таким образом, выражение "дай удачи те ратный бог" по своим особенностям вполне вписывается в этот ряд.

К какому типу письма могла принадлежать эта русская письменность? Хоть крайняя скудость фактических данных не позволяет пока дать окончательный ответ на этот вопрос, очень многое говорит в пользу того, что это было слоговое письмо, возможность существования которого у славян предполагал такой выдающийся ученый как Л.В.Черепнин: "*Русское письмо прошло, надо думать, путь, общий всем*

¹ Словарь древнерусского языка, т. 11, М., 1989, с. 442.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 436.

⁵ Там же, т. 1, М., 1988, с. 274.

⁶ ПВА, т. 1, М.Л., 1950, с. 68.

⁷ Памятники древнерусской письменности, М., 1968, с. 348.

⁸ Заходер Б.Н. Ук. соч., с. 115.

⁹ Новосельцев А.П. и др. Древнерусское государство, М., 1965, с. 390.

народам, от рисунка, изображающего определенный образ или понятие, через изображения, соответствующие словам, к слоговому и, наконец, звуковому (или фонетическому) способу."¹ Правда, следует отметить, что В.А.Истрин, исходя из собственных теоретических построений, со свойственной ему категоричностью отрицал саму возможность существования слогового письма у славян: "Слоговое письмо было бы непригодно для славянских языков, так как языки эти отличаются многообразием слогового состава и нередкой встречаемостью смежных согласных (конечные согласные в славянской речи VIII-IX в.в.в, по-видимому, еще почти не встречались...) Аналогично этому слоговое письмо оказалось удобным для тех языков (например, для японского), которые состоят из ограниченного количества разных слогов; наоборот, при большом количестве разных слогов необходимо было или создавать огромный ассортимент слоговых знаков, что очень усложняло бы письмо, или же примиряться с неточной передачей языка. Особенно неудобно слоговое письмо для тех языков, в которых часто встречаются смежные и конечные согласные."² Однако никто не утверждает, что существовавшая до Кирилла письменность абсолютно точно передавала все особенности славянской речи. Более того: докирилловская письменность обязательно должна была быть в большей или меньшей степени несовершенной, поскольку в противном случае не было бы никакой потребности Кириллу изобретать, а славянам принимать совершенное буквенное письмо. Так что возражение В.А.Истрина теряет свой смысл и славяне в любом случае "примирялись" с неточной передачей их языка.

В свою очередь, слоговое письмо подразделяется на несколько подвидов, одним из которых является брахми, где каждый знак означал изолированную гласную либо сочетание согласная плюс гласная "а". Подобная жесткая огласовка согласных обязательно на "а" не полностью соответствует особенностям славянского языка и поэтому можно предположить, что русская письменность типологически была более близка к крито-микенскому подвиду слоговой письменности, где каждый знак означал изолированную гласную или сочетание согласная плюс любая гласная. Кроме того, следует иметь в виду мнение некоторых ученых, согласно которому подобная огласовка в брахми - явление вторичное и позднее.³ Поэтому привлечение брахми к расшифровке исконной русской письменности является вполне оправданным. Явное сходство русских и индийских знаков письменности, делающие весьма вероятным предположение об их происхождении из единого источника, а также принадлежность обоих народов и индоевропейской языковой семье, позволяют нам применить сравнительный метод расшифровки. Можно представить себе аналогичную ситуацию: если бы кириллица была нерасшифрованной письменностью, то приблизительное звучание слов в ней можно было бы установить с помощью греческого алфавита.

Следует отметить, что деление письменностей на идеографические, слоговые и т.п. системы носит в значительной степени искусственный характер. Так, слоги выделялись в шумерском, ассирийском, древнеперсидском и других идеографических системах письма. Ассирийско-вавилонская письменность вообще представляла из себя смесь буквенного, слогового и рисунчатого письма. Смешанной слогово-буквенной была оронхо-енисейская письменность. В древнеперсидской же клинописи каждый слоговый знак наряду с основным, слоговым значением (согласный + гласный) мог применяться для передач входящего в данный слог одного согласного звука. Ученые И.Гельб и И.М.Дьяконов рассматривают финикийское письмо как разновидность слогового, в то время как многие другие исследователи считают его консонантно-звуковым. Приведенные примеры, число которых можно легко умножить, наглядно показывает, что принятая классификация носит достаточно искусственный характер, а отдельные письменности могут иметь весьма сложную комбинированную и неоднозначную структуру, не вмещающуюся в предложенные схемы. Поэтому при определении типа, к которому принадлежит рассматриваемая русская письменность, недопустима поспешность и для окончательного заключения требуется накопление как можно большего количества фактического материала.

Остается рассмотреть последний, наиболее сложный вопрос. Проблема возникновения и развития древнеиндийской письменности сама по себе таит немало загадок, некоторые из которых не решены и по сей день. "Письменность брахми можно рассматривать как национальную индоиранскую систему письма..."⁴, происхождение которой неясно, отмечает исследователь древнейших алфавитов Д.Дирингер. Достоверно известно следующее: древнейшими датированными памятниками брахми являются высеченные на скалах буддийские эдикты царя Ашоки, вступившего на престол в 268 г. до н. э. В Индии она употреблялась около тринадцати столетий до X века н.э., после чего была вытеснена другими системами письма, сложившимися на ее основе. Само название этой индийской письменности — брахми — происходит от имени бога Брахмы, которому и приписывается ее изобретение. В индийской мифологии Брахма является создателем вселенной и одним из наиболее абстрактных богов пантеона. Он — наиболее древний из всех богов, Локагуру ("наставник мира"), своей жизнью задает временной цикл вселенной, во время великого потопа он спасает Ману. В обычное время Брахма пребывает на вершине величайшей горы Меру и передвигается верхом на лебеде. Не удивительно, что именно такой бог и стал творцом письма. Брахми является слоговой письменностью, использовавшейся, как правило, слева направо, а ее алфавит

¹ Черепнин Л.В. Русская палеография, М., 1956, с.82-83.

² Истрин В.А. 1100 лет славянской азбуки, М., 1963, с.91.

³ Большая Советская энциклопедия, т.19, М., 1975, с.572.

⁴ Дирингер Д. Алфавит, М., 1963, с.335.

состоял из 4 знаков для начальных изолированных гласных (в расшифрованном тексте с этим мы сталкиваемся в слове "удача"), специального знака анусвары и 31 слогового знака (согласный плюс "а").

На этом определенность кончается и по вопросу о происхождении брахми начинается разногласие. В настоящее время в науке устоялись две основные концепции: 1) брахми возникло под влиянием финикийского алфавита (эту точку зрения отстаивал А. Вебер, Г. Бюлер и другие западные ученые), 2) оно имеет местное индийское происхождение и, может быть, идет от нерасшифрованной письменности неиндоевропейской цивилизации Мохендж-Даро и Хараппы (К. Шамашатри, С. К. Чаттерджи, Г. Х. Оджда.) Однако обе гипотезы имеют свои слабые стороны. Против последней говорит то, что нерасшифрованная письменность долины Инда была идеографической и принципиально отличается от брахми и внешне, и структурно. Кроме того, между хараппской письменностью и эдиктами Ашоки временной разрыв более чем в тысячу лет; разрыв, в течении которого не обнаружено пока никаких надписей. Маловероятно, чтобы письменность чужого народа сохранилась без активного употребления тысячу лет и потом повлияла на создание национального индоарийского письма. Столь же проблематичной является и гипотеза о заимствовании брахми из западно-семитского алфавита. Кроме внешней несхожести против нее свидетельствуют и ряд других соображений. Все исследователи сходятся в том, что письменность эдиктов Ашоки настолько совершенна, что обязательно предполагает несколько веков предшествующего развития. Учитывая своеобразие брахми по сравнению с финикийским алфавитом, на весь этот процесс следует отнести минимум 3-4 столетия. Далее: если бы индийская письменность развивалась бы под влиянием финикийской, то обязательно было бы много переходных форм. Учитывая то, что финикийцы были народом торговцев, мы вправе ожидать многочисленных находок документов коммерческого содержания — сделок, закладных, завещаний и т.п. — выполненных этими переходными формами. Этого нет. Брахми появляется сразу и в законченном виде. Вопрос о ее происхождении этими гипотезами удовлетворительно не объясняется и, как замечают вдумчивые ученые, единственное что можно констатировать с полной определенностью, так это то, что практика изготовления надписей на камне до Маурьев не была распространена.

Как же можно объяснить столь большую схожесть брахми и древнейшей русской письменности? В принципе, можно было бы предположить ее заимствование из Индии в VIII-X веке н.э. — временные рамки обеих письменностей позволяют высказать такую гипотезу. Однако, это крайне маловероятно: против этого свидетельствует и огромное расстояние между Русью и Индией, и отсутствие в этот период между ними оживленных культурных связей, и то, что русская княжеская письменность гораздо больше походит на самые ранние формы брахми, а не на поздние. Все эти соображения свидетельствуют против этого предположения о заимствовании письменности из Индии. Остается только одна возможность: и брахми, и древнейшая русская письменность возникли и развивались из одного источника, что и объясняет их сходство. Эта гипотеза приводит нас к мысли о существовании письменности у индоевропейцев еще до распада их общности во II тысячелетии до н.э. Звучит несколько невероятно, но вместе с тем, это единственное разумное объяснение имеющимся фактам. Известно, что письменность развивается с некоторым отставанием от языка, но в целом синхронна ему. Если теперь абсолютно однозначно установлено, что некогда существовал единый индоевропейский язык, из которого впоследствии развились национальные языки, несущие на себе отпечаток бывшего родства, то почему мы с порога должны отмахиваться возможность существования в тот далекий период и единой письменности, память о которой сохранилась в Индии и Руси? Возможностью этого пренебрегать не следует, а стоит внимательно изучить говорящие в ее пользу факты.

Из наличия одного корня для обозначения письма у славян, индоариев и римлян следует только один вывод: какая-то письменность существовала у предков этих народов еще в общеиндоевропейский период, что и было зафиксировано их языками.

Помимо приведенных выше данных М. Фасмера мы теперь располагаем фундаментальным исследованием лексико-семасиологических универсалий в индоевропейских языках М. М. Маковского. Так, этот ученый выделяет цепочку лингвистически связанных между собой понятий "буква — религиозная вера — дерево — краска": русск. буква, но тох. A ruk - "верить", англ. диал. bosk "бояться" (религиозный страх), др. - в. - нем. bouhhan "знак, явление, предзнаменование"; др. - сев. stafr, staef "буква (букв. "палка, жезл"), др. - англ. tiber "жертвоприношение", англ. диал. tiver "краска"; лат. littera "буква", но др. - сев. littir "краска" ("колдовство"), др. - сев. lund "лес".¹

С другой стороны, имеется соответствие "дерево-знак": и - e. sank - "ветка" (ср. русск. сук), но лат. signum "знак, предзнаменование"; и. - e. ter - "дерево", но хет. tar(pella) "знак, предзнаменование"; литовс. medis "дерево", но и. - e. mad - "знак".²

Исследователь особо подчеркивает, что лексемы со значением "говорить" нередко восходят в разных индоевропейских языках к значению "резать" (вспомним славянские "резы" Черноризца Храбра): др. - англ. saecgan "говорить", но русск. сечь; прусск. gerbt "говорить", но др. - англ. seorfan "резать"; русск. диал. ложить "кастрировать"; русск. слово, серб. - хорв. слово "буква" соотносится с и. - e. leu - "резать, отрезать".³

Вместе с тем фиксируется соотношение "говорит" с "деревом" - материалом на котором вырезались

¹ Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках, М., 1996, с. 60-61.

² Там же, с. 136.

³ Там же, с. 162, 370-371.

знаки речи : и.-е. kuk - "издавать звуки", но латыш. kuoks "дерево"; нем. reden "говорить", но лат. arbot "дерево"; и.-е. ger - "издавать звуки", но прусск. garian "дерево"; и.-е. ag - "говорить", но и.-е. ag - "дуб"; гот. merjan "вещать, возвещать", но арм. mair "ель"; латыш. daina "песня", но др.-инд. dhanuh "дерево"; и.-е. uer - "говорить", но др.-инд. varana "дерево"; др.-инд. gohi "дерево", но и.-е. rek - "говорить".¹

С другой стороны, с "говорить" соотносится и понятие "краски", которой, вероятно, окрашивали вырезанные на дереве знаки: др.-англ. deag "краска", но лат. dicere "говорить"; валл. lliw, брест. liov "цвет, краска", но русск. слово; русск. цвет, но др.-англ. sweap "говорить"; перс. reng "краска, цвет", но и.-е. rek - "говорить"; англ. red "красный", нем. reden "говорить"; и.-е. ei "пестрый", но лат. aio "говорить"; русск. белый, лат. albus "белый", но латыш. balss "голос"; др.-инд. kabara - "краска", но авест. cab-da "звук".²

Таким образом, сравнительное языкознание на многочисленных примерах убедительно доказывает, что индоевропейцы еще во время своего единства вырезали на дереве и окрашивали краской знаки речи, которые были связаны с их верой и жертвоприношениями. Более того — на основании лингвистических данных можно предположить существование у индоевропейцев даже книг: "Рассматривая значение "книга", отметим, что письмена, вырезаемые на дереве, первоначально выступали в качестве колдовских мистических существностей, использовавшихся в процессе сакрального действия. Им приписывалась магическая (целительная или губительная) сила. В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что слова со значением "книга, письмена" соотносятся со словами, имеющими, с одной стороны, значение "дерево", "палка, шест", а с другой стороны — "гнуть, связывать" (отсюда значения "колдовать", "тайна", "чудо"), которые восходят к значениям "резать, вырезать":

а) русск. книга соотносится с греч. "царапать, вырезать", в связи с чем понятны др. — англ. knagge "палка, шест", нидерл. honk, hunk "шест, свая"; ...англ. диал. gnesk "зарубка", ... др. - сев. kynngi "способность колдовать"...

б) лат. liber "книга" обычно связывается с названием дуба, на котором изображались письмена; следует, однако, учесть, и другие связи, которые обычно игнорируются: ср. лат. liber "книга", но labor "усилие, труд" (в частности, во время культового действия); и.-е. labh - "схватить" ("гнуть пальцы"), литов. liepsna "пламя" ("то, что гнется"), англ. диал. lib "резать"...

в) следует учитывать, что первые "книги" представляли собой свертки коры, в связи с чем весьма показательно соотношение значений "книга" и "гнуть"; др.-инд. pustakam "книга", которое можно сопоставит с... перс. post "кора, кожа".³

Не только лингвисты, но и часть археологов считают, что у индоевропейцев была письменность: *"Неолитические традиции, отчетливо выразившиеся в культурах периода средней бронзы (вторая половина II тысячелетия до н.э.), когда индоевропейские языки уже не только существовали, но кое-где имели письменность, говорят о том, что культуры, а на верное, и эти общности времен неолита не исчезли бесследно. Они в той или иной степени участвовали в сложении современных народов."*⁴

Отголоском легенды о происхождении брахми, созданной богом Брахмой, возможно является представление о "богоданности" русской письменности, которой в Корсуне от русского научился Кирилл, распространенное среди книжников. Если это так, то это второе (хоть и косвенное) доказательства общего происхождения русской и индийской письменности. Еще одним косвенным доказательством являются данные о материалах, использовавшихся в древней Индии для письма. Касаясь письменности брахми Р. Шарма, один из крупнейших специалистов по этому периоду в Индии, отмечает: *"Хорошо известно, что жалованные грамоты - это исключительно эпиграфические свидетельства, выгравированные на камне или медных пластинах. Хотя в дхармашастрах (сборниках законов -М.Л.) гуптской эпохи содержатся данные о том, что грамоты писались и на недолговечном материале, включая ткани и березовую кору, до наших дней такие грамоты не дошли."*⁵ Это — достаточно важное свидетельство. С одной стороны, слово "береза" индоевропейского происхождения, что свидетельствует о том, что это дерево росло на территории их прародины. С другой стороны, в Индии береза не растет и ареал ее распространения находится за ее границами (рис.15) В природных и климатических условиях Индийского полуострова гораздо более удобно использовать для письма пальмовые листья или иной подручных материал, но никак не березу. Использование березовой коры в качестве материала для письма можно объяснить как память о прародине, как сохранение традиции с которой арии пришли в Индию. Возникновение ее на местной почве абсолютно исключено — ведь кору необходимо было завозить откуда-то извне. Следовательно, логично предположить, что арии пришли в Индию уже обладая письменностью на бересте и на новом месте какое-то время продолжали обычаи своей прародины.

Показательно, что и крупные ученые, изучающие правда не письменность, а историю индийской религии, независимо от этих данных на своем материале пришли почти к аналогичным выводам: *"Небезынтересен тот факт, что арии, придя в Индию, использовали бересту, очевидно, сначала как материал для изображения магических знаков или, возможно, изображений богов, а в более поздние века*

¹ Там же, с.165.

² Там же, с.201.

³ Там же, с.357.

⁴ Очерки по археологии Белоруссии, ч.1, Минск, 1970, с.102.

⁵ Шарма Р.Ш. Древнеиндийское общество, М., 1987, с.474.

береста была использована в Кашмире для записи "веды ведовства", то есть "Атхарваведы"¹. От магических знаков до письменности один шаг — в этом нас наглядно убеждает пример скандинавских рунов.

Рис.15. Ареал распространения березы.

Однако, приводимый в этой главе материал склоняет нас к мысли, что к моменту прихода в Индию арии уже располагали готовой письменностью, сложившейся в индоевропейский период и использовавший бересту как материал для письма. Косвенно это подтверждается тем, что Атхарва-веда — одна из четырех священных книг Ариев, уступающая по авторитетности только Ригведе — была много позднее записана на коре березы, которая, как указывалось, в самой Индии не растет. Использование же бересты для записи текстов высшей сакральности (а выбор ее в качестве материала для письма не мог быть случаен, поскольку кору необходимо было ввозить извне) предполагает определенную традицию, которая могла возникнуть только тогда, когда предки индийцев жили в ареале распространения березы. Сами грамоты на коре березы в Индии пока не найдены, что и неудивительно при ее влажном и жарком климате, но их существование совершенно четко зафиксировано в дхармашастрах. Одновременно на память приходят знаменитые русские берестяные грамоты, найденные в Новгороде и других наших городах, где они могли сохраниться благодаря умеренному климату. Как известно, Русь — это единственная европейская страна, где для письма использовали бересту. А если так, то это еще одно совпадение, на этот раз в материале для письма, указывающие на общее происхождение брахми и исконной русской письменности. Происхождения, подкрепляемого многочисленными лингвистическими параллелями, в том числе и корнем для обозначения письменности, похожими графическими знаками и общим материалом для письма.

Раз так, то мы вправе предположить и поискать упоминания о письменности в Ригведе — величайшей сокровищнице индоарийской духовной мудрости, хронологически стоящей ближе всех иных памятников ко временам еще не распавшейся индоевропейской общности. Ученые единодушны в том, что опираясь на материальный и духовный мир ведийского ария, мы с наибольшей степенью приближенности можем реконструировать образ жизни человека и общества времен индоевропейского единства. самого слова "письмо" в Ригведе нет, но существуют многочисленные намеки в пользу того, что создатели гимнов были с ним уже знакомы. В первую очередь, обращает на себя внимание индийская традиция тщательного засекречивания священного знания (RV 1, 164,45):

На четыре четверти размерена речь.
Их знают брахманы, которые мудры.
Три тайно сложенные (четверти) они не пускают в ход.
На четвертой (четверти) говорят люди.

Итак, прямо говорится что посвященные жрецы обладают 3/4 священной речи и, в более широком смысле, знания, недоступного простым людям. Почему бы не предположить, что первоначально и письменность не входила в эти тщательно скрываемые три четверти? Тем более, что у индоевропейцев письменность первоначально использовалась в сакральных целях, в частности, для гадания.

Затем, в Ригведе неоднократно употребляется термин "знак", причем в самых разнообразных контекстах. В гимне к Ашвинам (RV 1, 182, 1) говорится о возникновении знака, в другом (1, 24, 12) он "явлен из сердца", в третьем, посвященном богу Солнца Сурье (1, 50, 3) знаки отождествляются с его лучами:

¹ Гусева Н.Р. Индуизм., М., 1977, с.58.

Далеко стали видны его знаки -
Лучи среди людей,
Сверкающие как огни.

В четвертом гимне (РВ 1,92, 2) говорится о том, что зори создали свои знаки, причем это утверждение встречается в Ригведе неоднократно. Не исключено, что в ряде случаев это слово употреблялось ведийскими ришами в значении "знак письменности". В пользу такого предположения свидетельствует отрывок из гимна Митре-Варуне (РВ 1, 152, 6):

Дойные коровы, помогавшие (некогда) Маматее,
У того же вымени насытили любителя священного слова.
Пусть стремится приобщиться к питанию тот, кто знает вехи.

Причем в примечании Т. Елизаренкова отмечает, что в оригинале в этом гимне вместо слова "вехи" стоит "знаки", помогающие постичь тайну сакральной речи.¹ Какие еще знаки, кроме знаков письменности, могли помочь ищущему познать священные тайны? Наконец, совершенно бесценное для нас свидетельство содержится в обращенном к Индре гимне (РВ II, 11,6):

Я хочу прославить пару буланых коней — знаки солнца.²

Одна эта фраза неопровержимо доказывает, что в сознании ведийских риши ко времени создания этого гимна произошла грандиозная интеллектуальная революция: они поняли, что одно понятие можно передавать через изображение другого. Без подобного интеллектуального переворота создание письменности вообще немыслимо. Эта строчка гимна свидетельствует, что необходимый барьер был уже преодолен и ведийское общество по уровню развития своего сознания было уже готово к изобретению и использованию письменности во времена Ригведы.

В гимне "Ко Всем- Богам" (РВ, III, 55,1) есть еще одно интересное место:

Когда прежние Ушас зажигались,
Великое слово зародилось в следе коровы.

Ушас — это богиня утренней зари и выше отмечалось, что она создала свои знаки. Выражение "прежние Ушас" указывает на то, что описываемое событие произошло когда-то раньше, в стародавние времена. Касаясь второй строки Т. Елизаренкова пишет, что термин "слово" может еще переводиться и как "слог" и в целом в этом отрывке говорится о возникновении Священной Речи, которую древние риши некогда "нашли" на месте жертвоприношения (= "в следе коровы")³. В этой связи нелишне вспомнить, что письменность брахми была именно слоговой, а в скандинавской мифологии, также отразившей целый пласт архаических индоевропейских представлений, бог Один обретает руны — священные знаки письменности — только путем принесения в жертву самого себя. Вот как он сам говорит об этом в "Речах Высокого":

Знаю, висел Я
в ветвях на ветру
девять долгих ночей
пронзенный копьем,
посвященный Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых.
Никто не поил меня,
никто не питал,
взирал я на землю,
поднял я руны,
стена их поднял
и с дерева рухнул.

Только ценой такого добровольного мученичества сам бог мог получить "сильнейшие знаки, крепчайшие знаки", использовавшиеся для гадания и письменности.

Что же касается мифологии ведийских Ариев, то корова в ней имела множество значений, подчас

¹ Ригведа, М., 1989. с.638.

² Ригведа, М., 1989. с.247.

³ Там же.

самых невероятных. Коровы — это и космический закон (РВ I, 73, 6 и I, 144, 2) и богатство (I, 121, 2), и символ священного знания и мудрости (I, 152, 6), и уже встречавшаяся нам в связи со знаками богиня утренней зари Ушас (IV, 5, 9). В этом же гимне (IV, 5, 3) тайное слово речь вновь называется следом коровы:

Знающий тайное (слово), подобно следу коровы,
огнь Агни открыл мне могучий напев (и) поэтическое вдохновение.

Исходя из всего этого, можно предположить, что создатели Ригведы рассматривали слог или письмо как находящееся в следе космического закона, знания и мудрости, его материальный отпечаток. Представление о том, что каждый письменный знак является священным и олицетворяет мистическую силу жизни и света было свойственно и некоторым другим народам.

Есть и еще ряд особенностей, связанных с тем, что творцы Ригведы представляли себе слова как нечто материальное и рукотворное, позволяющих думать, что они уже были знакомы с письменностью. Мысленные аналогии со славянскими чертами и резами вызывают индийские "священные слова, высеченные в сердце" (I, 67, 2-4), высоко удерживаемая "светлоокрашенная молитва" (I, 144, 1), "выточенная сердцем (и) мыслью" хвала Марутам (I, 171, 2), вытесанные Аю слова для нового гимна (II, 31, 7). Все эти обороты вызывают ассоциацию с вырезаемыми или высекаемыми письменными знаками, которыми и составлялись священные гимны. Подобные предположения превращаются почти в уверенность при ознакомлении с посвященном Индре гимне (РВ III, 38, 1), автор которого так говорит о своем замысле:

Как плотник, я задумал поэтическое произведение...
Какаясь (вещей) излюбленных, отдаленных,
Хочу, чтобы поэты (их) увидели, я мудрый.¹

Поэт хочет, чтобы его коллеги увидели (а не услышали!) созданные им стихи. Но в отличие от устного творчества, которое можно слушать, увидеть можно только записанное произведение.

В одном месте (РВ VII, 87, 4) бог Варуна говорит о "знаках" (этот санскритский термин обозначал одновременно и слово "след") имен как о величайшей тайне: "Кто ведает знак (имен), пусть произносит их как сокровенные..." "Следовательно, знаки произносились. В другом гимне (РВ VII, 100, 5) певец особо подчеркивает, что он "понимает (тайные) знаки". Кроме того, прямым доказательством знакомства Ариев с письменностью является гимн Познания (X, 71, 2), где о мудрецах сказано так: "Их священный знак нанесен на Речь."² Итак, в РВ знаки напрямую связывались с произнесенным словом (именем, Речью), что однозначно указывает на то, что это были знаки письменности. К этому чрезвычайно важному моменту следует прибавить еще одно соображение: брахманы, жрецы изобретшего письменность бога Брахмы, начинали свой путь в качестве одной из семнадцати категорий жрецов ведийского периода, но в конце концов смогли обойти и частично вытеснить своих "конкурентов" и добиться того, что все категории индийских жрецов стали называться брахманами. Быть может, это было связано с тем, что почитатели Брахмы обладали монополией на письменность, что и определило их идейную победу?

Но даже если будет установлено, что индоевропейцы до своего расселения обладали письменностью, то неизбежно встает вопрос, почему же до сих пор не обнаружены ее материальные следы, а существование ее доказывается на основании косвенных данных? Применительно к Индии дело частично можно объяснить тем, что записанные на бересте грамоты погибли с течением времени от воздействия климата, применительно к Руси и, возможно, другим индоевропейским странам — тем, что помимо недолговечности материала отдельные находившиеся странные надписи никто не соотносил с брахми и о них быстро забывали, считая непонятными и не поддающимися расшифровке курьезом.

Однако, главная причина почти полного отсутствия находок первописьменности, на мой взгляд, лежит в другом. Письменность, как сакральное явление, была тщательно засекречена и доступна крайне узкому кругу жрецов-посвященных, чем объясняется ничтожный объем сделанных ими записей и крайне малую возможность обнаружения их археологическим путем. В Древней Индии главный упор делался не на письмо, а на устную речь, передаваемую из уст в уста как божественное откровение. Все ведийские тексты назывались "шрути" — буквально "то, что было услышано". В результате огромный объем той же Ригведы изустно передавался из поколения в поколение начиная со II тысячелетия до н. э. вплоть до наших дней, а упоминания о ее первой записи датируются лишь XI веком нашего столетия.

Подобный упор на устное слово был не только индийской, но общеиндоевропейской традицией, идущей, по всей видимости, со времен их единства. Юлий Цезарь (VI, 14) так описывает обычаи живших на другом конце индоевропейского мира кельтских жрецов-друидов: "Друиды обыкновенно не принимают участия в войне и не платят податей наравне с другими (они вообще свободны от военной службы и от всех других повинностей). Вследствие таких преимуществ многие отчасти сами поступают к ним в науку, отчасти их посылают родители и родственники. Итак, говорят, они учат наизусть множество

¹ Ригведа, М., 1989, с. 329.

² Ригведа. Избранные гимны, М., 1972, с. 246.

стихов, и поэтому некоторые остаются в школе друидов по двадцать лет. Они считают даже грехом записывать эти стихи, между тем как почти во всех других случаях, именно в общественных и частных записях, они пользуются греческим алфавитом. Мне кажется, такой порядок заведен у них по двум причинам: друиды не желают, чтобы их учение делалось общедоступным и чтобы их воспитанники, слишком полагаясь на запись, обращали меньше внимания на укрепление памяти; да и действительно со многими людьми бывает, что они, находя себе опору в записи, с меньшей старательностью учат наизусть и запоминают прочитанное. Больше всего стараются друиды укрепить убеждение в бессмертии души: душа, по их учению, переходит по смерти одного тела в другое; они думают, что эта вера устраняет страх смерти и тем возбуждает храбрость. Кроме того, они много говорят своим молодым ученикам о светилах и их движении, о величии мира и земли, о природе и о могуществе и власти бессмертных богов."¹ Объем передаваемой друидами информации, как видно из этого перечисления, был огромный и одно это делает возможным предположение, что они были записаны. Другие античные авторы отмечали, что у друидов были какие-то "книги Ферилта", содержащие в себе сокровенную мудрость и написанные до великой катастрофы. Все это позволяет предположить, что у индоевропейцев и до, и после распада их общности существовавшая письменность была достоянием даже не всех жрецов, а наиболее узкой и посвященной их части и, по перечисленным Ю. Цезарем причинам, хранилась в строжайшей тайне от всех остальных. Основная масса рядовых жрецов и остальных общинников специально ориентировалась исключительно на использование устного слова. Узкая замкнутая группа знающих вполне могла обеспечить сохранность и непрерывность письменной традиции при ее полной засекреченности от основной части народа.

Засекреченность эта рано или поздно прекращалась, и тогда изумленному миру являлась в уже сложившемся виде "внезапно" возникшая письменность, либо в результате войн, эпидемий и других природных катаклизмов она исчезала практически бесследно вместе с узким слоем ее носителей. Все это заставляет более внимательно присмотреться к личности индийского императора Ашоки, при котором в III веке до н. э. внезапно на свет божий появляется брахми. Внук объединителя Индии Чандрагупты он стремился стать достойным продолжателем своего великого деда и сначала искренне полагал, что только с помощью войны можно прославить и обессмертить свое имя. Для этого Ашока сам возглавляет поход против соседнего царства Калинги. В произошедшей битве было убито множество людей (эдикты Ашоки говорят о 100 тысячах убитых, более скромная современная наука называет цифру в 7 тысяч) и еще больше умерло потом от ран и болезней. Вид поля боя с тысячами мертвых и умирающих настолько потряс императора, что он навсегда отказался от войны и посвятил свою жизнь распространению буддизма и наукам. Предание гласит, что ужасы войны произвели на Ашоку такое сильное впечатление, что он решил сделать все от него зависящее, чтобы человек никогда не смог использовать свой ум и свои знания для уничтожения себе подобных. Для осуществления этой благородной цели Ашока основал одну из самых тайных организаций на Земле — Общество Девяти Неизвестных — для засекречивания "опасных" знаний, в частности о средствах уничтожения. По мнению некоторых европейцев, Общество это существовало в Индии еще в XIX веке. Можно предположить, что засекречивая опасные для жизни людей знания, Ашока одновременно рассекречивал полезные, способствующие их развитию. К числу последних определенно может быть отнесена письменность и, таким образом, внезапное появление брахми в сложившемся виде, безо всяких видимых следов предшествующего развития, при Ашоке далеко не случайно. Наука письма — это одно из величайших благ человечества и в Древней Индии, это понимали не хуже нас. Аналогичный процесс происходил и в Древней Руси, но как звали славянского Ашоку, рассекретившего для наших далеких предков древнейшие индоевропейские письмена и приобщившего их ко благу письменного слова, мы, к сожалению, не знаем. Бесспорно лишь одно — письменность это на Руси была, что и доказывается приведенной эль-Недимом надписью.

¹ Цезарь Г. Ю. Записки о Галльской войне, М., 1991, с. 112.

Глава 5

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

Я великолепно понимал, что несмотря на многочисленные убедительные доказательства в пользу предложенного перевода, изложенные выше, обязательно найдутся гиперскептики, которые будут утверждать, что все совпадения носят случайный характер, что этого не может быть в принципе и что перевод исконной русской письменности с помощью индийского брахми абсолютно невозможен. Отчасти подобный протест психологически будет основываться на огромном расстоянии меду Древней Русью и Индией. Однако, при протяженности миграций индоевропейцев удаленность двух стран друг от друга не может являться опровергающим фактором — признаваемые всеми данные лингвистики однозначно свидетельствуют в пользу кровного родства двух народов. В качестве аналога можно привести пример митанийских Ариев, живших на территории современной Сирии и Турции. Царь их в своей клятве, найденной в Богазкее, упоминает индийских богов Митру-Варуну, Индру и Ашвинов и именно эта находка помогла выдающемуся французскому ученому Ж. Дюмезилю сформулировать свою теорию о двух верховных неантагонистических богах индоевропейцев. Расстояние от Турции до Индии примерно такое же, как от Индии до Руси, и если сделанное на территории Турции открытие помогло существенно прояснить ведийскую мифологию, то почему индийское брахми не может способствовать дешифровке древнерусской письменности?

Однако, чтобы убедить самых критичных и придать больший вес сформулированной теории необходимо было найти другие неразгаданные древнерусские надписи, выполненные той же родственной брахми письменностью, что и надпись эль-Недима. К несчастью, у нас нет единого каталога, где были бы собраны все нерасшифрованные и непонятные надписи, найденные на русской территории, и в поисках нужных фактов пришлось перерывать горы литературы, одно перечисление которой могла занять больше места, чем вся настоящая глава. После долгих и безуспешных поисков мне наконец улыбнулась удача: сходные с брахми знаки были процарапаны на некоторых восточных монетах.

Основная часть арабского серебра была найдена на территории Руси и Швеции, отдельные находки были сделаны в Прибалтике и Польше.

Данные о граффити на найденных в Восточной и Северной Европе восточных монетах были сравнительно недавно опубликованы в исследовании ленинградских ученых.¹ Поскольку подавляющее большинство найденных за пределами Руси восточных монет все равно прошло через ее территорию, логично предположить, что значительная часть граффити сделана русскими (процарапанные скандинавами руны обычно легко определяются и переводятся). В первую очередь обращает на себя внимание граффити на монете 38. Это — дирхем Исмаила ибн Ахмада, отчеканенный в 898 г. в Самарканде и зарытый в Витебской области в середине X в. Тем же временем следует датировать и процарапанные на этой монете знаки , встречавшиеся нам уже в надписи эль-Недима: горизонтальная черта означает слог "ра", а знак — слог "на", в сочетании дающих слово "рана". Если перевернуть граффити на дирхеме того же правителя, отчеканенного в 897/898 г. и найденного в Польше в захоронении приблизительно 938 г. (монета 167), то изображенный символ можно разложить на три знака: знакомый нам уже слог "ра", квадрат — графическое обозначение слога "ба" и знак , который можно сопоставить в брахми со знаком (Бюлер, Таблица II)². В изображенной последовательности они означают славянское слово "брат". Большой интерес представляет и монета 119 — сульс, отчеканенный Умайядами в 728/729 г., место обнаружения которого неизвестно. Сделанное на нем граффити имеет форму "кораблика", как и вторая половина надписи эль-Недима. Нижний знак сомнений не вызывает — это

¹ Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах, Л., 1991.

² Buhler G. Indische Paleographie, Stras., 1896.

начальное "у", причем в отличие от скопированной эль-Недимо надписи здесь его графическое воспроизводство в точности совпадает с брахми. Крайне левый знак может быть отождествлен с индийским l-"са" (или "ша"?), первый знак "кораблика" J- со знаком J-"ла" в брахми. Знаки 𑀓 нам уже знакомы по надписи эль-Недима и означают корень "рат", а две черточки или "рожки" над ними в общем контексте можно интерпретировать как мягкий знак. Из-за не очень тщательной прорисовки граффити и отсутствия ее фотографии в книге интерпретация следующего знака несколько затруднена: если это знак 3, то его следует читать как "га", а если это D — то как "дха" (Бюлер, табл. II) Небольшую черточку в конце "кораблика" надлежит переводить как "и" (Корпус, таблица XXVIII)¹. Последняя черта справа сомнений не вызывает — это слог "ра". Определенные трудности вызывает и истолкование длинной горизонтальной черты "кораблика", которая как мне кажется, в сочетании с первым знаком "ла" образует графическое изображение — слога "на". В таком случае все фраза звучит как "Ус/ш?/ла рать на Дирь". Если последнее предположение неверно, то тогда ее следует переводить как "Усла рать Дир". Подобную надпись на монете кто-нибудь из членов семьи или родственников ушедшего в поход дружинника. Трудность выбора между обоими вариантами перевода заключается в том, что наука об исконной древнерусской письменности делает только свои первые шаги и из-за слогового характера еще не все ее особенности ясны (в случаях расхождения обычно приводятся оба варианта) и в данном случае тем, что и то, и другое прочтение не противоречат данным летописи: в 866 г. Аскольд и Дир возглавляют неудачный поход на Константинополь, а в 882 г. поход против них совершает Олег, закончившийся их убийством и захватом Киева. Показательно, что это граффити авторы книги сочли искаженной арабской надписью, прочесть которую, как они заявили, не представляется возможным. Это вновь показывает как из-за незнания отбрасывались или необоснованно причислялись к другим письменностям памятники древнейшего русского письма, способные, в некоторых случаях, пролить свет на начальный период нашей истории.

Граффити 𑀓 на найденном в СССР динаре Аббасидов 786/787 г. (монета 138) напоминает заглавный знак в надписи эль-Недима и может быть переведено как "дар" или "дарю". Любопытно и изображение 𑀓, процарапанное на монете 227 (дирхем Аббасидов 764/765 г., оказавшийся в Швеции примерно к 841 г.) Авторы интерпретируют его как магическую рунную формулу is — "лед", но точно также это можно перевести и как р.т. — "рота" — известное по летописям древнерусское обозначение клятвы и мирового порядка. Вообще я не могу согласиться с тем, что авторы сборника трактуют любое Т-образное граффити как "схематическое изображение молота Тора". На некоторых монетах молот процарапан совершенно четко без всякого схематизма, а сводить к нему любой Т-образный знак мне представляется неправомерным. На дирхеме Умайядов (мон. 158), отчеканенном в 740/741 г. и захороненном на территории Польши не ранее 938 г., нанесен знак 𑀓. Верхние две черты означают звук "у" (Корпус, табл. XXVIII), а 3 слог "га" (там же), что дает нам слова "уга". Это то, что могут дать нам граффити на восточных монетах.

Сам этот факт обнаружения знаков исконной русской письменности, процарапанных на арабских монетах, навел меня на мысль поискать их и на древнерусских монетах. Естественно, что после принятия христианства, кириллица повсеместно вводилась официально, но отдельные древние знаки могла в редких случаях вкрапываться в новый алфавит по старой привычке, даже в официальных надписях. Обычно на первых русских монетах надпись гласила "Владимир (Ярослав, Святополк или другой князь) на столе, а се его серебро (или золото)", а на обороте изображался Иисус Христос с соответствующей надписью. И вот в великолепном сборнике И. Толстого² мы видим, что на нескольких первых русских монетах (табл. 1, а монеты 5 и 7) буква "и" в слове Владимир (рис. 16) обозначается знаком 𑀓 — то есть в точь, как и в брахми (Корпус, табл. XXVIII). Это не могла быть искаженной или полустертой буквой Н, обозначающей тогда в кириллице звук "и", поскольку, как это видно на других монетах, писалась она вровень с остальными буквами, а здесь две маленькие вертикальные черточки едва доходят до середины остальных букв. Нумизматы еще в прошлом веке обратили внимание еще на одну особенность первых русских монет, отчеканенных вскоре после принятия христианства: "Здесь можно отметить то обстоятельство, что на всех Киевских серебряниках (князя Владимира) имя Спасителя изображено сокращенно (Исус или Исус) и на всех почти экземплярах с полным именем Иисуса Христа на оборотной стороне первая буква этого имени имеет вид 𑀓 или 𑀓. Это явление трудно объяснить простой случайностью."³ Авторы предполагают, что этот странный знак произошел от сокращенной монограммы первых двух букв святого имени, первоначально выглядевшей как 𑀓. Подобная гипотеза выглядит несколько сомнительно, поскольку только что крещенные Русы вряд ли рискнули пуститься в нововведения по поводу написания имени Божия, что могла граничить с впадением в ересь, да еще по такому важному вопросу. Вспомним, что через полтысячи лет спор о том, писать ли имя Иисус с одним или двумя "и" стал одной из причин великого раскола в православной церкви. К тому же, такое монограммное написание первых двух букв имени Бога нигде больше не зафиксировано на Руси в раннем средневековье. С другой стороны, на-

¹ *Corpus Inscriptionum Indicarum, vol 1. Inscriptions of Asoka, Calcutta, 1877.*

² Толстой И. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского, СПб., 1882.

³ Леопардов Н. Чернов Н. Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках, вып. 3-4., Киев, 1891, с.8.

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

О НАПИСИ НА МОНЕТАХ ВЛАДИМИРА

Рис.16. Монеты Владимира.

писанные буквы "и" как трех вертикальных черт на монетах Владимира находят полную аналогию во втором знаке разобранной выше надписи эль-Недима, имеющем то же значение. Исходя из этого, можно заключить, что первые русские чеканщики при составлении надписи на монетах использовали один знак из древней системы письменности, причем явление это носило довольно массовый характер.

Известно, что страны, принимавшие христианство из рук Византии, рисковали попасть в определенную политическую зависимость от нее. Не менее хорошо известно, как Владимир стремился избежать подобного поворота событий. Чтобы добиться равного статуса с наследниками великой Римской империи, он совершает поход на Корсунь, закончившийся взятием этого города, и силой вынуждает византийских императоров отдать ему в жены свою сестру, признавших тем самым, де-факто, Владимира равным себе. В этом общем контексте политики Владимира и следует рассматривать непонятную надпись на его монете, найденной в кургане у с. Митьковки. Сам курган датируется примерно первой половиной XI в. и в нем археологами было найдено 8 восточных монет и 13 русских сребренников, на первых восьми из которых отчеканено имя Владимира Святославовича.¹ На пятой монете имеется нерасшифрованная исследователями надпись 𐌹𐌺𐌳𐌰𐌹𐌸 , которая поддается переводу с помощью брахми. Первый знак 𐌹 - это слог "ка" - (алфавит брахми у Истрина, Бюлер, табл II), треугольник - это звук "е", а последний знак 𐌸 - это слог "са" (Бюлер, табл I., Корпус, табл. XXVII). Само слово тогда переводится как "кес/арь/", из которого следует, что Владимир самочинно присвоил себе императорский титул, приказав выбить его на монете со своим именем. Использование для этой цели кириллицы, которую могли читать греки, могло обернуться дипломатическим скандалом, ибо византийские императоры весьма ревниво оберегали свой высокий титул, и поэтому князь использовал исконную русскую письменность, непонятную византийцам. Монета, таким образом, предназначалась для внутреннего употребления, показывая тем его подданным, кто был способен понимать древнюю письменность, что их князь обладает равным величием и равной знатностью с самими византийскими императорами, что безусловно усиливало власть и авторитет Владимира.

Чтобы завершить нумизматическую тему, следует рассказать об одной удивительной находке, совершить которую я меньше всего ожидал. Еще в прошлом веке в Твери найдена и отдана в местный музей редкая монета (рис. 17), датируемая примерно XIV веком и описанная А.К. Жизневским.² С первого взгляда мне в глаза бросился знакомый уже по надписи эль-Недима знак "бха" - Бог. Это было абсолютно невероятно: вновь встретить исконную русскую письменность на тверской монете времен татаро-монгольского ига, а это доказывало, что она использовалась, хоть и очень редко, вплоть до XIV века. Фантастика! А я то полагал, что эта письменность безвозвратно исчезает вскоре после принятия христианства. Однако эта и еще две находки о которых речь пойдет ниже с очевидностью свидетельствовали об обратном. Чтобы личше осознать значение этой монеты, следует вспомнить, что в Индии до сих пор не найдено ни одной монеты с надписью на Брахми. Все это делает еще более уникальным тверскую находку. Единственный знак на верхней строчке 𐌹𐌺𐌳𐌰𐌹𐌸 можно интерпретировать как знак 𐌹 - "ма" (Бюлер, табл. II), а первый знак на второй строчке 𐌹𐌺𐌳𐌰𐌹𐌸 можно сопоставить со знаком 𐌹𐌺𐌳𐌰𐌹𐌸 "не" (Корпус, табл. XXVIII). Следующий за ним сложный знак легко разделяется на два слога: уже упоминавшийся 𐌹𐌺𐌳𐌰𐌹𐌸 "бха- бог", причем следует отметить что его написание на монете в точности совпадает с брахми в отличие от надписи у эль-Недима, что подтверждает мысль о ее искаженном написании у арабского автора по сравнению с русским оригиналом, и второй знак 𐌹𐌺𐌳𐌰𐌹𐌸 , совпадающий со специфичным и достаточно редким знаком брахми 𐌹𐌺𐌳𐌰𐌹𐌸 , обозначающий слог "со" (Бюлер, табл. II).

¹ Мец Н.Д. Сребренники из с. Митьковки. - СА, 1960., №1, с.210.

² Труды московского нумизматического общества, 1 полутом, М., 1893.

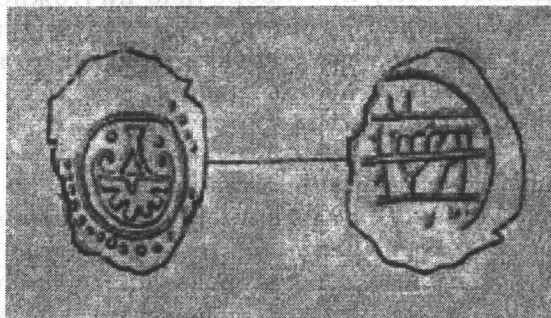

Рис.17. Тверская монета.

Что касается третьей строчки, то некоторые исследователи, в том числе и Жизневский, трактуют ее как написанное справа налево слово "пул", что действительно встречалось на некоторых средневековых монетах. Против этого говорит изображение первого знака слева, более похожее на единицу, чем букву "л". Не отрицая в принципе возможности, что здесь перед нами действительно находится написанное задом наперед слово "пул", я хотел бы отметить, что знаки третьей строчки можно интерпретировать и с помощью брахми: 1 - это звук "а" (Корпус, табл. XXVIII), У соответствует знаку У - "я" в брахми (Бюлер, табл. I), а знак Л - знаку П - "го" (Бюлер, табл. II). Знаки на четвертой строчке, к сожалению, полностью стерлись и не поддаются прочтению. Таким образом, таинственную надпись на средневековой тверской монете можно перевести как " моне/та/богосо/хр/а/н/я/емо/го..." (или возможно, богоспасаемого) и дальше, по всей видимости, шло название града. Следует отметить, что в словаре Срезневского зафиксированы оба варианта: и "богосъпасае мый" и "богохранимый" ¹, а в подтверждение того, что подобный эпитет прилагался к отдельным городам или княжествам можно привести хотя бы послание митрополита Фотия псковичам 1416 г., в котором есть такой оборот: " Въ богоспасаемъи державѣ Псковьской." ² Вообще же, неожиданное появление знаков древнейшей русской письменности на тверской монете XIV в., можно считать подобной самому настоящему чуду, и трудно назвать причину побудившую чеканщиков ее использовать. Тем не менее, эта удивительная находка убедительно свидетельствует, что еще во времена татаро-монгольского ига на Руси были люди, знавшие и умевшие использовать исконную письменность своего народа. Вряд ли мы когда-либо сможем с точностью сказать, сколько их было, но само их бытие в XIV в. неопровержимо подтверждается этой монетой. Невероятно, но факт.

Следующую группу доказательств составляет часть из загадочных знаков, найденных на предметах из района нижнего Дона и Саркела. Население там испокон веков было смешенное, и в этих степях жили не только кочевники хазары, а затем и половцы, но и славяне еще до создания единого древнерусского государства, о чем свидетельствуют некоторые арабские авторы. Во время набегов на Русь, кочевники захватывали и отдельные произведенные славянами предметы, и ремесленников, которых угоняли к себе в степи и заставляли работать на себя. В 60-х годах X в. великий князь Святослав разгромил Хазарский каганат, взяв штурмом его столицу Итиль и построенную под руководством византийских инженеров крепость Саркел на Дону и на несколько веков включил интересующий нас регион в сферу русского влияния, сопровождавшейся и славянской колонизацией края. Подтверждается это и археологическими данными. Вот что констатировал руководитель раскопок: "Из числа находок на (Цымлянском) городище могут быть выделены две группы предметов: одна — более ранних, часть которых сходна с найденными в могильниках салтовского типа, и другая — более поздних, аналогичных с обычным инвентарем русских курганов и городищ." ³ Чуть ниже он вновь отмечает: "Основным типом сделанной на гончарном круге керамики той группы, которая свойственна левобережному и Потайновскому городищам, легко подыскать многочисленные аналоги среди горшков, найденных в русских курганах и городищах XI-XII в." ⁴ Таким образом, вполне правомерно говорить о существовании в раннем средневековье на нижнем Дону русского населения, часть которого могла пользоваться своей исконной письменностью.

Обращают на себя внимание загадочные знаки на кирпичах Цымлянского левобережного городища, вызывавшие интерес у исследователей еще прошлого века. Интриговало и то, что знаки стояли не на всех кирпичах, а лишь на некоторых из них (ученые подсчитали, что 1 знак примерно приходился на 1500 кирпичей). То, что знаки делало местное население, привлеченное специалистами к постройке, не вызывало сомнений ни у кого. Остался вопрос: зачем это делалось и что они обозначали? Большинство занимавшихся ими историков склонно было считать знаки на кирпичах тамгами, которыми мастера метили

¹ Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка, т.1, ч.1 с.136.

² Там же, т. III, ч. II, с. 23.

³ Артамонов М.И. Средневековые поселения на нижнем Дону, Л., 1953, с.15.

⁴ Там же, с.57.

сделанные ими кирпичи. Однако, этому противоречило ничтожно малое число помеченных кирпичей от их общего количества. Наиболее осторожные и вдумчивые историки допускали, что на цымянских кирпичах могли быть не только тамги, но и какие-то надписи, понять которые не представляется возможным. Не претендуя на объяснение всех знаков на цымянских кирпичах, позволю себе заметить, что некоторые из них поддаются объяснению с помощью исконной русской письменности.

В первую очередь обращает на себя внимание (знаки № 48, 49, 50 и 159 по таблице М.И.Артамонова) который, как доказано, был древним родовым знаком Рюриковичей, что еще раз подтверждает наличие русского населения в этом месте и его участие в постройке крепости. Есть на цымянских кирпичах и отдельные знаки встречавшиеся нам прежде: - "pa" (№ 1.2,3,10), - "а" (№ 6.21), - "и" (№ 8), - "ra" (№ 13, 14), - "а" (№ 19), - "у" (№ 24,37,50,111), - "на" (№ 27,29), - "ка" (№ 61) и с - "та" (№ 89,90,92,93,111). При большом желании все это можно было бы объявить случайными совпадениями, если бы не существование нескольких кирпичей с двумя и более знаками, имеющих, если их перевести с помощью брахми, осмысленное значение. Так, в знаке №30 с первый знак обозначает "та", второй - "на" и третий - "и" (Корпус, табл. XXVIII), что превращает причудливый набор знаков в слово "Танаи/с/" - греческое название реки Дона. Вспомним, что поселение, где был найден данный кирпич со знаками, располагалось именно на нижнем Дону и славяне общались с греками уже много веков, помимо того, что постройкой укрепления руководили византийские инженеры, от которых также могли перенять название реки. Можно ли считать это случайным совпадением? Мне представляется, что нет. Знак №65 состоит из двух частей, первая из которых "ка" в совокупности со второй - "га" (Бюлер, табл. II) дает нам слово "кага/н/" — титул, которым обозначал себя повелитель хазар, которому и принадлежали эти земли, и который изредка, как мы знаем из западноевропейских хроник, применяли русские князья. Составной знак №100 при ближайшем рассмотрении тоже распадается на две части - "са" (Бюлер, табл. II) и хорошо нам знакомое с - "та", что по иронии судьбы дают нам числительное "сто". Артамонов, естественно, и не предполагал, что поставив этого знак в своей таблице под сотым номером, он, в некотором смысле, окажется провидцем. Знак № 111 вновь состоит из знакомых символов, переводящихся как "ута".

Что же касается остальных знаков на цымянских кирпичах, не имеющих аналогов в исконной русской письменности, то они действительно могли быть тамгами или надписями хазар или иных тюркоязычных местных жителей. Разумеется, сказывалась многонациональность населения данного места, что не могло не отразиться не только в отмеченных археологами различиях предметов быта, но и в используемых ими знаками. От проанализированных знаков на кирпичах Цымянского городища перейдем теперь к знакам, найденным в развалинах Саркела - Белой Вежи, часть которых, по приведенным выше соображениям, также может считаться русскими.

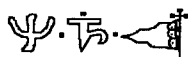
В Саркеле мы вновь наталкиваемся на знак Рюриковичей.¹ На обломках черепков встречаются не поддающиеся прочтению надписи, часть знаков которых сильно напоминают кириллицу. Что это: какие-то переходные формы пракириллицы или хазарская письменность, использовавшая греко-русские буквы? Ответа на этого вопрос еще нет. Наконец, мы находим то, что искали в Белой Веже - на дне одного из сосудов поливной керамики нанесена группа знаков. ²Причем, как отмечают в этом же сборнике археологи, данная керамика сходна с древнерусской и Киев мог быть местом ее производства. Если читать сверху против часовой стрелки, то знаки складываются в слова. Верхний знак - "дха" (Бюлер, табл. I), затем знакомый крест "ка", третий знак - "са" (Бюлер, табл. II), уже многократно встречавшийся знак "на" и черточка "и". Все вместе это дает предложение "д/на/касн/сь/" - пожелание, как нельзя более уместное на дне сосуда с вином! Остается, правда, неясным, сделал ли эту надпись сам мастер, или кто-то из последующих владельцев сосуда.

Более краткую, но зато и более интересную надпись мы встречаем на одном из черепков (табл. XIX) . Первый знак - , это слог "та" (Истрин, Бюлер, табл. II), нижний - "ка" (там же). Читаемые и по горизонтали и углом, знаки дают одно и то же слово - "так". Если это действительно так, то перед нами чрезвычайно важное свидетельство существования переходной (или смешанной) формы от исконной русской письменности к кириллице. Следовательно, в течении какого-то времени оба вида письменности сосуществовали и некоторые русские писцы в своих надписях одновременно использовали знаки из обеих систем. Следовательно, переход на кириллицу произошел не моментально и единовременно, а имел плавный и эволюционный характер. Некоторые основания для подобных предположений давали описанные выше случаи с первыми монетами Владимира, но они носили единичный характер, в то время как найденный черепок придает им дополнительный вес. В таблице XXI интерес представляет знак на черепке. Верхний знак И переводится как слог "ма" (Бюлер, табл. I), нижний - как один из вариантов написания слога "ту" (Бюлер, табл. II), которые вместе составляют слово "мату" - мать. В таблице XXII Трудов приведен комплекс знаков - две горизонтальные черты образуют слог "у" (Корпус, табл. XXVIII), а знак уже знакомый нам слог "да" - "уау".

¹ МИА №75, т. II. Труды Волго-Донской арх. экспедиции, М., 1979, табл. VI.

² Там же, с.292, рис.10.

Следующим местом, где мне удалось найти материал в подтверждение своей теории, была статья Б.А.Рыбакова "Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X-XII вв."¹ В составленной им схеме эволюции родового знака Рюриковичей, бывшего в основе своей двузубцем или трезубцем, из общего ряда достаточно явно выделяются два знака, изображенные здесь слева:

принадлежавший Юрию Владимировичу Долгорукому и личный знак его сына Всеволода Юрьевича, больше известного как Всеволод Большое Гнездо². Первый княжеский знак почти в точности совпадает со знаком брахми - "ю" (лат. транскр. yu), обозначающего как раз тот звук, с которого начиналось имя владимирского князя. Со знаком Всеволода было сложнее, хотя он и более явно походил на индийский. Как уже говорилось выше, три точки (или три вертикальных черточки) означают в брахми звук "и". Но что же находилось в центре? После долгих поисков и тщательного анализа знаков мне удалось найти и ему соответствие Т - слог "ху" (Бюлер, табл. IV) из более позднего слоя брахми. Вместе эти знаки создавали божественную монограмму И.Х. - Иисус Христос! Итак, Всеволод использовал исконную русскую письменность, в основе своей языческую, для обозначения самого почитаемого в христианстве имени в качестве своего личного знака — столь велика была его любовь к Богу.

Подобная черта является несколько неожиданной для Всеволода Большое Гнездо — в гораздо большей степени она подошла его непосредственному предшественнику на княжеском престоле Андрею Боголюбскому, достаточно четко охарактеризованному своим прозвищем. И действительно, прообраз знака Всеволода мы видим на вершине стяга Андрея Боголюбского с тремя шариками на концах креста. Казалось бы, это несложно — окончить крест шариками, но исследовавший 3,5 тыс. изображений древнерусских знамен М.Г.Рабинович отмечает, что подобное на вершине является единственным исключением.³ На наверху иногда изображались знаки Рюриковичей. Следовательно, Андрей осознанно поместил 3 точки, символизирующие "и", на вершине этого стяга.

Сам факт использования знаков древнейшей русской письменности в качестве личных сначала отца, а затем и сыном (причем это был не один знак, который мог механически передаваться по наследству, а два абсолютно разных) напроочь отменяет любое предположение о случайных совпадениях и позволяет говорить об определенной семейной традиции. Поскольку знаки брались не наобум, а с глубоким смыслом и определенным звучанием, мы можем заключить о наличии в XII-XIII веках людей, способных понимать исконную письменность, бывших, что также не исключено, даже на самом вершине средневекового общества — в княжеской семье. Не может не наводить на размышления и тот факт, что три раза исконную письменность используют во Владимиро-Суздальском княжестве, занимавшем окраинное положение. А как известно, и пережитки язычества дольше всего сохранялись именно на окраинах. Вероятно, и исконная письменность дольше всего хранилась в глуши и на окраинах (Владимиرو-Суздальское и Тверское княжества), бывшими таковыми по сравнению с Киевом, в то время как южная Русь в наибольшей степени подверглась воздействию греческой культуры и христианства. Использование древней письменности в XII веке Всеволодом Большое Гнездо косвенным образом подтверждает невероятный сам по себе факт обращения к ней тверичей в XIV в. и свидетельствует о традиции, хоть и достаточно узкой и ограниченной, ее применения в течении нескольких веков после крещения. Окончательно прерывается эта традиция, по всей видимости, во времена татаро-монгольского ига, нанесшего огромный ущерб русской культуре.

В той же статье Рыбакова мне удалось найти еще два аргумента в подтверждении теории об исконной русской письменности, один из которых абсолютно бесспорен, а второй допускает несколько возможных толкований. Начнем со второго. Во второй таблице Рыбакова опубликованы, помимо остального, рисунки древнерусских перстней - печатей. Под номером 25 дается рисунок печатки с перстня, найденном в городище Княжая Гора. С одной стороны, изображение можно истолковать как одну из модификаций родового знака Рюриковичей, но с другой стороны, если к нему применить алфавит брахми, оно дает нам две буквы "д" и "к", которые можно истолковать как инициалы суздальско-владимирского князя Дмитрия Константиновича (1323 - 1383). В той же второй таблице под номером 30 значится перстень с неизвестными знаками. С первого взгляда я понял, что передо мной еще один образец исконной русской письменности: надпись была сделана "корабликом", что характерно для некоторых описанных выше ее памятников, а в центре находился знакомый нам уже знак, обозначающий слог "да". Поскольку все печати предназначены для оттиска, перстень дает нам негативное изображение знаков, которые надо рассматривать справа налево, как бы в зеркале. Таким образом, сама надпись выглядела так. Первый знак я отождествил со знаком "ла" в брахми, который у Истрина изображен J, а у Бюлера (табл. I) как J. Поскольку наука о

¹ СА, VI, 1940.

² Там же, с. 222.

³ Рабинович М.Г. Древнерусские знамена (X-XV вв.) по изображениям на миниатюрах // Новое в археологии, М., 1972, с. 177.

⁴ СА. VI, 1940, с. 237.

древнейшей русской письменности делает только еще первые шаги, у меня возникли определенные трудности с расшифровкой небольшой черточки и полукруга на втором конце первого знака. Полукруг можно идентифицировать со знаком с - "та", а косую черточку - или со знака "а" (тогда она тождественная с последним знаком в слове), или знаком "у". Может быть и существует еще какое-то объяснение, но на нынешнем этапе оно остается для нас неизвестным. Со вторым знаком вопросов не возникало - это однозначно слог "да". После старательного сравнения третий знак я соотнес со знаком 2 - "ан" (Корпус, табл. XXVII) Последний знак был аналогичен знаку 1 - "а" (там же) в брахми, который мог писаться как в одну, так и в другую сторону. Учитывая возможные разночтения, я могу предложить два варианта перевода надписи на перстне. В первом, наиболее вероятном, случае, если спорное место читать как "т" и "а", она гласит: "лета дана". Во втором, если видеть там знак "у", получается слово "лудана" — название загадочного восточнославянского племени у некоторых арабских авторов. Подобные разночтения вполне естественны на первых этапах исследования и позднее, с накоплением фактических данных и наших знаний о грамматике исконной русской письменности, будут преодолены.

Но несмотря на собранный в общем-то немалый материал в подтверждении моей гипотезы, я страстно хотел одного - найти более или менее крупный связный текст на исконной русской письменности. Все найденные до сих пор надписи были более чем лаконичны и состояли из одного - двух, максимум — трех слов. Необходимо было хотя бы одно предложение, призванное окончательно или подтвердить, или опровергнуть предложенную мной расшифровку древней русской письменности с помощью брахми. Как я искал этого текст! Однако, шли месяцы, число просмотренных книг и журналов множилось, но ничего не попадалось. После надписи эль-Недима ни одного предложения так и не встречалось. И вот, когда я уже почти полностью потерял надежду, удача неожиданно мне вновь улыбнулась. В той же статье Рыбакова мимоходом говорилось о каком-то камне с надписью, найденному в прошлом веке неподалеку от Днепра в земле радимичей. Рисунка никакого не было (как я жалел, что до сих пор не создан каталог всех нерасшифрованных надписей!), но зато содержалась сноска на один местный сборник, давно ставший уже библиографической редкостью, откуда Рыбаков и почерпнул информацию об этом камне.¹ Разумеется, я немедленно заказал его в библиотеке и когда получил, сразу же бросился смотреть есть ли там рисунок надписи. Рисунок был, да еще не один, а два (рис. 18 и 19). С первого же взгляда я увидел там знакомые знаки "ча", "да", "ка", "та". Сомнений не было — это была та самая долгожданная надпись на исконной русской письменности, которую я так долго искал! Это была безусловная удача.

Прежде чем перейти к описанию дешифровки надписи, необходимо вкратце изложить историю находки этого замечательного камня, которого, как и многие памятники русской культуры, к несчастью постигла судьба "Слова о полку Игореве". Любое исчезновение источника может зародить сомнения в его подлинности, а скептикам дает возможность говорить о случайной или преднамеренной подделке и фальсификации. Вот почему необходимо самым тщательным образом удостовериться в надежности источника, в подлинности надписи на камне. История его находки такова. В 1873 г. началось строительство каменной церкви в местечке Романове, Горецкого уезда, Могилевской губернии. Поскольку в окрестностях не было камней для фундамента церкви, их привозили из деревни Пневища. Среди прочих камней, доставляемых крестьянами, оказался один с выбитыми странными знаками с двух сторон. Вероятно, и его бы пустили на постройку церкви, не обрати на него внимание князь А.М.Дондуков-Корсаков, владелец здешних мест. Именно ему мы обязаны открытием камня. Будучи большим любителем истории, князь сразу же понял значение находки и распорядился доставить камень с надписью к себе в усадьбу, где снял с его рисунок и оставил нам его описание, благодаря которому память о нем и дошла до наших дней. Этот валун из гранита был высотой в один аршин (71 см), имел плоское основание и был похож на усеченный конус. Знаки, нанесенные, как уже говорилось выше, на нем с двух сторон, были высечены железом, причем на передней стороне между знаками была изображена рыба. Гостивший у князя дворянин Соловцев, живший в Архангельской губернии, сказал, что видел на Мурманском берегу "рунические надписи" и тоже с изображением рыбы, похожие на высеченные на камне знаки. Под влиянием Соловцева, князь начал считать их рунами, хоть в рунических надписях изображение рыбы никогда не встречалось. Князь Дондуков-Корсаков подробно расспросил нашедшего камень крестьянина и выяснил, что тот его выкопал из земли в лесу близ деревни Пневища у ручья Любосвиже, и там же нашел много других камней, но без надписей, которые и свез на постройку церкви. Удалось установить, что первоначально в этом месте был курган из камней примерно 30 м. в длину, 15 м. в ширину и столько же в высоту, на самой вершине которого и стоял камень с надписью. Земля в этом месте была низменная и болотистая и под действием собственной тяжести курган постепенно ушел в них. Поскольку за камни для церкви хорошо платили, ввиду бедности этой местности камнем, крестьянин раскопал весь этот каменный курган, но не нашел там никаких следов могильника. Следовательно, это было не захоронение, а какой-то памятный знак, стелла, поставленная в глубокой древности. Хорошо зная русскую историю по произведениям Карамзина, князь Дондуков-Корсаков связал эту интересную находку с летописным

¹ Полоцко-Витебская старина, вып. III, Витебск. 1916.

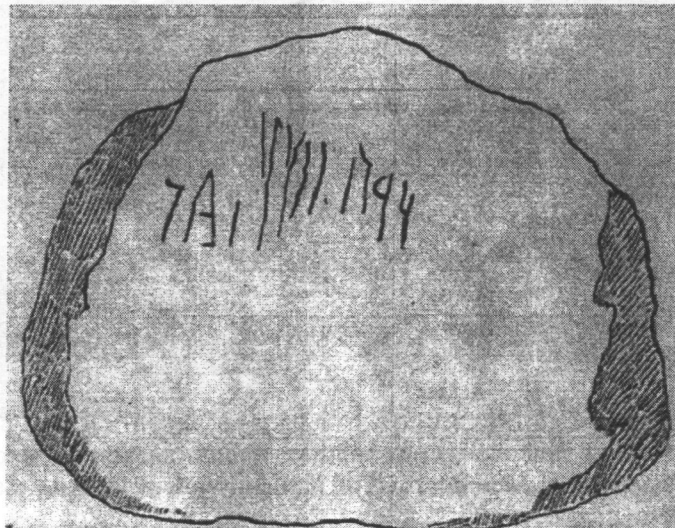
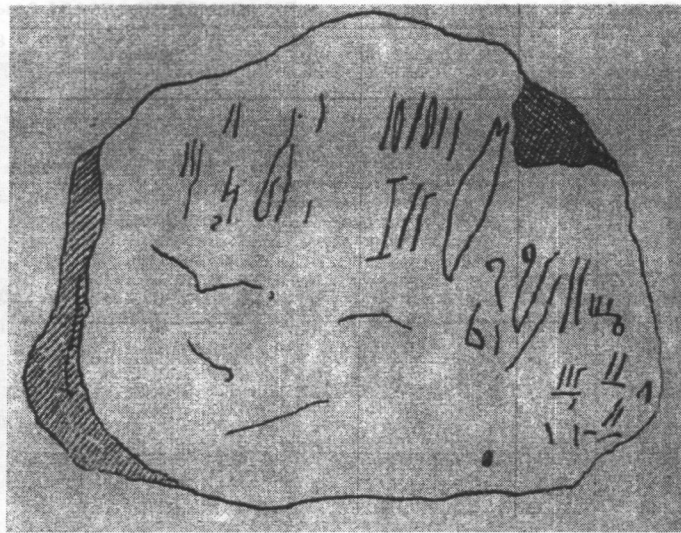

Рис.18. Пневищинский камень по рисунку кн. А.М.Дондукова-Корсакова.

известием от 984 г. о победе воеводы Волчьего Хвоста над радимичами на р. Пещаны, т.е. совсем рядом от этих мест. Будучи не в силах расшифровать надпись, он в общем-то логично предположил, что вероятно Волчий Хвост решил прославить свою победу и воздвиг этого камень в память о ней и как предупреждение побежденным радимичам.

Князь велел перенести камень к себе в усадьбу и хранить в сарае. Вскоре, когда в Смоленске проходил исторический съезд, Дондуков-Корсаков совершенно справедливо считая эту археологическую находку чрезвычайно важной, хотел привезти этот памятник прямо на съезд, но из-за тяжести камня не смог перевести его по железной дороге. Тогда, оставив камень дома, князь один отправился на съезд, и пригласил всех заинтересованных специалистов прибыть к нему в имение и осмотреть находку на месте. Вряд ли он поступил так, будь это подделка. На приглашение откликнулся доктор Г.Ванкель из Моравии, который оставил нам второе описание с рисунком пневищинского камня. Как может заметить сам читатель, оба рисунка отличаются друг от друга, что также свидетельствует против предположения о возможной подделке - сговорись князь и Ванкель о фальсификации, рисунки были бы совершенно одинаковые. Как отмечает Ванкель, надпись на камне видели и другие высокопоставленные лица, что также говорит в пользу ее подлинности. К тому же свидетелями находки была вся деревня и будь это подлог, князь шел на огромный риск, приглашая к себе специалистов - историков, которые в первую очередь могли спросить местных крестьян.

Вернувшись к себе на родину с рисунком надписи на камне, Ванкель начал показывать ее специалистам, которые однозначно заключили, что это не скандинавские руны. Никто из историков не брался за расшифровку надписи, пока Ванкель не показал ее библиотекарю в Ольмюце А.Мюллеру,

многие годы хранилось в семье, пока его не опубликовали в местном сборнике в 1916 г. Однако шедшая первая мировая война была далеко не самым лучшим временем для обнародования подобного открытия и оно вновь, на этот раз у себя на родине, не привлекло к себе должного внимания. Последовавшие революции еще более ухудшили обстановку, и замечательное открытие фактически оказалось забытым. В советское время оно также практически не вспоминалось и, насколько мне известно, единственный раз было упомянуто Рыбаковым, да и то мимоходом, чтобы подвергнуть критике ошибочный перевод, ошибочно приписанный советским ученым Ванкелю, хотя последний четко писал что перевод сделан им, а Мюллером. Самой надписи Рыбаков не привел. Такова судьба пневищинского камня, разделившего скорбную судьбу "Слова о полку Игореве", но в отличие от его , практически не замеченного ни отечественной, ни мировой историографией.

Перейдем теперь к детальному рассмотрению этого уникального памятника исконно русской письменности. Как читатель уже мог заметить, рисунки надписи на камне, сделанные князем Дондуковым- Корсаковым и доктором Г. Ванкелем, в отдельных местах отличаются друг от друга. При том, что они в общем то похоже изобразили один камень, дело доходит до того, что один и тот же знак изображается ими совсем по-разному, а изредка кто-либо из них изображает такие знаки, которые вообще не изобразил другой. Внимательно сличая оба рисунка читатель сам может найти примеры подобных несоответствий. Из этого напрашивается вывод, что надпись на камне, пролежавшего в земле как минимум тысячу лет, местами была достаточно неразборчивой и каждый из исследователей увидел и зарисовал ее по-своему. Следовательно, ни один из рисунков нельзя признать точной копией надписи: князь мог заметить то, что не заметил или неправильно срисовал Ванкель и наоборот. Поэтому при реконструкции и переводе текста мне пришлось долго и кропотливо сличать оба рисунка с алфавитом брахми и получавшимся русским текстом, дабы максимально точно восстановить первоначальный вид надписи. Однако, прежде чем перейти к подробному описанию этого процесса необходимо остановиться на еще одной чрезвычайно важной для истории всей русской письменности детали.

Каким бы веком не датировать пневищинский камень, очевидно одно: надпись на нем была сделана до X в., т.е. принятия христианства и введения кириллицы - ведь в противном случае она была бы сделана именно ей. Но в правой части передней надписи камня мы дважды видим букву Щ, причем в обоих вариантах ее изображение практически совпадает, что указывает на то, что в этом случае никакой ошибки быть не может. Следовательно, буква Щ была известна и использовалась на Руси еще до создания кириллицы. Пневищинский камень является очень серьезным аргументом в пользу высказанной выше гипотезы о том, что по крайней мере часть букв кириллицы, отражающих специфично славянские звуки и не имеющая аналогов в греческом алфавите, являлись знаками древнейшей письменности и употреблялась русскими задолго до принятия христианства. Кирилл, познакомившийся в Корсуне с русскими письменами, вполне мог позаимствовать некоторые из них и включить в состав создаваемого им алфавита для более полной передачи славянской речи. Однозначно мы можем говорить о буквах Щ и Ч (в исконной русской письменности вообще и на пневищинском камне в частности ей соответствовал знак , который легко мог графически эволюционировать в эту букву, причем Ванкель, вольно или невольно, в своем рисунке надписи на задней части камня отразил начавшуюся эволюцию). Если данное предположение верно, то в истории создания кириллицы и славянской письменности вообще неожиданно открывается новые и важные станицы, позволяющие гораздо лучше понять историю возникновения письменности на Руси.

Расшифровку пневищинского камня я начал с надписи на задней его стороне, как наиболее короткой и, в силу этого, более легко поддающейся переводу. Для начала я разместил ее зарисовки у князя Дондукова - Корсакова и Ванкеля одно над другим, чтобы определить в чем они расходятся, а в чем совпадают.

Те знаки, которые совпадали и у князя, и в Ванкеля, я безоговорочно принимал как абсолютно достоверные, точно перерисованные с камня, а в тех случаях, когда в написании знака между ними случались разночтения, я тщательно сравнивал и тот и другой с брахми, их звуковым значением и выбирал одно из двух написаний, не допуская ни малейших вольностей и всегда строго придерживаясь изображения одного из рисунков. В результате удалось реконструировать предполагаемый вид надписи на задней стороне пневищинского камня:

Первый знак надписи мы можем сравнить в брахми со знаком 𑀓 - "в" (Корпус, табл. XXVIII). Второй знак 𑀕 - это, по всей видимости, искаженный знак 𑀕, - "та", хотя в брахми встречается и более близкая ему форма. 𑀕 (там же ; Бюлер, табл. II). Крест - это уже хорошо нам знакомый слог "ка" (князь, как мы видим, в своем рисунке почему-то не воспроизвел его горизонтальную черту). Четвертый знак 𑀕 аналогичен достаточно редкому знаку в брахми 𑀕 - "ну" (Корпус, табл. XXVIII), а следующий знак 𑀕 - знаку "и" (там же). Шестой знак не находит соответствия с брахми, но исходя из общего смысла текста

нами не слово, а какая-то цифра или дата? Трудно однозначно ответить на этот вопрос, по крайней мере сейчас.

Зато нижняя сторона слева полностью поддается переводу. Первый в ней знак I имеет единственную аналогию в брахми - знак I - "на" (Блюер, табл. II), а последний в ней знак J может быть соотнесен со знаком ж - "да" (Блюер, табл. IV). Получившийся набор согласных "н.р.д." можно переводить как слово "народ", и как слово "наряд" — и то, и другое имелось в древнерусском языке. Можно было бы предположить, что перед нами слово "народ", тем более, что забегаая вперед, в правой части надписи последние два знака переводятся как "род". Однако, с подобным предположением не согласуются два обстоятельства: грамматическое (тогда в начале должно было бы стоять на "граду" а "градом" и в надписи должен присутствовать знак "м") и историческое — в летописях тот или иной народ обозначается термином "язык", а русские послы говорят: "Мы от рода /а не от народа/ русского..." Следовательно, на древнейшем этапе вместо слова "народ" использовались его эквиваленты — "род" и "язык". Учитывая эти моменты, я полагаю, что в данном случае перед нами все-таки слово "наряд".

Следующий после "рыбы" знак K можно сравнить с K - "о" (Блюер, табл. III). Знак под ним L - это в брахми знак L - "дха" (Корпус, табл. XXVII; "дхам" у Бюлера, табл. II), а черта рядом - "ра". Идущий за "о" знак U тоже интерпретируется как составной, образованный из двух знаков: о - "тха" (Истрин, Блюер, табл. II) на верху и основного L - "па" (Блюер, табл. II). Идущая далее большая черта вновь может быть отождествлена с "ра". Затем мы снова видим два знакомых по левой половине знака M, которые теперь уже почти однозначно может перевести как "род" (единственно возможный другой перевод "рад" здесь явно не подходит по смыслу). Далее следует знак N, одинаковый, что достаточно редко, в обоих рисунках. Я старательно перебрал все возможные варианты и в конце концов пришел к выводу: вероятней всего что перед нами вновь сложный знак, правда весьма необычный и встречающийся нам впервые — русское Щ и индийский знак O - "ка" (Блюер, табл. II). Но коль это так, то почти все говорит за то, что знак этого означает не слово "Щека", а имя Щек, бывшего (если это только не случайное совпадение имен) братом знаменитого Кия, основавшего в VI-VII веке будущую столицу Древней Руси - Киев! Звучит невероятно, но весь ход размышлений приводит именно к этому. Это — второй огромный по значимости вывод, который следует из использования в надписи на пневищинском камне буквы Щ. Если перед нами действительно Щек — брат Кия, то и камень с надписью, и использование на Руси отдельных букв, позднее вошедших в кириллицу, следует датировать также VI-VII веком.

В рисунке Ванкеля после этого сложного знака крайним справа вновь изображен указанный только что индийский знак "ка". В рисунке Дондукова-Корсакова он отсутствует, но исходя из того, что моравский ученый вряд ли бы по ошибке вновь изобразил тот знак, который он только что зарисовал слитно с буквой Щ и притом рядом, а также исходя из грамматической структуры предложения, я посчитал возможным включить его в реконструированный текст. Уровнем ниже под ними располагаются еще два знака P - "ма" (Блюер, табл. II), встречавшийся нам уже на тверской монете XIV века, и также хорошо известный знак Q - "га" (Истрин, Блюер, там же). Вдвоем они образуют слово "мог" (чтение "маг" слишком невероятное). На самом нижнем уровне был изображен целый ряд знаков, однако из-за слишком существенных расхождений может быть с большей или меньшей степенью надежности реконструирована лишь часть из них. Предпочтительным в этом случае является рисунок Ванкеля, который как профессиональный историк, все же, вероятно, более точно, перерисовал надпись, чем князь, бывший любителем. Слева в нижнем ряду у Ванкеля мы видим знак R в точности соответствующий знаку "у" в надписи эль-Недима. Затем и у князя и у Ванкеля идет буква Щ — практически единственный момент, в чем сходятся их рисунки в этой части надписи. Для нас повторение этой буквы имеет большое значение поскольку доказывает составной характер первой буквы и то, что ее использование в исконной русской письменности носило устойчивый характер, равно как и то, что на камне мы видим именно букву Щ, а не случайное соединение нескольких черт. Напротив ее мы видим описанный выше кружок - "тха", над которым высечено два знака S. Первый - это "ра", второй соответствует знаку T - "та" (Корпус, табл. XXVII). Показательно, что точно такое же изображение мы ранее встречали на одной арабской монете (№227) в качестве граффити. Перевести эти два знака можно и как "рать" и как "рота", причем второе прочтение, исходя из общего смысла текста, более предпочтительно, а если представить первое, то предложение теряет смысл. И последний знак U - "а", присутствующий на обоих рисунках.

Исходя из всего этого, мы можем (за исключением верхней строчки слева и не поддающихся определению знаков внизу) так перевести надпись на передней стороне пневищинского камня: "А граду прави/ть /наряд V Одари теперь род Щека, к/ои /мог ушити/ть/ роту а". Посмотрим, что означали эти слова и насколько соответствуют они древнерусскому языку. В первую очередь бросается в глаза хорошо знакомое слова "наряд". Многие помнят знаменитые слова, произнесенные славянскими послами при признании варягов: "Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. "Так вот, в оригинале, т.е. в Повести Временных Лет, где и записана речь послов, на месте слова "порядок" стоит слово "наряд". В своем словаре Срезневский отмечает, что основными значениями слова "наряд" были "порядок, устройство". Показательно и то, что в целом ряде случаев это понятие в древнерусских источниках

упоминается в связи со словом "город", как и на камне. Например, под 6658 г. в Ипатьевской летописи записано: "И посылаше к нему, розирая (осматривая -М.Л.) нарядъ его /и/ како городъ стоитъ", а под 6696 г. она же сообщает: "Король же въеха в Галичъ, не посади в немъ Володимира, но даде весь нарядъ Галичанам и посади в немъ сына своего Ангрѣя".¹ Отсутствие этого драгоценного наряда могло привести к самым тяжелым последствиям и в Новгородской I летописи по 6662 г. мы читаем: "И възнегодоваша Новгородци, зане не створи имъ наряда."² Похоже, наши далекие предки не мыслили себе жизнь без наряда — порядка и отсутствие его рассматривали как тяжелое бедствие. К несчастью, порядок на Руси, как в старину, так и теперь, очень часто был в дефиците. И надпись на пневищинском камне еще лучше позволяет нам понять какую огромную ценность представлял наряд в глазах людей того времени. В одном случае часть славян искала его за морем и дело кончилось знаменитым призыванием Рюрика, положившего начало созданию древнерусского государства, а в другом — князь специально воздвигает камень с надписью в котором завещает современникам (видать после своей смерти) хранить порядок.

Слово "править" мы также находим в словаре у Срезневского. Так оно имеет следующие значения: управлять, устанавливать, совершать, соблюдать, хранить и исполнять обязательство. В нашем случае слово "прави/ть/" может иметь значение "соблюдать, хранить". В этом смысле слово употребляется в договорной грамоте 1399 г. Василия Дмитриевича: "А сего цѣлованія не сложити, а править...."³ Очень близко к ним по смыслу и значение "исполнять обязательства", причем в качестве источника обязательства указывается именно письменный текст: "А по сеи намъ грамотѣ правити" (договорная грамота Василия Васильевича 1435 г.) и "Узрѣли есмы въ вашихъ докончальныхъ грамотахъ писанные строки, по чему вамъ межи себе жити и правити по крестному цѣлованию" (послание угличского князя Дмитрия Юрьевича 1447 г.).⁴

В правой части надписи привлекает к себе внимание слова "ущитить" и "рота". "Ущити/ть/" кого-либо что - либо - это чрезвычайно редкий архаический оборот, о существовании которого мы в основном знаком благодаря договору 945 г. Игоря с Византией. В этом договоре о вечном мире было записано, что в случае его нарушения русам-христианам грядет месть от бога, а русы - язычники "...да не имуть помощи от бога ни от Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да пощѣчени будут мечи своими..."⁵ Итак, в современном языке слово "ущити/ть/" означает "защитить". Совпадение в этом месте между надписью на пневищинском камне и договором 945 г. Руси с Византией свидетельствует в пользу чрезвычайной древности надписи.

Что касается "роты", то и Срезневский, и все остальные исследователи переводят ее как "клятву". Однако термин "клятва" был великолепно известен древнерусским летописцам и, следовательно, у слова "рота" существовало дополнительно еще какое-то значение, не покрываемое словом "клятва". Будь оба эти понятия абсолютно одинаковыми и равнозначными, то одно из их вскоре неизбежно выпало бы из обихода. Понять истинный смысл русской "роты" нам помогает одно из ключевых понятий древнейшего мифологического мышления индийских Ариев слово "рита" (ṛta). В Индии "рита" была великим всемирным законом, обеспечивающим порядок и само существование космоса, человека и нравственности. В этом своем проявлении он совпал с абсолютной истиной и, в частном значении, с клятвой. Соблюдать закон были обязаны не только люди, но и сами боги, потому что если "рита" не будет исполняться, то вся вселенная погибнет и вновь воцарится хаос. Учитывая и общий смысл, и созвучие обеих слов, я считаю правомерным поставить знак равенства между индийской "ритой" и русской "ротой". В контексте пневищинского камня она могла означать "клятву" или "справедливость".

Понятно, что за ее защиту правая часть надписи прославляла род Щека, но к кому был адресован призывы одарить его (по всей видимости как раз за это славное деяние)? В принципе, призыв мог быть обращен к соплеменникам, чтобы они вечно были благодарны этому роду за защиту справедливости, но скорее всего он был обращен к великим богам, в ведение которых, как это следует из общеевропейской традиции, и находилась эта самая рота-рита, и которые были ее верховными хранителями, гарантами и защитниками.

И еще на одном, последнем, обстоятельстве хотелось бы остановиться. В рисунке князя Дондукова-Корсакова сразу под левой частью надписи расположен горизонтальный знак напоминающий по очертаниям индийский слог — "мру" (Бюлер, табл. I). Поскольку в рисунке Ванкеля этого знак отсутствует, я не рискнул включать его в реконструируемую надпись, но если только князь не ошибся, то это указывает что надпись на камне носит характер своеобразного завещания, высеченного по приказу князя на случай его смерти, чтобы о нем не забывали члены племени радимичей.

Полностью надпись на пневищинском камне гласит: "А граду прави/ть/ нарядъ Одари теперь род Щека, к/ои/ мог ущити/ть/ роту а// Вот княже речъ да/л/." При интерпретации этого послания соплеменникам на наш современный язык мы получаем: "Когда я умру?/граду хранить порядок/вар.:

¹ Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка, т. II, ч. I, с. 326-327.

² Там же, с. 326.

³ Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка, т. II, ч. II, с. 1346.

⁴ Там же, с. 1346.

⁵ ПВЛ, М.-Л., 1950, с. 35

устройство/Щ/Боже?/одари теперь род Щека, который мог защитить справедливость/вар.: клятву/а//
Вот княже речь дал."

Таково его расширительное толкование, которое мы считаем возможным дать. Этому княжескому завету придавалось важное значение, так как для того, чтобы поставить камень с этой надписью в этой бедной, как мы помним из первоначального описания, камнем местности ради этого воздвигается каменный курган высотой в 15 метров, что, естественно, требовало больших физических и материальных затрат. Подобное предприятие могло осуществиться только по воле князя племени или даже союза племен. От одного рода или селения эта затея потребовала бы исключительного напряжения сил, да и вряд ли она была ему нужна. Если предложенная выше датировка верна, то факт сооружения огромного каменного кургана лишь для установки памятной надписи на его вершине свидетельствует о возникновении сильной княжеской власти у радимичей в VI-VII веке. Следовательно, процесс зарождения государственности не был привилегией новгородских словен и полян — с разной скоростью он шел у всех восточнославянских племен.

Обратимся теперь к знаку "рыбы", которая на рисунке Ванкеля более всего напоминает щуку. Этот знак занимает центральное положение на передней стороне камня, разделяя сделанную на нем надпись на две части и безусловно несет важное смысловое значение. Рыба — это весьма распространенный мифологический и психологический образ, который чаще всего использовался для передачи трех основных понятий. Во-первых, рыба могла ассоциироваться с фаллосом и символизировать собой идею плодородия, изобилия, богатства. Во-вторых, рыба могла обозначать основу, на которой держится мир: достаточно вспомнить представление русского и многих других народов, что земля покоится на трех китах. В-третьих, поскольку рыба обитала в глубине вод, она могла символизировать собой некий скрытый, глубинный смысл. Как видим, все три круга понятий, связанных с рыбой, соответствуют расшифрованному тексту. И наряд, и рота обладали в глазах древних славян огромной ценностью как глобальные основы, на которых держалось устройство мира и человеческого общества. Вместе с тем, оба этих понятия не находились на поверхности и были скрыты от человеческого взора, что позволяло ассоциировать их с понятием глубины. Наконец, неуклонное следование наряду и роте должно было принести людям изобилие и богатство.

Кроме того, в русском фольклоре рыба, особенно щука, обладает еще одним, специфическим значением. В знаменитой пушкинской сказке о рыбаке и золотой рыбке эта рыбка приносит жене рыбака богатство и делает ее царицей, пока та в своих требованиях не преступает предел дозволенного. В другой сказке Емеля благодаря волшебной щуке также делается царем. В былинах князь — чародей Волх Всеславьевич мог в небе оборачиваться соколом, на земле — волком, а в воде щукой. Таким образом, в русских сказках и былинах рыба, преимущественно щука, оказывается связанной с идеей царской или княжеской власти. И это специфически русское значение соответствует надписи, представляющей из себя наказ или завет князя, что особо подчеркивается на задней стороне камня. Итак, во всех четырех случаях круг связанной с рыбой символики соотносится с текстом надписи, что подтверждает правильность ее перевода.

Поразительно, но образ рыбы связан еще и с понятием "писать" в различных индоевропейских языках: "Интересно, что слова со значением "писать" часто соотносятся со словами в значении "рыба" (как символ целительной силы воды, а также как фаллический символ; вода также явилась основой при сотворении Вселенной).

1. Лат. *sc-rīb-e-re* "писать", но русск. рыба, кельт. *reb* - ("культовая") игра, русск. ребенок ("потомство, плод сексуальных действий"). ирл. *rhyfedd* "чудесный", *rhyfeddod* "чудо".

2. Русск. *писа́ть*, но и.е. *pes-k* "рыба" (лат. *piscis* "рыба")...

4. Гот. *meījan* "писать", но русск. о-муль (название рыбы)..."¹

Переведенная надпись на пневищинском камне подтверждает еще два соображения. Во-первых, под курганом действительно не было захоронения, как заключили после первоначальных раскопок. Во-вторых, она подтверждает правильность примененного выше определения "княжеская" к исконной русской письменности: на ней писались международные договоры и она фигурирует в Повести Временных лет под эпитетом "Иваново написание"; с ее помощью ранние славянские князья увековечивали свою волю для современников и потомков; позднее на ней русские князья чеканили свои монеты и использовали ее алфавит для создания личных княжеских знаков. С ее же помощью, если вспомним первый рассмотренный нами случай использования исконной русской письменности, составлялись послания к правителям иноземных государств, велась международная переписка. Сфера ее применения достаточно широка и связана в основном с нуждами и потребностями княжеской власти.

Этот перечень можно еще расширить за счет печати великого князя Святослава Игоревича (рис.20). Хочу сразу оговориться, что данная печать и приводимая ниже брактеата не полностью поддаются расшифровке с помощью исконной русской письменности, но, по всей видимости, надписи на них сделаны в основном ей. В обоих случаях причины неполного перевода оговариваются. Сначала рассмотрим историю печати. Она была найдена в Киеве при раскопках в 1912 г. и среди прочих опубликована Н.П.Лихачевым в его сфрагистическом альбоме. Судить о печати мы сможем только на основании ее

¹ Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках, М., 1996, с.61.

изображения там, так как оригинал, к огромному сожалению, был утерян. Если Лихачев, поскольку не смог расшифровать надпись, особого внимания на нее не обратил, то переиздавший печать Янин доказал, что принадлежала она именно Святославу, опираясь на реконструкцию знаков русских князей, предпринятую Рыбаковым. "Два обстоятельства могут быть привлечены к подкреплению высказанной предположительной атрибуции печати. Во-первых, Н.П.Лихачев, работавший с этой буллой и издавший ее, усматривал в ее круговой надписи остатки букв СТАА (не принимая при этом каких-либо попыток определить ее принадлежность). Во-вторых, костяная пластинка с точно таким же знаком была найдена при раскопках в Саркеле в слое X в., что дало основание ее издателю отнести знак на пластинке именно Святославу Игоревичу".¹ Остается добавить, что если это так (а у нас имеются все основания думать таким образом), то перед нами образец тех печатей, которые упоминались в договорах Византии с языческими русскими князьями. Особого внимания ученых это открытие В.Л.Янина не повлекло и единственным (насколько мне известно), кто попробовал перевести надпись на печати был Энговатов. Делал он это с помощью пресловутой глаголицы и в высшей степени странно — произвольно искажая существующие знаки путем пририсовывания к ним кончиков и хвостиков, и добавления совершенно новых знаков. В результате надписи исказилась до неузнаваемости, количество знаков увеличилось с 23 до 40, но зато Энговатов прочел ее "по-глаголически": "Святославъ Игоревич, а се его печать лета 6471 (963 г)".² О неправильности перевода говорит, помимо всего прочего, и дата: интересно, почему Святослав, столь упорно отказывавшийся принять христианство даже по просьбе матери, вдруг начинает использовать христианскую систему летоисчисления в своей личной печати? Перед нами образец того, как не следует переводить древние надписи, произвольно искажая их знаки и подгоняя их под свои концепции.

При внимательном изучении надписи можно установить, что печать, на которой она сделана, относится к позднему периоду княжения Святослава, к героической эпохе его дунайских походов. Выше мы видели, как в результате походов в Болгарию в княжеской администрации сыновей Святослава в Новгороде начинает использоваться кириллица. Подобный же пример культурного влияния мы видим и в печати самого князя: надпись на ней носит синкретический характер и составлена из знаков не одной, а целых трех письменностей, что, естественно, серьезно затрудняет ее расшифровку. Печать Святослава -

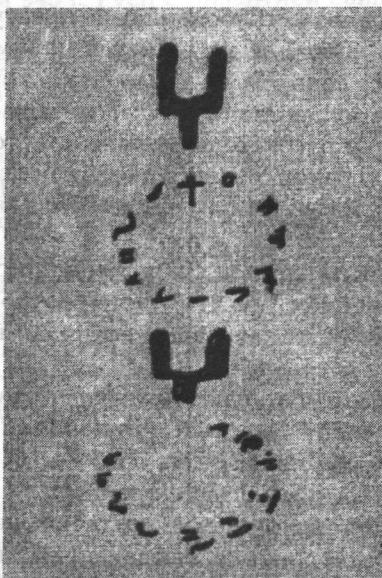

Рис.20. Печать Святослава.

плод начавшегося взаимодействия трех систем письма: исконно русского, кириллицы и нерасшифрованных по сей день болгарских рун. Так, седьмой знак на оборотной стороне, если считать по часовой стрелке, в точности похож на знак №24 на кирпичях Цымлянского городища и очень напоминает болгарскую руну илг³. С учетом всего вышесказанного можно попробовать начать дешифровку.

Крест, первый знак на лицевой стороне печати, может означать как начало надписи, так и слог "ка". Второй знак Лихачев принял за букву кириллицы "с", но при более внимательном рассмотрении кажется, что перед нами все-таки кружок — знакомый нам слог "та". Зато следующий знак, напоминающий букву "п" на брахми как раз и означает слог "са". Четвертый знак сомнений не вызывает — это действительно буква Т кириллицы. Следующий знак также несколько похож на кириллическое "т" и он то и не давал прочесть

¹ Янин В.Л. *Актовые печати Древней Руси, т.1, М., 1970, с.40-41.*

² "Огонек", 1960, №19. с.26.

³ см. СА, XIX, 1954, с.278.

Рис.21. Брактеата.

начало надписи как слово "Святослав", записанное кириллицей. Очевидно, что это не "т", поскольку два "т" подряд в одном слове практически невозможны. Наиболее близкий знак мы встречаем в брахми ṭ — "ла" (Бюлер, табл. III). Шестой знак довольно сложен — в зависимости с какой стороны его рассматривать, его можно интерпретировать и как "у", и как "га", и как "в" (знак > - "в" - Корпус, табл. XVIII). Наиболее вероятны последние два значения. Следующие два знака нам хорошо знакомы — это "ра" и "та". Идущие за ними два знака удовлетворительной расшифровки не поддаются. И, наконец, последние два знака можно интерпретировать как несколько искаженные S- "д" и ṣ - "н" (Корпус, табл. XXVIII). Таким образом, надпись на лицевой стороне печати Святослава выглядит следующим образом: "к/?/то сла/в" или "г"/рт дана". Возможны два варианта перевода: "То Святослав роту ... дан" или "то сла/ послал" или опять же "Святослав /гра/мо/ту... дан".

Первые знаки оборотной стороны нам только что встречались — это слоги "га" и "ра". Третий, "затемненный" знак достаточно сложен для интерпритирования, однако его можно сблизить со достаточно редким знаком брахми ṭ — "тху" (Бюлер, табл. III). Следующий знак хорошо знаком нам с надписи эль-Недима и это звук "и". Пятый знак — черточку с двумя точками — можно сопоставить со знаком ṭ — "нах" (Бюлер, табл. III). Последующие два знака вновь не поддаются интерпретации, восьмой знак может быть и "га" и "у". Девятый знак — это "га", следующий знак ṭ сравним со знаком брахми ṭ — "би" (Бюлер, табл. II). Если последнее предположение верно, то у нас в руках уникальное доказательство еще одного превращения знаков исконной русской письменности в буквы кириллицы, в данном случае в букву Б, также отсутствующую в греческом алфавите и специально введенную Кириллом для славянского языка. И последний знак — это вновь знакомый нам слог "ча". В целом же, вторая половина надписи на печати читается так: "Гра/мо/ту инах...у/?/габича." Последнее слово может быть именем, а может иметь общее происхождение с древнерусским словом "габити" — "притеснять" и в данном контексте обозначать, вероятнее всего "оттиск".

Следующий предмет — брактеата, сделанная из электрума или сплава золота с серебром (рис.21) — нашли в 1817 г. в земле у хутора Туналинда неподалеку от шведского города Упсалы. Описал ее профессор Шредор и, поскольку надпись на брактеате была сделана явно не скандинавскими рунами, о ней забыли до тех пор, пока на нее не обратил внимание Финн Магнусен. Он, а также занимавшийся ей впоследствии А.Сьегрен, совершенно справедливо заключили, что предмет этого явно не шведский, следовательно, привозной, и предположили, что надпись на брактеате выполнена древней русской письменностью. Свою догадку они аргументировали тем, что головной убор на лицевой стороне брактеаты (шлем или шапка из золота, или просто шапка) достаточно точно совпадает с описанием головных уборов у русов, как их описывали арабские авторы. Со своей стороны, в пользу славянского происхождения брактеаты я могу добавить следующие соображения: 1) ряд знаков на ней в точности совпадают с известными нам знаками исконной русской письменности, 2) изображенный на лицевой стороне лебедь занимает особое место в русском фольклоре (Сестра Кия Лыбедь, царевна - лебедь наших сказок, лебеди Ермака у Бажанова), а также был связан с богами полабских славян Радегастом и Свентовитом, являясь их птицей. Поэтому не исключено, что фигура с лебедем на брактеате является изображением славянского языческого бога, за что говорит и материал, из которого она изготовлена; 3) пешая фигура с луком(?) и палицей на оборотной стороне очень походит на аналогичные изображения, генетически восходящие к Гераклу, чрезвычайно широко распространенные в Северном Причерноморье с древнейших времен. Таким образом, с большой долей уверенности мы можем говорить о русском происхождении брактеаты и надписи на ней, хоть нельзя полностью исключать и возможность ее западнославянского происхождения. Первую и, насколько мне известно, единственную попытку перевести эту надпись предпринял Сьегрен. Будучи убежденным норманистом, он, перевернув надпись на брактеате и читая ее слева направо, приложил немало труда,

чтобы превратить ее знаки в скандинавские руны, в результате чего получил следующую фразу: "Игорь имеет (обладает) навсегда". Чем же обладал Игорь, скандинаво- "русские" руны ему так и не открыли. Вновь перевод осуществляется путем огромных натяжек и подрисовок.

Попробуем перевести ее с помощью уже известных нам знаков исконной русской письменности и брахми. Первый знак Ъ соответствует знаку брахми ८ — "ла" (Бюлер, табл. II). Крест — это знакомый нам слог "ка". Следующие две "елочки" не имеют никаких аналогов и расшифровке пока не поддаются. Возможно, эти знаки обозначают имя изображенного на брактеате бога. Следующие два знака нам вновь хорошо знакомы — это "на" и "ра". Седьмой знак пока также остается загадкой. Следующий за ним кружок должен переводиться как "та", но смущает точка над ним и то, что последний знак этой половины надписи также означает "та", но написание его совсем другое. Два последних знака — это слоги "у" и "та".

Первый знак левой половины надписи долгое время не давался мне, пока я не понял, что он сложный и состоит из двух ранее встречавшихся знаков ८ — "у" и И "ма", которые неизвестный автор соединил в один ८. Следующий знак — это вновь "ла", за которым следуют слоги "та" и "да". Пятый знак можно отождествить со знаком ८ — "в", встречавшимся уже на пневищинском камне. Шестой знак вновь комбинированный и, как мне кажется, его можно разложить на слоги "та" и "у". Следующий за ним знак можно отождествить со знаком брахми ८ — "па" (Бюлер, табл. II), за которым вносит следует знак "та". На девятом месте опять стоит загадочная "елочка", крест за ней — "ка", а последний знак — "я". Суммируя все это, надпись на брактеате можно перевести следующим образом: "Лик...на ра. т/?/ута/.../а/мулет дав ту пти/цу?/кая/" Следовательно, рассматриваемая брактеата с богом и лебедем представляла из себя магический амулет. Хотя слово "амулет" латинского происхождения, славяне могли сравнительно рано заимствовать его во время контактов с Византией на юге или с германцами и с франками — на западе.

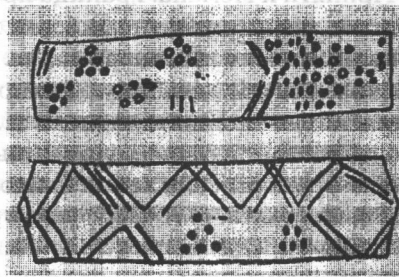
Заканчивая описание и дешифровку памятников исконной русской дохристианской письменности, я позволю себе выразить надежду, что будущее принесет новые открытия этих надписей, часть из которых, возможно, смогут предоставить нам принципиально новую и исключительно важную информацию, способную пролить свет на древнейший, а потому и наименее изученный период русской истории, позволят ответить на многие нерешенные до сих пор вопросы. Если же предложенная мной гипотеза о происхождении исконной русской письменности и брахми из одного источника окажется верна, и будут сделаны соответствующие находки, то это может дать научному миру еще больше: возможность заглянуть в самые глубины общиндоевропейской истории и поможет, наконец, решить вопросы о происхождении и прародине индоевропейцев.

Следующий знак — это вновь "ла", за которым следуют слоги "та" и "да". Пятый знак можно отождествить со знаком ८ — "в", встречавшимся уже на пневищинском камне. Шестой знак вновь комбинированный и, как мне кажется, его можно разложить на слоги "та" и "у". Следующий за ним знак можно отождествить со знаком брахми ८ — "па" (Бюлер, табл. II), за которым вносит следует знак "та". На девятом месте опять стоит загадочная "елочка", крест за ней — "ка", а последний знак — "я". Суммируя все это, надпись на брактеате можно перевести следующим образом: "Лик...на ра. т/?/ута/.../а/мулет дав ту пти/цу?/кая/" Следовательно, рассматриваемая брактеата с богом и лебедем представляла из себя магический амулет. Хотя слово "амулет" латинского происхождения, славяне могли сравнительно рано заимствовать его во время контактов с Византией на юге или с германцами и с франками — на западе.

Глава 6

ЗНАКИ СОЛНЕЧНОГО СВЕТА

В соответствии с изложенной гипотезой, корни русской письменности должны уходить как минимум во II тысячелетие до н. э., а то и в более отдаленные времена. Однако, на современном этапе исследований ее следы удастся проследить лишь примерно с середины I тысячелетия до н.э. Некоторые буквы, вошедшие впоследствии в состав кириллицы, были изображены на пряслицах у племен, получивших в науке не очень удачное название — носители культуры штрихованной керамики. Кроме того, у них на пряслицах достаточно часто встречается треугольник, составленный из 6 точек (рис. 22, 1).

Это — схематическое изображение числа 108, бывшего у индоевропейцев символом Вселенной. Следы почитания этого священного числа и использования основанной на нем сложнейшей числовой системы зафиксированы в Индии, Греции, Риме, у славян, кельтов, скандинавов, а также у шумеров и в странах более позднего распространения буддизма. Древнейшее упоминание, а точнее, уже зашифровку этого числа мы вновь находим в Индии: в Ригведе (1,34) тройка упоминается 36 раз, что в сумме и дает 108. Из всех индоевропейских стран только она одна сохранила расшифровку этого числа в виде магического треугольника $3 \times 3 \times 3$. В сумме эти шесть цифр дают 14, а перемноженные друг на друга — 108. В ряде случаев цифры заменялись точками, но структура приведенного здесь магического треугольника оставалась неизменной. У кельтов треугольник из 6 точек чеканился на монетах. То, что данный треугольник в культуре штрихованной керамики означал именно 108, а не 6 доказывает тем, что на одном из пряслиц этой культуры (рис. 31, 9 в книге А.Г. Митрофанова) изображено 54 точки — ровно половину от числа 108. В силу этого, в некоторых традициях и это число считалось сакральным. Например, скандинавы, также представлявшие Вселенную в виде 108, наделяли своего верховного бога Одина 54 именами и полагали, что в его жилище Вальгаале 540 дверей, а чертог его сына Тора состоит из 540 палат. Очевидно, что представление Вселенной в виде числа 108 возникло у индоевропейцев еще во времена их общности (иначе просто никак нельзя объяснить его распространение от Ирландии до Индии и от Греции до Скандинавии) и использование этого символа является важным указателем на индоевропейскую принадлежность той или иной первобытной культуры. Сочетание же у культуры штрихованной керамики двух редчайших идентифицирующих признаков — использование ею символа числа 108 и ряда букв, вошедших впоследствии в русскую письменность — заставляет обратить на нее особое внимание.

Свое название данная культура получила благодаря обычаю составлявших ее племен наносить штрихи на изготавливаемую ими керамику. Как отмечает А.Г. Митрофанов, первоначально штрихи на сосудах появились в результате обработки (обтирания) их стенок, а затем по какой-то причине превратились в своего рода орнамент. Не исключено, что они наносились с практическими целями: придать сосудам большую крепость и сделать их водонепроницаемыми. Возможно, это было связано и с магическими представлениями — штрихи были призваны уберечь содержимое сосудов от злых духов.

¹ Боги, брахманы, люди., М., 1969, с.88.

Беспорядочные штрихи наносились при помощи пучка соломы или прутьев. Однако обычай наносить штрихи на сосуды был распространен гораздо шире самого ареала культуры штрихованной керамики (средняя полоса Белоруссии и Восточная Литва): штрихованная керамика в то же самое время встречается в Латвии, Эстонии, Финляндии, районе Ильменя и Волго-Окского междуречья. Исследователи выходят из этого сложного положения благодаря тому, что относят к данной культуре только те поселения, где штрихованная керамика составляет большинство над остальными видами керамики. Неизбежным следствием этого являются определенные разночтения между исследователями (А.Г. Митрофанов, П.Н. Третьяков, В.В. Седов др.) в определении границ этой культуры. Очевидно, что при примерно одинаковом уровне развития общественных отношений и производительных сил у племен 1 тыс. до н.э. обычай наносить штрихи на посуду то ли для придания ей большей прочности, то ли для отпугивания злых духов мог получить широкое распространение путем заимствования. Бесспорным является того факт, что на обширных пространствах от Белоруссии до Финляндии в рассматриваемый нами период жили как минимум две крупные общности: балты и финно-угры. Кроме того, уже в 1 тыс. н.э. в керамике бесспорно славянских поселений и погребений Белорусского Понеманья продолжает сохраняться традиция изготовления штрихованной посуды.¹ Таким образом, штриховка в той или иной степени оказалась свойственна трем этническим общностям и в силу этого ее нельзя рассматривать как этнически определяющий признак. С этой точки зрения название, данное рассматриваемой культуре нельзя считать удачным.

Все археологи единодушно локализируют культуру штрихованной керамики в Средней Белоруссии и Восточной Литве, однако конкретные ее границы, в силу указанных причин, проводятся ими несколько по-разному. В данном случае мы будем следовать мнению крупнейшего исследователя данной культуры А.Г. Митрофанову, перу которого принадлежит единственная на сегодняшний день монография о культуре штрихованной керамики. В своей статье "Территория распространения и проблема происхождения культуры штрихованной керамики"² он очерчивает ареал данной культуры следующим образом: восточная граница идет по течению р. Усяж-Бук и верхнему течению р. Друти, затем поворачивает на юго-запад, в бассейн среднего и нижнего течения р. Березины, после чего на юг, в бассейн верховьев Птичи и Случи, на юге она протекает по водоразделу Припяти и Немана. Граница продолжается в Верхнем Понеманье и по правобережью Немана уходит в Литву, где штриховка наиболее характерна для области к востоку и югу от среднего течения р. Швентой и нижнему течению р. Нерис. От города Каунаса граница идет на запад по рекам Еся и Шешупе, поворачивая затем в северную Белоруссию, где она тянется в восточном направлении по линии Постава-Дуниловичи-Чашники-Лепель. П.Н. Третьяков полагал, что на севере культура штрихованной керамики шла до Западной Двины, а также выходила к Днепру на участке г. Орша-устье Березины. В.В. Седов включал в ее ареал бассейн левых притоков Случи и Птичи и считал, что она доходила до Сожа. С этими мнениями своих коллег А.Г. Митрофанов решительно не согласен. Как видим, принятие штриховки сосудов за культурно-определяющий признак оказывается не вполне удобным и с точки зрения определения конкретных границ этой культуры.

Время существования культуры штриховой керамики подавляющее большинство специалистов датируют VII в. до н.э. — V в. н.э. Так, например, А.М. Медведев выделяет четыре основных периода в процессе развития данной культуры: 1) первая половина 1 тыс. до н.э. 2) IV-II в.в. до н.э. 3) II-I вв. до н.э. 4) ее расцвет в I в. до н.э. — середине V в. н.э. Несколько особняком стоит мнение П.Н. Третьякова, допускающего возможность определения нижней хронологической границы этой культуры II тыс. до н.э.: "Теперь уже окончательно выяснилось, что по всему ее обширному ареалу городищам предшествовали неукрепленные поселения с точно такой же керамикой, древнейшие из которых относятся ко II тыс. до н.э. Штрихованной керамике на этих поселениях сопутствуют многочисленные изделия из кремня. Их формы и "микролитовидная" техника сохраняют традиции местного неолита."³

За время своего существования племена штрихованной керамики прошли достаточно большой путь своего развития. Именно с возникновением этой культуры в средней полосе Белоруссии начинается железный век. В результате археологических исследований установлено, что племена культуры штрихованной керамики занимались подсечным земледелием, железоделательным производством, скотоводством, охотой, рыболовством и собирательством. Изделия из железа производились на месте, что подтверждается находками остатков печей-домниц в Лабенщине, Кимии, Малышках, Свидно и других местах. О местном изготовлении большинства бронзовых украшений говорят находки целых и фрагментированных тиглей и обломки каменной формочки.

"Основным типом поселений племен — носителей культуры штрихованной керамики были укрепленные поселения-городища, которые по внешним признакам не отличались от городищ других культур лесной полосы Восточной Европы. Новые исследования позволили внести ряд существенных уточнений в схему их стадийного развития, предложенную еще А.Н. Лявганским. Поселения с культурой штрихованной керамики прошли несколько этапов в своем развитии — от открытых, расположенных в глухих, природою укрепленных местах, до хорошо укрепленных земляными валами и рвами городищ. С

¹ Митрофанов А.Г. К истории населения Средней Белоруссии в эпоху раннего железа. Автореферат кандидатской диссертации, Л., 1955, с. 17.

² Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии, Минск, 1969, с. 73-75.

³ Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, М.-Л., 1966, с. 161.

появлением и широким распространением гладкостенной керамики городища прекратили свое существование и из мест постоянного обитания превратились в убежища, уступив место открытым поселениям - селищам... Для ранних городищ (нижний слой Лабеничины, Збаровичи) характерны большие глинные дома столбовой конструкции, разделенные на отдельные жилые помещения и располагавшиеся на краю площадок. На поздних городищах (III-V в.в.) дома располагались не только по краям поселений, но и на всей их площади."¹ Площадь городищ была достаточно небольшой. Так, наиболее крупные занимали территорию до 2000 м², а самые маленькие 90-120 м². Подобные размеры городищ свидетельствуют о их принадлежности небольшим семейным общинам.

Совокупность всех археологических находок позволила А.Г. Митрофанову заключить, что "...племена, создавшие культуру штрихованной керамики, жили еще в условиях первобытнообщинного строя, а именно на стадии развитого патриархата..."²

Характерной особенностью культуры штрихованной керамики был ее загадочный обряд погребения, резко выделявший ее в археологическом плане из всех соседних с нею культур. В своей книге Ф.Д. Гуревич констатирует крайне важный факт: "Вблизи городищ и поселений со штрихованной керамикой не обнаружено никаких погребальных памятников. Обряд погребения, распространенный у населения этой культуры, пока остается загадкой"³. Однако на основании косвенных данных мы со значительной степенью вероятности можем предполагать, что данным обрядом было трупосожжение. Так, В.В. Седов отмечает, что у балтов Северной Литвы и Юго-Восточной Латвии единственным обрядом погребения было трупоположение. Однако в курганах Восточной Литвы, на территории занятой прежде культурой штрихованной керамики, обряд кремации встречается с V в. н. э., а с VII в. он становится единственным. "Больше оснований имеется для предположения о распространении обряда кремации в восточно-литовских курганах под воздействием погребального обряда аборигенов, потомков носителей культуры штрихованной керамики. На территории современной Литвы обряд кремации умерших в начале второй половины I тысячелетия н. э. ограничен исключительно ареалом культуры штрихованной керамики. Лишь позднее он начинает распространяться к северу и северо-западу, достигая западных окраин только на рубеже I и II тысячелетий н. э."⁴ Аналогичная картина вырисовывается и при исследовании погребального обряда некоторых славянских племен: "Картография погребальной обрядности дреговичских курганов XI-XII в. в обнаруживает членение дреговичской территории на две части. Для северной части дреговичской земли характерны курганы с остатками кострищ в основаниях насыпей. Эта особенность северных дреговичских курганов сближает их с синхронными курганами пологчан, смоленских кривичей и радимичей. В южных районах дреговичской земли остатки кострищ под скелетами отсутствуют.

Южная граница распространения гревнерусских курганов с остатками кострищ в основании совпадает с южной границей ареала балтских поселений культуры штрихованной керамики. Таким образом, курганы с трупоположениями на кострищах встречены в той части дреговичской земли, куда славяне проникли в сравнительно позднее время и где дославянским населением были балты.

То обстоятельство, что обряд захоронения на кострище встречается не только в северной части земли дреговичей, но и у пологчан, смоленских кривичей и радимичей (т.е. на территории со значительным слоем балтской гидронимии), допускает предположение о возможной связи этой особенности гревнерусского погребального обряда с погребальным ритуалом гревного балтского населения Верхнего Поднепровья и Полоцко - Витебского Подвинья"⁵ Это является тем более замечательной особенностью, что в курганах древлян, полян, северян и вятичей остатки кострищ в основаниях не известны. Тезис В.В. Седова о балтской гидронимии будет рассмотрен ниже, а пока отметим лишь то, что обряд захоронения на кострищах в восточнославянских курганах в значительной степени совпадает с территорией распространения культуры штрихованной керамики.

Исследователь обратил внимание на то, что в ряде районов Белоруссии термин "курганы" местным населением не употреблялся. Курганные насыпи оно называет "копцами" или "капцами". Интересная закономерность проявляется при картографировании распространенности этого термина: "Ареалу термина "копцы - капцы" в области Верхнего Поднепровья соответствует территория той группы гревнебалтских племен, которые оставили поселения со штрихованной керамикой. Таким образом, по местным названиям курганов дреговичская территория разделяется опять-таки на те же две части, что и по археолого-антропологическим данным."⁶ В.В. Седов, отстаивая балтское происхождение культуры штрихованной керамики вообще и рассматриваемого термина "копцы - капцы" в частности, особо подчеркивает его родство с литовскими словами *karas* - "могила", *karai* - "кладбище" и латышскими терминами *karī* - "кладбище", *kars* - "могила" и отмечает, что в восточных районах Латвии курганы называются *капа*. Однако, во-первых, в отличие от Белоруссии он не приводит картографирования распространения этих слов в Прибалтике. Вполне вероятно, что в целом они могут совпасть с основным ареалом культуры штрихованной керамики.

¹ СА, 1967, № 4, с. 131-132.

² Митрофанов А.Г. Железный век средней Белоруссии, Минск, 1978, с. 52.

³ Гуревич Ф.Д. Древности Белорусского Поманья, М.-Л., 1962, с. 36.

⁴ Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, М., 1970, с. 22.

⁵ Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, М., 1970, с. 87.

⁶ Там же, с. 87-88.

Во-вторых, в русском и белорусском языках слова "конец-капец" помимо прочих имеют значение "смерть", которое вполне могло относиться и к месту захоронения умершего. Следовательно, безусловное родство этого белорусского термина для обозначения курганов с литовско-латышскими вовсе не свидетельствуют о его обязательном заимствовании из балтских языков. Возможно допустить, как самостоятельное параллельное развитие этого термина у славян и балтов, так и его заимствование балтами от славян.

Наконец, весьма вероятна связь белорусского слова "капец" и древнерусского "капище", означавшего святилище и место жертвоприношения. В связи с этим целесообразно процитировать все того же В.В. Седова, в другом месте писавшего о языческих захоронениях славян так: *"Иногда на той же насыпи вокруг урны с трупосожжением устанавливалось кольцо из камней. Это — своеобразная "жертва" Перуну: сородичи, помещая в сосуд с останками умершего в жертвенник (кольцо из камней), как бы обращались к Перуну с просьбой принять душу покойного в загробный мир. Еще в прошлом столетии И. Срезневский справедливо указывал, что обряд трупосожжения по цели и по содержанию приближается к обряду языческого жертвоприношения. Подобные кольца из камней наблюдались в псковских глиняных курганах и новгородском кургане XI в."*¹ О жертвоприношениях славян на могилах умерших неоднократно сообщали как древнерусские, так и восточные источники. У многих народов, в том числе и у славян, умершие предки обожествлялись, а места их захоронений считались священными. Все эти обстоятельства также говорят в пользу причинной связи однокорневых слов "капец" и "капище".

Завершая рассмотрение погребальной обрядности данной культуры, отметим еще одну показательную деталь. В.В. Седов, отмечая, что славяне обычно хоронили своих покойников головой на запад, отнес все древнерусские курганные захоронения, ориентированные головой на восток, к влиянию балтского субстрата и пережиткам балтского погребального ритуала, нашедшего свое отражение в мифологии. Все ориентированные головой к востоку курганные труположения были им систематизированы и нанесены на карту.² Картографирование выявило весьма примечательную картину: на территории культуры штрихованной керамики ориентированных головой к востоку захоронений практически нет (всего 4 исключения из 183 нанесенных на карту курганов), а основная масса концентрируется в Верхнем Поднепровье гораздо восточней ареала данной культуры. Следовательно, и по этому критерию мы видим резкое отличие погребального обряда культуры штрихованной керамики от своих соседей.

Подводя итог всему сказанному, следует отметить, что есть достаточное основания полагать, что племена штрихованной керамики погребали своих умерших по обряду трупосожжения. Со значительной степенью вероятности это вытекает из внутренних различий в погребальном ритуале двух столь разных в этническом отношении групп — литовцев и дреговичей — в более поздний период. Те части этих двух племен, которые поселились на территории бывшей культуры штрихованной керамики, используют огонь в своих погребальных обрядах, чем начинают отличаться от своих соплеменников, оставшихся за пределами данной территории. Наконец, велика вероятность того, что места погребений представители данной культуры называли термином, содержащим корень "кап- коп".

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса об этнической принадлежности культуры штриховой керамики, стоит остановиться на связанных с ним проблемах ее возникновения и исчезновения. Ввиду крайней сложности и нерешенности первой проблемы, начнем с последней. Ф.Д. Гуревич отмечает и анализирует процесс постепенного усложнения оборонительных сооружений на городищах штрихованной керамики: *"Очень вероятно, что оно было следствием усиления опасности вражеского нападения извне. Мы уже указывали на то, что на многих городищах видны следы пожара, после которого жизнь на них не возобновлялась. Интересно отметить, что как раз в то время в IV-V вв. н. э., когда жизнь на многих городищах прекратилась, в северо-западных областях Белорусского Полесья проявились многочисленные новое население со своеобразной культурой, известное по курганам восточнолитовского типа, принадлежавшим древним литовским племенам."*³ Далее исследовательница особо отмечает: *"Очевидно, что нет никаких оснований видеть в населении со штрихованной керамикой прямых предшественников литовских племен, как это до сих пор рассматривалось в литературе. Последние, по-видимому, и в Восточную Литву и Белорусское Полесье в IV-V вв. пришли с севера и северо-запада, из области, где есть более ранние литовские курганы. Возможно, что отражением этого передвижения, по-видимому, не всегда мирного являются следы пожаров на городищах и исчезновение населения, оставившего штрихованную керамику."*⁴ Приведенное ею картографированное распространение поселений со штрихованной керамикой и литовских курганов, наглядно показывает, что ареалы этих двух культур резко различаются, что убедительно свидетельствует против существования между ними какой-либо преемственности.

Иную точку зрения отстаивает В.В. Седов. Пытаясь опровергнуть заключение Ф.Д. Гуревич об отсутствии преемственности двух культур, он даже решился на следующее утверждение: *"Поскольку носители культуры штрихованной керамики являются отдаленными предками летописной Литвы, их правомерно называть древнелитовскими (или восточнолитовскими) племенами"*⁵. Исчезновение же

¹ Седов В.В. Древнерусское святилище Перуны-КСИИМК, М., 1953, вып. 50, с. 103.

² Седов В.В. Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья, М., 1970, карта, рис. 43 на с. 166.

³ Гуревич Ф.Д. Древности Белорусского Полесья, М.-Л., 1962, с. 32.

⁴ Гуревич Ф.Д. Древности Белорусского Полесья, М.-Л., 1962, с. 35.

⁵ Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, М., 1970, с. 25.

культуры штрихованной керамики В.В. Седов пробует связать с переселением славян: "Пока невозможно ответить на вопрос, оставлены ли понеманские глинные курганы той группой славянских племен, из среды которых вышли кривичи псковские, или же эта группа глинных курганов принадлежит какой-то части славян, которые не сумели пробиться сквозь земли, занятые балтами, при продвижении на северо-запад. Наиболее ранние глинные курганы Псковской земли датируются самым началом второй половины I тысячелетия н.э., следовательно, переселение их носителей должно было бы скорее совершиться в конце первой половины тысячелетия. Именно к этому времени в районах, расположенных между Псковской землей и Верхним Понеманьем, относится наблюдаемое археологами движение населения, сопровождающееся гибелью ряда городищ. Работами А.Г. Митрофанова показано, что некоторые городища культуры штрихованной керамики гибнут в результате пожаров именно в IV в. н.э."¹

Рассмотрим мнение В.В. Седова подробнее. Его аргументы, с помощью которых он пробовал опровергнуть заключение Ф.Д. Гуревич об отсутствии преемственности между культурой штрихованной керамики и восточнолитовским населением и, следовательно, уничтожением им рассматриваемой культуры, не получили поддержки в среде специалистов. А.М. Медведев, последний, кто на основании новейших данных углубленно исследовал культуру штрихованной керамики, в данном вопросе придерживается точки зрения Ф.Д. Гуревич. Он пишет: "Основные события, приведшие к исчезновению культуры штрихованной керамики, происходили в первой половине V в. н.э. Это связано с миграцией группы западных балтов, в составе которой были и носители культуры штрихованной керамики из Литвы, в районе оз. Свирь и появлением там памятников (курганные могильники и селища) культуры восточнолитовских курганов. В остальной части Белорусского Понеманья поселения культуры штрихованной керамики существовали до середины V в. н.э., когда они исчезают и здесь появляются поселения банцеровской культуры."²

В свете этнической принадлежности особое значение приобретает пробела взаимоотношений культуры штрихованной керамики и славян. Исчезновение данной культуры В.В. Седов связывает с появлением в Понеманье длинных курганов, которые, по его мнению, были оставлены или предками кривичей, или какой-то частью славян, которая не смогла пробиться сквозь земли балтов. Второе предположение следует исключить сразу же: если данная группа славян не смогла пробиться сквозь земли балтов, то вряд ли ей по силам было уничтожение культуры штрихованной керамики. К первой возможности склоняется и сам В.В. Седов, опубликовавший карту (рис.23 в его книге), согласно которой кривичи расселились на северо-восток из области, частично совпадавшей с культурой штрихованной керамики. В таком случае логично предположить, что именно переселение кривичей стало причиной гибели данной культуры.

Проанализируем данные археологии по этому поводу. Выше уже отмечалось, что в славянской керамике Белорусского Понеманья продолжалось сохраняться традиция изготовления штрихованной посуды. Ф.Д. Гуревич отмечает: "Любопытно, что на отдельных поселениях, в частности на селище Черешля и городище у дер. Городище, славянская керамика VII - IX вв. покрывает слой со штрихованной посудой."³

Еще более интересная картина вырисовывается в верховном течении Западной Двины. Исследовавшая этого регион Я.В. Станкевич отмечает, что для III-V вв. н.э. там характерны поселения с типичной штрихованной керамикой, близкие подобным памятникам на территории Белоруссии и восточной Литвы, которые она традиционно считает балтскими. Бесспорно славянские памятники в верхнем Подвинье появляются уже к V веку н.э. "Этот процесс прежде всего находит отражение в культуре южной группы верхнедвинских городищ со штрихованной керамикой, носители которых сравнительно рано попали в орбиту славянского мира. На этой пограничной территории, по-видимому, образовалось смешанное население.

Прежде чем перейти к рассмотрению славянских памятников, следует коротко остановиться на отмеченной выше, находившейся под воздействием славян, культуре городищ со штрихованной керамикой и в особенности южной ее группы. Границы распространения этой культуры в верхней части бассейна Западной Литвы могли быть определены линией, заходящей сюда в виде языка от г. Витебска к северу, через Западную Двину, пересекая реки Топору, Ловать (южнее Великих Лук), затем тянется через верховья р. Великой и уходит к северо-западу в Прибалтику...

Наряду с сосудами баночной и приземистой (ребристой) формы, украшенными штриховкой и зашипами, типичными для восточно-прибалтийских памятников, здесь встречены слабо профилированные, высокие лепные сосуды с грубой поверхностью, характерные для славянских памятников середины I тыс. н.э. Любопытно, что наиболее типичные из них сосуды — урны, содержащие остатки трупосожжений, обнаружены в связанных с такими поселениями могильниках и сопровождалась распространенными у кривичей бронзовыми украшениями.

Такое же сочетание восточно-прибалтийских и славянских форм наблюдается и в составе основного металлического инвентаря поселений южной группы."⁴

Итак, имеющиеся в нашем распоряжении материалы бесспорно свидетельствуют о мирном характере

¹ Там же, с. 107.

² Медведев А.М. Белорусское Понеманье в раннем железном веке. Автореферат канд. дисс., М., 1991, с. 19.

³ Гуревич Ф.Д. Древности Белорусского Понеманья, М.-Л., 1962, с. 76.

⁴ КСИИМК, 1958, вып. 72, с. 47.

контактов славян с населением культуры штрихованной керамики и их совместной жизни на территории ряда поселений в течении определенного периода времени. В своей статье, посвященной кривичам и опубликованной за 10 лет до выхода в свет его книги о славянах Верхнего Поднепровья, В.В. Седов также считал нужным отметить этот показательный факт: *"Работами А.Г. Митрофанова и других исследователей установлено, что многие городища штрихованной керамики в западной части территории их распространения прекращают свое существование (гибнут в результате пожаров) именно в IV в. н.э. Вместе с тем поселения штрихованной керамики появляются узкой полосой от верховья р. Ловати до верховьев Западной Двины, то есть там, где до этого времени жило только финское население Я.В. Станкевич подчеркивает характерное для поселений III-IV в. н.э. сочетание восточно-балтийских черт со славянскими и в инвентаре, и в керамике. К V веку н.э. эта область становится славянской. Появление в Верхнем Подвинье культуры штрихованной керамики в сочетании со славянскими элементами можно объяснить только тем, что кривичи, продвигнувшись из Верхнего Понеманья в верховья Западной Двины через земли восточно-балтских племен, увлекли своим движением часть местного балтского населения. Во всяком случае, трудно найти другое объяснение появлению группы поселений штрихованной керамики в южной части Верхнего Подвинья вдали от основной территории их распространения."*¹

Достаточно ощутимое взаимодействие славян и рассматриваемой культуры отмечал и П.Н. Третьяков, констатируя: *"Культура кривичских длинных курганов и сопутствующих им поселений, сложилась не без вклада балтов, носителей культуры штрихованной керамики."*²

В процессе своего расселения славяне в ряде случаев ассимилировали местное население, но в отличие от кочевников, не увлекали своим движением аборигенное население. Было бы достаточно странным, если бы, с одной стороны, славяне уничтожили культуру штрихованной керамики, а с другой стороны, увлекли своим переселением часть ее населения на Западную Двину и мирно бы там с ними сосуществовали. Гораздо естественнее было бы в таком случае предположить, что население культуры штрихованной керамики бежало от вторгшихся и разгромивших часть ее городищ пришельцев, а не участвовало бы в их дальнейшем переселении. Исходя из этого, а также и из того, что вопреки мнению В.В. Седова культура штрихованной керамики генетически не связана с восточно-литовскими племенами, наиболее вероятным является мнение о ее исчезновении в результате вторжения литовских, а не славянских племен.

Кроме того, в науке имеется еще и третья точка зрения, высказанная Д.А. Мачинским, согласно которой гибель культуры штрихованной керамики было делом рук готов. Обоснованность данной гипотезы будет рассмотрена нами ниже.

Если проблема исчезновения данной культуры решается разными учеными столь противоречиво и гибель ее связывается с балтами, славянами или готами, то проблема ее возникновения является еще более запутанной. В значительной степени она осложнена вопросом происхождения традиции наносить штриховку на посуду и еще более важным вопросом о том, можно ли связывать традицию штриховки с населением культуры штрихованной керамики. В научной литературе было высказано две точки зрения на происхождение культуры штрихованной керамики. Х.А. Моора в 1958 г., предположил, что предки данной культуры расселились в северной половине Верхнего Поднепровья в начале и первой половине II тыс. до н.э. и что они были носителями культуры шнуровой керамики и боевых топоров. В результате смешения пришлого и аборигенного населения и возникла культура штрихованной керамики. В племенах шнуровой керамики сам Х.А. Моора и многие археологи как в нашей стране, так и за рубежом видели древнейших индоевропейцев, а именно еще не расчлененную их славяно - балто - германскую ветвь, выделившуюся после распада индоевропейской общности и занявшую во II тыс. до н.э. территорию будущего обитания германцев, славян и балтов. Эта теория была очень популярной в свое время, однако ее приверженцам не удалось с абсолютной достоверностью доказать правоту отстаиваемой теории, в результате чего на сегодняшний момент она не является общепринятой. В восточной части племен шнуровой керамики Х.А. Моора видел предков современных балтов, которые, по его мнению, в частности и создали культуру штрихованной керамики.

Однако с позиций этой схемы оказываются труднообъяснимым ряд положений как общего, так и частного характера. Так, если балты — носители культуры шнуровой керамики создали культуру штрихованной керамики, то это не объясняет ее значительное своеобразие и существенные отличия от соседних и одновременных ей других балтских культур Верхнего Поднепровья. С другой стороны, накопление нового материала повлекло за собой существенную ревизию и пересмотр представлений о времени и обстоятельствах распада индоевропейской общности, которые теперь достаточно отличаются от тех, на которых базировались те исследователи, которые видели в культуре шнуровой керамики и боевых топоров славяно - германско - балтскую общность. Например, В.Ф. Исаенко отмечал: *"Именно поэтому поиски индоевропейцев нельзя ограничивать носителями шнуровой керамики. Наличие в общеиндоевропейской лексике названий диких животных, домашних и деревьев, природных явлений, терминологии материнского рода (Д.Томсон, А.В. Исаченко), "вульгарной" лексики (А.Мейе) и отсутствие отчетливых единых названий, связанных с земледелием (В.Георгиев, О. Шрагер, В.В. Мартынов), молоком, обозначением родства по отцовской линии (О.Н. Трубачев) заставляет предполагать, что лишь во времена*

¹ СА, 1960, №1, с.58.

² Там же, с.46.

одомашнения животных племена индоевропейцев были связаны между собой. Позднее, когда стало более широко развиваться земледелие, произошло их расслоение, сопровождающееся нарастанием различий в языке. И этот процесс протекал не в начале II тыс. до н.э. (Т. Лер-Сплавинский), а по крайней мере на полтысячелетия раньше (В.И.Георгиев, В.Каузе, Е.Мейер, Б.В. Горнунг) в среде этнических общностей эпохи неолита, обитавших на значительном пространстве, которое, вероятно, включало южную часть Белоруссии".¹

Иную точку зрения высказал П.Н. Третьяков. Как и Х.А. Моора, он видел в племенах шнуровой керамики славяно-германо-балтскую общность, но в отличие от него, не считал их создателями культуры штрихованной керамики: "Теперь уже окончательно выяснилось, что по всему ее обширному ареалу городищам предшествовали неукрепленные поселения с точно такой же керамикой, древнейшие из которых относятся ко II тысячелетию до н.э. Штрихованной керамике на этих поселениях сопутствуют многочисленные изделия из кремня. Их формы и "микролитовидная" техника сохраняет традиции местного неолита... По общему мнению, племена раннего "железного века", оставившие городища со штрихованной керамикой, — это потомки древнего местного населения, жившего между Верхним Поднепровьем и Юго-Восточной Прибалтикой еще до появления племен шнуровой керамики."² Следует сразу оговориться: мнение это, вопреки П.Н. Третьякову, отнюдь не является общим. Далеко не все исследователи согласны с фактическим изменением времени возникновения культуры штрихованной керамики с первой половины I тыс. до н.э. до начала II тыс. до н.э. По мнению П.Н. Третьякова, племена шнуровой керамики овладели прибрежными областями Прибалтики и частью Верхнего Поднепровья, однако вдали от побережья были области, куда она не проникали. Так, между Прибалтикой и Верхним Поднепровьем сохранилась компактная группа древнего местного населения, украшавшего свою глиняную посуду орнаментальной штриховкой. Отнесению культуры штрихованной керамики к исконному населению соответствует и отмеченный Ф.Д. Гуревич факт: после исчезновения городищ со штрихованной керамикой с середины I тыс. н.э. дальнейшее развитие культуры данного региона происходит не столько на основе местной традиции, сколько на основе культуры балтов приморских областей. На основании всего этого П.Н. Третьяков делает следующий вывод: "В племенах штрихованной керамики следует видеть древнее, местное по происхождению население, оказавшееся со II тыс. до н.э. в окружении балтийских племен и очевидно, мало-помалу ими ассимилированное. Трудно сказать, в какие сроки и как протекал этого процесс. В области культуры он завершился, по-видимому, к середине I тыс. н.э., а начинается значительно раньше — возможно еще в "городошечное время". Поэтому городища со штрихованной керамикой, относящиеся к раннему "железному веку", по моему мнению, отнюдь не следует исключать из числа древностей балтов."³

Последний неожиданный поворот мысли исследователя, честно говоря, вызывает недоумение. Если население культуры штрихованной керамики по происхождению не являлось балтским и было ими частично ассимилировано в условиях уничтожения балтами их культуры лишь к середине I тыс. н.э., то как можно относить их древности раннего железного века (VII в. до н.э.-V в. н.э.) к балтским? С другой стороны, оппоненты сразу указали на то, что в ареале культуры штрихованной керамики выявлено только два слоя гидронимии — балтский и славянский, но никаких следов "добалтоязычного" населения там не сохранилось. Значимость данных гидронимии будет рассмотрена ниже, однако следует отметить, что гипотеза П.Н. Третьякова хорошо стыкуется с заключением В.Ф. Исаенко о том, что распад индоевропейской общности произошел еще в каменном веке и, следовательно, отдельные племена индоевропейцев могли поселиться на территории будущей культуры штрихованной керамики задолго до прихода в этого регион предков современных балтов.

В еще большей степени запутан вопрос о происхождении самой штрихованной керамики. Р.К. Римантане отмечает, что сам факт появления штрихованной керамики относится к раннему неолиту, т.е. к IV -III тыс. до н.э. Однако на том основании, что штрихи слабые и сама традиция наносить их была распространена далеко за пределами будущей территории одноименной культуры, большинство исследователей керамику со слабой штриховкой не считают предшественницей штрихованной керамики в собственном смысле слова. Более выразительная штрихованная керамика появляется в Литве и Белоруссии во II тыс. до н.э. Исследовавший памятники каменного века и эпохи бронзы в бассейне среднего течения р. Щары (Белоруссия) В.Г. Суприн констатирует, что керамика с заштрихованной поверхностью встречается там повсеместно и преобладает над другими видами керамики. "Появляется здесь лепная керамика с заштрихованной поверхностью во время неолита и, по-видимому, доживает в несколько изменяющемся виде до раннего железного века. (Гостино, Мижевичи).

Можно полагать, что штрихование поверхностей сосудов смоченным пучком травы или соломы применялось для предохранения стенок от растрескивания во время их просушки. Штриховались (заглаживались) преимущественно сосуды, содержащие значительные примеси грессы в тесте."⁴ На основании всего этого А.Г. Митрофанов делает следующие выводы:"2) Появление самой ранней штрихованной керамики относится к позднему неолиту и к эпохе бронзы (II тыс. до н.э.) Оно совпало с

¹ Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии, Минск, 1969. с.33-35.

² Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, М.-Л., 1966, с.161.

³ Там же, с. 162.

⁴ Древности Белоруссии, Минск, 1966, с. 103.

тем временем, когда на территории Литвы и Белоруссии, широкое распространение получила керамика со шнуровым орнаментом. 3) Территория распространения ранней штрихованной керамики была значительно шире той территории, на которой позднее располагались поселения культуры штрихованной керамики. Мало того, ранняя штрихованная керамика была характерна не для одной, а для нескольких археологических культур... 4) Штрихованная керамика, а вместе с ней и названная ее именем культура, возникла на месте. Создателями этой культуры были балтоязычные племена, жившие в конце эпохи бронзы (конец II и первая четверть I тысячелетия до н.э.) в Восточной Литве и Средней Белоруссии".¹

Итак, мы видим, что целый круг вопросов, связанный с возникновением и исчезновением штрихованной керамики, территорией ее распространения, а также проблемы ее соотношения на различных стадиях развития с одноименной культурой так и не получил однозначного удовлетворительного решения и у многих ученых трактуется с разных, а то и просто взаимоисключающих позиций. В немалой степени образованию подобного тупика способствовал неудачный выбор культуроопределяющего признака и названия культуры - штриховка на керамике. Учитывая все это, нельзя не согласиться с авторитетным мнением крупного отечественного археолога Е.А. Шмидта: "На запад от группы племен верховьев Днепра располагалась большая территория, занятая группой племен, для которых наиболее характерным признаком была особая, так называемая штрихованная керамика. Городища, на которых распространилась штрихованная керамика, пока что изучены недостаточно, поэтому к их характеристике большинством исследователей привлекается почти исключительно один признак - характер керамики, и причем в такой степени, что он заслоняет все остальные элементы культуры. Тем самым возводится такая граница, которая затрудняет решение вопросов об этнической близости этих племен с другими племенами Восточной Европы."² Это в высшей степени ценное замечание и, исходя из него, представляется просто необходимым должным образом скорректировать данный термин. Поскольку культурой является совокупность всех материальных и духовных ценностей, созданных данным обществом, я бы предложил наименование "культура штриховой керамики/ знаковых пряслиц". Как будет показано ниже, знаки на пряслицах, изображающие символическую картину Вселенной и отдельные буквы, подчеркивают уникальность и своеобразие этой археологической культуры ничуть не в меньшей степени, чем штриховка на сосудах, а о степени духовного и интеллектуального развития данных племен говорит в несравненно большей степени, нежели эта пресловутая штриховка.

Прежде чем непосредственно перейти к рассмотрению знаков на пряслицах, рассмотрим имеющиеся на сегодняшний день в науке мнения об этнической принадлежности культуры штрихованной керамики/знаковых пряслиц.

Первоначально балтская принадлежность данной культуры воспринималась в археологической среде как нечто, само собой разумеющееся. Изначальная идиллия была разрушена выходом в 1962 году упоминавшейся выше книги Ф.Д. Гуревич, в которой она показала отсутствие преемственности между культурами штрихованной керамики и восточнолитовских курганов и подчеркнула, что общепринятое до этого мнение далеко не бесспорно. Тем не менее, сторонники балтской принадлежности культуры штрихованной керамики до сих пор составляют в археологии арифметическое большинство. К их числу относятся такие ученые, как Х.А. Моора, А.З. Тауавичус, Р.К. Риманантене, Е.А. Данилайте, В.В. Седов и А.Г. Митрофанов. В последнее время в их лагере произошла некоторая дифференциация: если вышеперечисленные специалисты высказываются за принадлежность культуры штрихованной керамики восточным балтам, то Е. Антонович и Л. Окутич склоняются к гипотезе о том, что ее оставили западные балты. С некоторыми оговорками к этому лагерю можно отнести и саму Ф.Д. Гуревич. В своей книге она писала: "К сожалению, данных для ответа на вопрос, какому населению могла принадлежать культура поселений со штрихованной керамикой, пока не имеется. Из трех больших племенных объединений, которые в I тысячелетии н.э. зафиксированы в этой части восточной Европы - славян, балтов и финских племен - первые наверняка не могли представлять эту культуру. Сомнительно также, чтобы эти поселения принадлежали финским племенам, хотя, как уже упоминалось, на территории западнофинского населения известны не только поселения, но и погребения со штрихованной керамикой."

Возможно, что эти памятники принадлежали тем балтийским племенам, чья культура вне области восточнолитовских племен исчезла в результате славянской колонизации, не оставив заметных следов в культуре более позднего времени."³

Не вполне, однако, понятна та категоричность, с которой славяне "наверняка" исключались из числа племен, которые могли оставить данную культуру. Подобные априорные утверждения и заявления, не подкрепленные действительными фактами являются одной из наиболее сложных преград в деле установления исторической истины.

Рассмотрим аргументы, выдвигаемые этой группой ученых в пользу балтской принадлежности культуры штрихованной керамики/ знаковых пряслиц. На первое место они, как правило, выдвигают данные гидронимии. "Вопрос о балтских племенах в области Верхнего Поднепровья был поставлен и

¹ Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии, Минск, 1969, с. 75.

² Шмидт Е.А. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства, М., 1992, с. 125-126.

³ Гуревич Ф.Д. Древности Белорусского Полесья, М.-Л., 1962, с. 35-36.

получил положительное решение преимущественно на основании данных гидронимии"¹ — отмечает П.Н.Третьяков. Вызывает большое удивление ход мысли А.Г.Митрофанова — посвятив свою монографию культуре штрихованной керамики, он в заключении своего труда неожиданно объединяет ее с другими археологическими культурами данного региона (днепродвинской, юхновской, верхнеокской и другими) и пишет: "Полное отсутствие генетической связи между этими культурами, с одной стороны, и более поздними, бесспорно славянскими древностями, с другой, позволяет относить все эти племена к дославянскому населению. В настоящее время можно считать доказанным, что ареалы всех культур, исключая зарубинецкую культуру, полностью совпадают с теми областями, в которых распространена массовая восточнобалтская гидронимия. Поэтому есть основание полагать что эти культуры были оставлены племенами восточнобалтской языковой группы"². Подобный прием является не более, чем искусственной натяжкой. А.Г.Митрофанов не может не знать, что с помощью современных научных средств археологически славянская культура не прослеживается ранее VI века н.э. и что отсутствует достоверная генетическая связь ее с более ранними древностями. Следует ли из этого заключить, что славяне появляются в Европе только с VI века и до этого там не было их предков, а проживало только дославянское население? Ни один ученый не решится на подобное заявление, но оно следует из логики А.Г.Митрофанова. С другой стороны, исследователь взял юхновскую, верхнеокскую культуру, действительно не имевших никакой связи со славянами, искусственно объединил их с культурой штрихованной керамики и в результате получил вывод, что культура штрихованной керамики, требующая дальнейшего тщательного изучения, и ряд достоверно балтских культур в совокупности никакого отношения к славянам не имеют. Если отбросить подобные натяжки, то получается, что и А.Г.Митрофанов определяет как балтскую этническую принадлежность рассматриваемой культуры только на основании названий рек — гидронимии.

Возьмем еще одного апологета балтской принадлежности культуры штрихованной керамики. В.В.Седов утверждает: "Культура штрихованной керамики, днепро-двинская, верхнеокская, юхновская и милоградская культуры занимают как раз ту территорию, где согласно данным гидронимии с глубокой древности до расселения славян жило балтоязычное население."³ Однако в другом месте своей книги, когда ему понадобилось опровергнуть широко распространенное мнение о славянской принадлежности зарубинецкой культуры, та же доказываемое данными гидронимии, и приписать и ее столь горячо им любимым балтам, В.В.Седов (видимо позабыв, о чем он писал чуть раньше) делает весьма ценное замечание: "К тому же, совпадение археологических и гидронимических ареалов еще ни о чем не говорит, если в распоряжении исследователей нет каких-то других материалов (например, данных о генетической связи той или иной культуры с этнически определенными древностями)"⁴. Эта ценная мысль, к сожалению, используется В.В.Седовым несколько односторонне — только для опровержения славянского характера зарубинецкой культуры; как только речь заходит о потенциальной балтской принадлежности той или иной культуры, то названия рек используются и им в качестве главного аргумента.

Итак, мы видим, что в условиях отсутствия достоверной с археологической точки зрения генетической связи культуры штрихованной керамики/знаковых пряслиц как со славянскими, так и с балтскими древностями, названия рек остаются важнейшим, а подчас и единственным аргументом сторонников ее балтской этнической принадлежности. Изредка ими приводится еще и конструкция жилищ культуры штрихованной керамики, сходная с конструкциями соседних с ней племен, балтская принадлежность которых весьма вероятна. Однако это может быть с легкостью объяснено не только этническим родством, но и близостью социально-экономического развития всех культур данного региона, а также одинаковыми климатическими условиями. В силу того, что гидронимические данные являются доказательством № 1 для ученых, отстаивающих вышеуказанную точку зрения, рассмотрим их более подробно.

Самой настоящей библией для приверженцев балтской принадлежности культуры штрихованной керамики, на которую почти все они ссылаются как на самый главный аргумент, стала книга В.Н.Топорова и О.Н.Трубачева "Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья". Этот капитальный труд задумывался как итог векового лингвистического изучения рек данного региона, однако из-за крайней тенденциозности авторов, стремившихся почти во всех случаях доказать балтское происхождение названий большинства рек, даже если они носили ярко выраженные славянские имена, подлинная научная ценность данной книги оказалась весьма низкой. Предвзятость авторов видна невооруженным глазом; возьмем, например, такой их пассаж: "Наличие в балтских названиях вод ряда корней, близких к славянским и легко входивших в круг славянских наименований, также чрезвычайно затрудняет выявление балтского элемента, присутствие которого, однако, можно подозревать в ряде случаев на основании более общих соображений, ср. ряд рек с названием Березина и аналогичные балтские названия от березы."⁵ Более общие соображения, на основании которых Топоров и Трубачев оценивают и извращают очевидные факты — это как раз археологические гипотезы о балтской принадлежности находившихся в этом регионе культур. Итак, перед нами не объективное исследование лингвистических фактов, исходя из них самих,

¹ Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге, М.-Л., 1966, с.184.

² Митрофанов А.Г. Железный век средней Белоруссии, Минск, 1978, с.151.

³ Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, М., 1970, с.14.

⁴ Там же, с.41.

⁵ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, М., 1962. с.20.

а их подгон под взятые из области археологии гипотезы. В результате вырисовывается порочный замкнутый круг: лингвисты, ссылаясь на археологов и их предположения, заявляют о балтской принадлежности гидронимов Верхнего Поднепровья, а археологи, в свою очередь, ссылаясь на основанную на их гипотезе утверждения лингвистов выдают его за бесспорный факт и делают его главным доказательством балтского происхождения рассматриваемой культуры. В результате подобной круговой поруки получают две стройные наукообразные теории — лингвистическая и археологическая — но их соответствие реальному положению вещей является более чем сомнительным.

Каждый, кто изучал эту монографию заметил, что наибольший по объему словарный раздел посвящен там балтским гидронимам, однако у подавляющего большинства приведенных там названий вод рядом с утверждением о их балтской принадлежности поставлен либо знак вопроса, либо заявление о возможности или вероятности подобного происхождения. Следовательно, относительно 80 — 90% приведенных в данном разделе названий у Топорова и Трубачева не было уверенности в их действительной балтской принадлежности, что однако не помешало им объявить их таковыми, лишь бы подкрепить таким образом свое заявление о массовом балтском характере гидронимии Верхнего Поднепровья. В ряде случаев (и в частности, в отношении территории распространения культуры штрихованной керамики) лингвистический материал настолько не вписывается в навязываемую ему концепцию, что авторы вынуждены делать специальные оговорки: *"Наличие на правом берегу Днепра, в частности к северу от Припяти, крупных рек с названиями на -ь, а также многочисленных мелких рек с тем же показателем, при отсутствии на этих территориях гидронимов со старыми славянскими суффиксами, может дать повод для сомнений в правильности нашего положения о поздней славянской колонизации территории к северу от Припяти. Однако эти сомнения следует признать неосновательными, имея в виду тот факт, что названия многих рек к западу от Днепра могут быть объяснены из балтского источника."*¹ Однако, с таким же успехом они могут быть объяснены и из славянского, а при желании и из какого-нибудь иного источника.

Поскольку, как мы видим, основная мысль монографии, заключающаяся в постулировании массовости балтской гидронимии Верхнего Поднепровья и заявлении о прищлости более позднего славянского элемента, основывается не на точности научных данных, а лишь на том, что балтская снова "может быть" выведена из славянских названий на основании "более общих соображений", то неудивительно, что данное исследование подверглось обоснованной критике, которую сторонники балтской принадлежности культуры штрихованной керамики/ знаковых пряслиц предпочли не замечать. Из числа лингвистов достаточно отрицательно отнеслись к указанной монографии В.А. Жучкевич. Археолог А.Д. Поболь, критикуя Топорова и Трубачева, совершенно справедливо отметил: *"При желании, пользуясь лишь одними чисто лингвистическими предпосылками, можно все славянские названия объяснить с позиций балтских языков, равно как и балтские объяснить с праславянских позиций."*² По его мнению, если исключить все ошибки Трубачева и Топорова, то число балтских гидронимов на белорусской части Верхнего Поднепровья сократится всего до 10 — 15 названий. Дал А.П. Поболь должную оценку и основанной на подобной аргументации теории В.В. Седова: *"В.В. Сегов предпринял попытку определить хронологические периоды этих гидронимических наслоений и установить их связь с определенными археологическими культурами. Без глубокого и всестороннего анализа археологических материалов он делает заключение, что племена, населяющие значительную часть Поднепровья, в том числе и все Верхнее Поднепровье, в период всего железного века и вплоть до III четверти I тысячелетия н.э. были родственны балтам."*³ Несколько сдержаннее были авторы коллективного труда по археологии Белоруссии: *"Однако эти гидронимы во многих случаях не имеют достаточно надежной датировки. Поэтому не всегда на основании гидронимических данных можно категорично решать вопросы этнической принадлежности той или иной культуры."*⁴ Однако все эти справедливые замечания сторонниками балтской принадлежности культуры штрихованной керамики/ знаковых пряслиц попросту игнорируются.

Если взять названия рек не всего бассейна Верхнего Поднепровья, а только ареала интересующей нас культуры, то картина получается еще более интересная. Позиция Топорова и Трубачева категорична: *"Наибольшим удельным весом обладает балтская гидронимия бассейна Березины."*⁵ Однако крупнейший польский ученый Т. Лер-Сплавинский выделяет особую группу древних гидронимов — балто-славянскую, к которой он относит Вилию, ряд рек бассейна Немана и бассейна Днепра, в особенности правобережье Припяти, то есть названия части рек той территории, на которой располагалась культура штрихованной керамики/ знаковых пряслиц. Отечественный лингвист Ф.П. Филин несомненно древними славянскими гидронимами считает Березину, Десну и Припять — вновь к древнейшему пласту славянской гидронимии относится часть рек из ареала интересующей нас культуры. Тот факт, что два крупных историка-лингвиста независимо друг от друга пришли к выводу, что часть названий рек ареала культуры

¹ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, М., 1962, с.128.

² Поболь А.Д. Славянские древности Белоруссии, Минск, 1974, с.123.

³ Там же, с.100.

⁴ Очерки по археологии Белоруссии, ч.1, Минск, 1970, с.150.

⁵ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, М., 1962, с.235.

штрихованной керамики/ знаковых пряслиц изначально являются не балтскими, а древнеславянскими должен заставить задуматься любого непредвзятого исследователя, однако сторонники балтской принадлежности данной культуры отвергают с порога выводы Т. Лер-Сплавинского и Ф.П. Филина, считая единственно правильными заключения В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева.

Однако ирония истории (иначе это просто не назовешь) заключается как раз в том, что даже если принять за истину все далеко не бесспорные выводы В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева, то из них все равно никак не следует вывод о балтской принадлежности культуры штрихованной керамики/ знаковых пряслиц или какой-либо иной культуры данного региона. Еще раз внимательно вчитаемся в текст их монографии. Основной вывод своего труда оба исследователя формулируют так: *"Этот вывод заключается в следующем: территория Верхнего Поднепровья в I тысячелетии — первых веках II тысячелетия н.э. была заселена племенами балтского происхождения; не может быть и речи о том, чтобы объяснить эти названия, сохранившиеся в таком количестве в течении многих веков, с помощью предположения о существовании отдельных изолированных колоний военнопленных и поздних переселенцев, как склонны были думать некоторые ученые. Следует особо подчеркнуть мысль, высказанную вскользь выше о том, что балтское население Верхнего Поднепровья в своей основной массе не отступило к северо-западу в условиях распространения славян на этой территории и было постепенно ассимилировано последними."*¹ Итак, даже если принять на веру все их догадки и предположения, то максимум того, что решаются утверждать В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев на основе своего весьма вольного анализа гидронимии, является утверждение о том, что в I — начале II тыс. н.э., но никак не ранее на территории Верхнего Поднепровья жили балты. Речь идет только о нашей эре, а ответить на вопросы когда в этого регион пришли балты, кто жил в Верхнем Поднепровье до нашей эры — балты или другие племена — гидронимия даже в столь пристрастном анализе ответить не в состоянии. Однако любому объективному исследователю совершенно ясно, что из того, что в I тыс. н.э. — начале II тыс. н.э. (а именно такие хронологические рамки на основе анализа гидронимов установили Топоров и Трубачев) в Верхнем Поднепровье жили балты совершенно не следует тот факт, что балтскими по происхождению были археологические культуры, располагавшиеся в этом регионе до нашей эры. С равной вероятностью можно предположить, что балты жили там испокон веков или же что они пришли в данный регион только на рубеже нашей эры. Таким образом, доказательственное значение данных гидронимии даже в редакции Топорова-Трубачева — этого главного аргумента сторонников балтской принадлежности интересующей нас культуры — по отношению не только к культуре штрихованной керамики/ знаковых пряслиц, но и по отношению к любой культуре Верхнего Поднепровья, датируемой периодом до н.э. практически равно нулю.

Стоит еще раз вспомнить ценную мысль В.В. Седова о том, что совпадение археологических и гидронимических ареалов ни о чем не говорит, если нет генетической связи той или иной археологической культуры с этнически определенными древностями, а именно этой связи и нет между культурой штрихованной керамики/ знаковых пряслиц и достоверно балтскими древностями. Итак, при ближайшем рассмотрении явствует, что утверждение о балтской принадлежности интересующей нас культуры основана не на научных фактах, а всего лишь на предположениях, гипотезах и предрассудках, возведенных в ранг научной традиции. Конкретных доказательств у сторонников данной гипотезы нет.

Чтобы закончить обзор гидронимической темы, следует отметить любопытный факт, замеченный В.В. Седовым: *"Весьма надежным источником для изучения вопросов славянского расселения служит повторяемость водных названий. В области расселения псковских кривичей и словен новгородских, также вышедших из венеградской группы раннего славянства, речные и озерные названия, повторяющие названия вод междуречья Немана и Западного Буга (т.е. области, частично соответствующей ареалу культуры штрихованной керамики/ знаковых пряслиц — М.Л.) обычно. Вот только некоторые из них: р. Щара, левый приток Немана, и озеро Щарское на Псковщине; р. Котра в бассейне Немана и оз. Которское в Псковском уезде; реки Нарев, Нарва, Наревка в Бугско-Неманском междуречье и р. Нарва (Нарова) в Новгородской земле; р. Исса в бассейне верхнего Немана и р. Исса в бассейне Великой; р. Плюсса в Верхнем Понеманье и р. Плюсса на Псковщине; р. Волма в Верхненеманском бассейне и р. Волма, приток Мсты; р. Россь, приток Немана, и р. Поросье в Южном Поильменье и т.п. Почти все перечисленные названия принадлежат к гидронимам балтского происхождения и приведены здесь в связи с тем, что славянские водные названия могут показаться менее авторитетными. Псковские и Новгородские земли до прихода славян были заняты западнофинским населением. Балтская гидронимия здесь была приносной и появилась, по всей видимости, в период славянского расселения, когда в потоке славян двигались и балты. Изолированный характер водных названий балтского происхождения свидетельствует в пользу последнего предположения."*² Предположение о балтском происхождении этих гидронимов более чем спорно. Так, например, реки Рось соответствует однокорневой гидроним близ Киева, куда балты явно не проникали. Кроме того, множественность этих названий, если принять точку зрения В.В. Седова, заставляет предположить участие в славянском переселении значительных масс балтов, сумевших на вновь освоенной территории не только дать свои названия рекам и озером, но и закрепить их в численно превосходящей славянской среде. Однако

¹ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, М., 1962. с.236.

² Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, М, 1970, с.108.

участие балтов в славянском освоении данного региона не подтверждается абсолютно никакими фактами. Тем не менее, отмеченное В.В.Седовым совпадение гидронимов междуречья Немана и Западного Буга с Новгородско - Псковской областью весьма показательно. Перенос гидронимов из одного региона в другой предполагает жизнь славян в районе Немана хотя бы в течении нескольких веков. Если бы славяне просто прошли междуречье Немана и Западного Буга, а не вели бы там оседлую жизнь на протяжении длительного периода, то подобный перенос был бы в принципе невозможен.

Таким образом, гипотеза о том, что культура штрихованной керамики/ знаковых пряслиц принадлежала балтам основывается лишь на длительности научной традиции, да более чем расплывчатых данных гидронимии, произвольно и предвзято истолкованных. Никакие точные научные факты данную гипотезу не подтверждают, а своеобразный характер данной культуры, достаточно сильно отделяющий ее от соседних однородных культур, имевших вероятно балтское происхождение, трупосожжение и более тщательный анализ гидронимов свидетельствуют скорее против этой гипотезы. Показательно, что к выводу о небалтской принадлежности культуры штрихованной керамики после всестороннего ее изучения памятников пришла и часть литовских археологов. Один из них, В.А.Ушинскас полагает, что балты впервые стали проникать на территорию интересующей нас культуры лишь с начала 1 тыс н.э. Он подчеркивает: *"Таким образом, культуру восточнолитовских курганов периода Великого переселения народов вполне корректно считать продуктом нескольких, хронологически близко связанных волн миграции, а исчезновение культуры штрихованной керамики объяснить уходом основной части ее носителей. Соответственно и роль культуры ШК в процессе этногенеза балтов следует признать весьма ограниченной."*¹ Итак, становится все более очевидным, что к балтам эта культура не имеет никакого отношения.

Но если культура штрихованной керамики не принадлежала балтам, то кто же ее оставил? Выше уже было приведено мнение П.Н. Третьякова, что эта культура была создана местным исконным населением, жившим в этом регионе еще до прихода балтов. Но кем было это население ученые не уточнил. А.Г. Ирининкас отнес носителей культуры штрихованной керамики к финно- уграм, однако это предположение не встретило никакой поддержки в научной среде. Наконец, в конце 70-х годов XX в. появилась гипотеза о славянском происхождении культуры штрихованной керамики.

Честь этого открытия принадлежит Д.А. Мачинскому, который в 1979 г. в докладе на кафедре археологии ЛГУ впервые выдвинул идею о праславянской принадлежности культуры штрихованной керамики. Эту перспективную идею поддержали историки В.А.Булкин, М.Б.Щукин, Г.С. Лебедев. К сожалению, сторонники данной концепции располагали более чем ограниченными возможностями ее пропаганды — доклады и статьи в малотиражных сборниках. Ни одного обобщающего коллективного труда, суммирующего все накопленные ими доказательства выпущено не было. В силу этого гипотеза о славянской принадлежности культуры штрихованной керамики/ знаковых пряслиц не получила должного распространения в научной среде и не стала предметом всестороннего рассмотрения и анализа.

Посмотрим, на чем основывается славянская гипотеза. Первым серьезным аргументом является "География" Клавдия Птолемея, написанная во II в.н.э. и содержащая древнейшее упоминание о славянах. Перечисляя населяющие Восточную Европу народы, географ пишет, что венеды живут вдоль Ведетского залива (Балтийского моря), ниже них, близ Карпат обитает множество других народов и в заключении отмечает: *"Восточнее названных, снова ниже венедов, суть галинды и судины и ставаны вплоть до аланов..."*² То, что по именам ставан (stavani) Птолемей поместил славян первым предположил Шафарик и его мнение разделяют такие ученые, как Шютте, Ловмяновский, В.В. Иванов и В.Н.Топоров. Скорее всего поздний переписчик "Географии" просто перепутал латинские t и l. Но где географически находились эти ставаны/ славяне? Ответ на этот вопрос дает В.А.Булкин. Отметив, что перечисление народов Птолемеем последовательно дает по речным путям, он пишет: *"Если балтийские племена галиндов и судинов - предков средневековых ятвягов локализовать в соответствии с данными более позднего времени в междуречье Вислы и Немана, а алан, ставших в I в.н.э. внушительной и грозной силой, от степей Приазовья до Поднепровья, то тогда территория обитания ставан должна приходиться на Центральную Беларусь и южную часть Верхнего Поднепровья, включая лесное и лесостепное пограничье."*

Завершение общей картины - поиск ставанам археологического эквивалента — на сегодняшний день не вызывает больших затруднений: для II века н.э. в выше ограниченном пространстве днепровско - неманского пути реальным претендентом на это соответствие может выступать прежде всего население КШК (культуры штрихованной керамики — М.А.) и отчасти культуры киевского типа.³

Кроме этого аргумента Д.А.Мачинский использует и ряд других. С одной стороны, он отмечает ряд поразительных совпадений в материальной культуре средневековых славян и культуры штрихованной керамики/ знаковых пряслиц: " Кроме того, соответствия в сведениях греко- латинских, славянских и арабских авторов о славянах вообще и славянах лесной зоны Восточной Европы в частности находят целый ряд характернейших черт поздней культуры. Сюда относится широкое распространение проса,

¹ Ушинскас В.А. Роль культуры штрихованной керамики в этногенезе балтов// Славяне. Этногенез и этническая история, Л., 1989, с.67.

² Свод древнейших письменных известий о славянах, т.1, М., 1994. с.51.

³ Булкин В.А. Мачинский, Ставаны, КШК и другие// Петербургский археологический вестник, 1993, №6, с.97.

доминирование в вооружении копий при отсутствии мечей и стрел, наличие скоплений обожженных и расколотых камней, говорящих об особом способе обогрева жилищ, и возможно, бань. Чрезвычайно любопытна такая устойчивая черта КШК, как отсутствие археологически уловимых погребений, при том, что, по косвенным данным, носители КШК все же употребляли какой-то способ кремации погребенного. Если вспомнить о том обряде погребения, который приписывают языческим славянам лесной зоны Повесть временных лет (положение сожженных костей в малый сосуд, ставящийся "на столпе на путях") и арабских авторов (захоронение остатков сожжения в урне или мешке, которые "ставят на холм"), то станет понятно, почему от подобных захоронений практически не осталось уловимых для археолога следов."¹ Достоверно славянская культура Прага — Корчак прямо из культуры штрихованной керамики не выводится, но по мнению Д.А.Мачинского, можно поставить вопрос об их генетической связи. С другой стороны, этот ученый подчеркивает и важное хронологическое совпадение в судьбах славянства и культуры штрихованной керамики: "Территория и время (VI век до н.э. — IV век н.э.) существования КШК, резкое прекращение ее развития в середине — II половине IV века, когда венеты сначала потерпели поражение от готов, а затем после разгрома готов гуннами, стали расселяться на юго-запад, делают весьма вероятной принадлежность КШК праславянам — венетам (ставанам)"². После готского нашествия и последующего переселения основной части населения культуры штрихованной керамики на юг происходит трансформация их культуры результатом чего становится пражская археологическая культура.

Насколько можно сейчас судить, культура штрихованной керамики/знаковых пряслиц была прародиной не всего славянства, а лишь части славянских племен. Тем не менее, она идеально соответствует некоторым данным о славянской прародине, выработанным современной наукой. Исходя из данных лингвистики Ф.П.Филин писал: "Прародина славян, по крайней мере в последние столетия их истории как единой этнической единицы, находилась в стороне от морей, гор и степей, в лесной полосе умеренной зоны, богатой озерами и болотами."³ Этому условию полностью отвечает территория культуры штрихованной керамики. Точно она соответствует и другому требованию, сформулированному П.Н.Третьяковым: "Славянская культура VI-VIII в.в. отличалась простотой и вместе с тем яркой самобытностью. Она не могла сложиться ни в среде черняховских, ни в среде близких им групп средневропейских племен, обитавших вдоль северных рубежей римских провинций... В славянской культуре VI-VIII в.в. нет никаких следов периферийно - римского, черняховского происхождения; она развивала совершенно иные традиции, чуждые населению римской периферии."⁴ В силу своего географического положения культура штрихованной керамики/знаковых пряслиц была ограждена от римских влияний. Следует привести мнение и выдающегося русского археолога И.И.Ляпушкина. На основании тщательного анализа материальной культуры славян и, в особенности, их жилищ, он пришел к выводу, что по соседству с лесостепной группой славянства (их "основной" прародиной), послужившей исходным материалом для великого расселения славян к югу, обитала их северная группа — лесная. И если вопрос об основной лесостепной прародине славян все еще остается открытым, то вторую, лесную славянскую прародину мы можем отождествить с культурой штрихованной керамики/знаковых пряслиц. Данное положение подтверждается и демографическим выводом, к которому несколько иным путем пришел Г.С.Лебедев: "Пражская культура (на Украине ее называют также корчакской) и производные от нее группы стремительно расширяют свой ареал. Это взрывообразное расширение невозможно объяснить иначе, чем постоянным притоком населения из лесной зоны, со славянской "прародины", центральная область которой с наибольшей долей вероятности может быть локализована в Припятском Полесье и севернее его, в гревнем ареале культур штрихованной керамики и милоградской, т.е. в Средней и Южной Белоруссии и северной части Украины."⁵

Кроме того, признание славянами населения культуры штрихованной керамики/знаковых пряслиц помогает объяснить две особенности, зафиксированные впоследствии у славян Восточной Европы. Во-первых, лингвисты и этнографы уже давно зафиксировали западнославянские черты у населения Псковской и Новгородской земель. Единственным их объяснением является тесные контакты предков кривичей и словен с предками западных славян. Однако население культуры штрихованной керамики, жившее в Средней Белоруссии и Восточной Литве не могло в той или иной форме не контактировать с предками будущих поляков, причем эти контакты были достаточно долгими, чтобы оставить свой глубокий след в языке и быте племен культуры штрихованной керамики/знаковых пряслиц. Во-вторых, это касается загадочного названия "Черная Русь", закрепившегося с XIV в., а может быть и ранее за небольшой территорией в бассейне Верхнего Немана. Некоторые ученые предполагали, что так назывались те восточнославянские земли, которые принадлежали Литве и Польше, а черный цвет указывал на состояние зависимости и угнетения. Однако в различные периоды Литве, а затем польско-литовскому государству

¹ Мачинский Д.А. Миграции славян в 1 тыс. н.э.// Формирование раннефеодальных славянских народностей, М., 1981, с.35.

² Там же, с.34.

³ Филин Ф.П. Образование языка восточных славян, М.-Л., 1962, с.122.

⁴ Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, М.-Л., 1966, с.248.

⁵ Лебедев Г.С. Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза// Славяне. Этногенез и этническая история, Л., 1989, с.112.

принадлежали многие восточнославянские земли, а интересное нас название применялось к очень ограниченной территории. Это заставило ученых предположить, что загадочное название было обусловлено какой-то более древней особенностью данной территории. М.К.Любавский и В.Б.Антоневич связали это название с племенем кривичей. По мнению В.И. Пичета "Черная Русь" — это особое этническое ядро в бассейне верхнего течения Немана, где встретились полоцкие кривичи, припятские дреговичи и литовцы. И.Д.Беляев связал это название с колонизацией земель дреговичей полочанами, а Е.Ф. Карский — с черными кафтанами жителей этих мест в отличие от белых одежд белорусов. Однако территория кривичей так же была гораздо больше "Черной Руси", а придумывать подобное название для места встречи и совместного жительства восточнославянских племен было бы странно. Практически все славянские племена на границах своего расселения смешивались друг с другом, но нигде эти места совместного проживания особо не назывались, а на значимость данной территории указывает включенное в ее название слово Русь. Таким образом, ни одно из предложенных объяснений не объясняет происхождение этого названия. Ответ, на мой взгляд, заключается в том, что территория "Черной Руси" частично совпадает с территорией культуры штрихованной керамики/ знаковых пряслиц. Весьма вероятно, что после готского нашествия, разрушавшего эту культуру, часть ее племен, к которым в первую очередь можно отнести предков кривичей, отошла к востоку бывшего ареала своей культуры и уже с этой территории начала свое дальнейшее продвижение на просторы Восточной Европы. В память об этом эта промежуточная территория и получила впоследствии название "Черная Русь".

Итак, мы видим, что археология при всем богатстве используемых ею методов исследования не может дать однозначного ответа об этнической принадлежности культуры штрихованной керамики/ знаковых пряслиц. Из двух существующих гипотез — балтской и славянской — на сегодняшний день более обоснованной является последняя, которая помимо многочисленных косвенных доказательств располагает и прямым свидетельством "Географии" Птолемея. Балтская же гипотеза базируется лишь на шатких данных гидронимии. Однако окончательно разрешить эту проблему этнической принадлежности мы можем лишь после рассмотрения письменности культуры знаковых пряслиц. Этот пример полезен еще и тем, что наглядно показывает всю пагубность и нелепость научных догм и предубеждений. Поскольку, согласно догматическому взгляду, письменности у этих племен в этот период в принципе не могло быть, то никто из исследовавших эту культуру ученых даже не обратил своего внимания на нанесенные на пряслица знаки, сходство которых с кириллицей прямо бросается в глаза. Между тем эти полностью проигнорированные археологами знаки могут пролить свет не только на принадлежность культуры штрихованной керамики/ знаковых пряслиц, но и на глобальные проблемы происхождения славян и возникновения славянской письменности. Рассмотрим теперь что же представляли собой эти знак, имеющие столь огромное значение.

Начать следует с обломка пряслица с городища Лабенщина (рис.22,2) Вся поверхность пряслица была разделена черточками на пять частей, в трех из которых сохранилось совершенно отчетливое изображение знаков И,И,Ч. То, что это не случайные знаки, доказывает фрагмент пряслица из городища Збаровичи, на котором нанесены те же знаки, правда более коряво (рис.22.3). Повторение знаков И и Ч на пряслицах в двух городищах свидетельствуют о достаточно распространенной традиции их использования, не ограниченной границами одного населенного пункта.

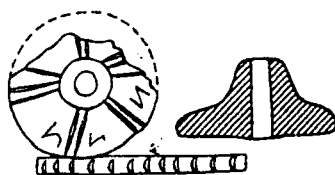

Рис. 22,2. Пряслице с Лабенщины с буквами И,И,Ч

Знак Ч встречается еще на одном пряслице с Лабенщины (рис. 22.4), где он соседствует с двумя непонятными знаками. Знак, который может быть интерпретирован как Ш, дважды встречается на пряслицах с городища Малышки (рис.22,5 и 6), и один раз на пряслице с Лабенщины (рис.22,7). Кроме того, на другом пряслице с городища Лабенщина встречается знак || (рис.22,8), известный в кириллице как "ща" или "шта". Но самым неожиданным стало то, что на одном из пряслиц с городища Малышки

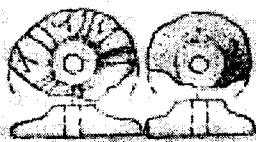

Рис.22.3. Пряслице с Збаровичи.

был изображен знак, в точности соответствующий букве А в кириллице (рис.22,9). Если буквы Ч и Ш являются исконно славянскими и нет ничего удивительного в их присутствии на пряслицах, то буква А, как единодушно полагают все специалисты, была заимствована в славянскую письменность из греческого алфавита и заимствование это произошло гораздо позднее гибели культуры штрихованной керамики/знаковых пряслиц.

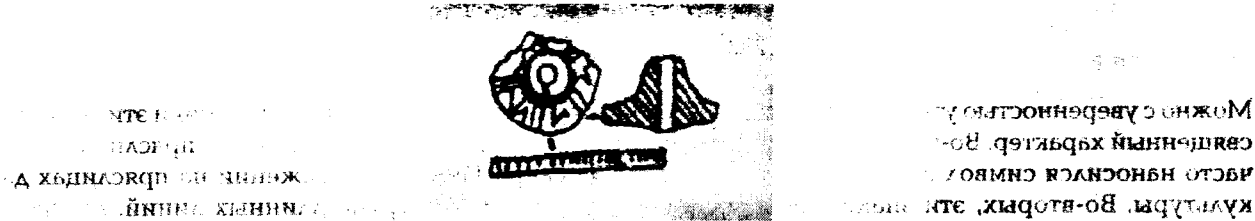

Рис.22.4. Пряслице с Лабенщины.

Следовательно, приходится предположить либо более ранние контакты населения этой культуры с греческой цивилизацией, либо самостоятельное происхождение и бытование этого знака у древнего населения Восточной Европы. Весьма интересны и другие знаки на этом пряслице. Можно предположить, что первый знак — это насколько небрежно нанесенная свастика. Вторая группа знаков интерпретации

Рис.22.5.и 22.6. Пряслица с Малышки.

пока не поддается. На третьем месте стоит знак А и, что особенно примечательно, рядом с ними вверху проведены две маленькие вертикальные линии, которые как в индийском брахми, так и в русской княжеской письменности обозначали именно звук "а". Помещение рядом двух знаков, обозначающих один и тот же звук в различных системах письма является более чем примечательным. Создается впечатление, что вырезавший на пряслице А человек для большей ясности приписал сверху старое обозначение этого звука. В четвертой группе знаков выделяется знак I, который в брахми и княжеской письменности

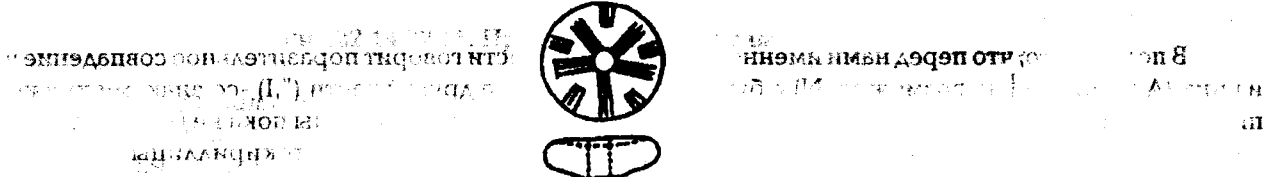

Рис.22.7. Пряслице с Лабенщины с Ш.

означал слог "на". Так же из Малышек исходит и другое пряслице (рис.22,10) на котором дважды изображен знак "— а" и знак, который может быть интерпретирован как N или Z. Повторное использование знака "а" из княжеской письменности указывает на то, что его применение не было случайным. Наконец, следует отметить пряслица или их фрагменты с городищ Лабенщина, Кимия, Збаровичи и Старорудицкое (рис.22, 11-15) с прочерченными на них линиями в отношении которых трудно сказать являются ли они собственно знаками или просто усложненным орнаментом.

Рис.22.8. Пряслице с Лабенщины с Щ.

Являются ли приведенные восемь знаков с пряслиц культуры штрихованной керамики знаками письменности или нет? Хотя пока не открыто ни одной надписи данной культуры на этот вопрос можно ответить положительно. Повторение знаков И, Ч, Ш, " на нескольких пряслицах предполагает не только их сознательное использование, но и закрепившееся начертание.

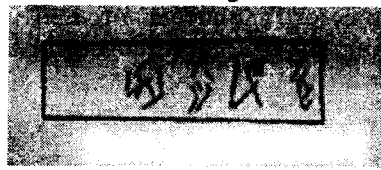

Рис.22.9. Пряслице с Мальшки с А.

Можно с уверенностью утверждать, что для населения культуры штрихованной керамики эти знаки носили священный характер. Во-первых, как уже отмечалось в начале главы, кроме знаков на пряслица достаточно часто наносился символ Вселенной что указывает на сакральность изображений на пряслицах данной культуры. Во-вторых, эти знаки почти всегда находились между групп длинных линий, делящих всю поверхность пряслица на несколько частей. Специалисты видят в этих линиях символ солнечных лучей: *"Некоторые орнаментальные мотивы дают возможность предполагать, что у племен культуры штрихованной керамики существовал весьма распространенный среди земледельческо - скотоводческих племен того времени культ солнца. По-видимому, отражением именно этого культа был орнамент на пряслицах в виде нарезных линий, лучеобразно расходящихся от центра отверстия."*¹ Но в этом случае логично предположить, что расположенные на пряслицах между лучами знаки являются знаками солнечного света. Разительную аналогию этого мы видим в Индии, где Ригведа неоднократно говорит о знаках солнца (1,50, 3; II, 11,6). Следовательно, и у славян, и у индийских Ариев знаки письменности имели солярный характер.

Рис.22.10. Пряслице с Мальшек.

В пользу того, что перед нами именно знаки письменности говорит поразительное совпадение части из них (А, И, Ч, Ш, Ц и, возможно, N) с буквами кириллицы, а другой части ("I) - со знаками княжеской письменности. В силу достаточно малого объема фактического материала мы пока не можем ответить на очень важный и принципиальный вопрос — представляли ли знаки протокириллицы и княжеской письменности единую систему письма или это были две системы, параллельно используемые населением культуры штрихованной керамики/ знаковых пряслиц. Весьма существенным фактом является эволюция начертания некоторых из этих букв в кириллице. Как единодушно полагают ученые, буква А в кириллице восходит к греческой букве альфа, чье начертание было несколько видоизменено. Однако в древнейшем произведении, посвященном славянской письменности — труде Черноризца Храбра — присутствует неожиданное противопоставление этих двух букв. В связи с этим Истрин отмечает: *"В "Сказании" Храбра есть противопоставление славянской "аз" и греческой "альфы". Вероятно это относится к названию, но возможно и к первоначальной форме "аз."*² Об этой форме В.Н. Щепкин пишет так: "Исходя из этих дан-

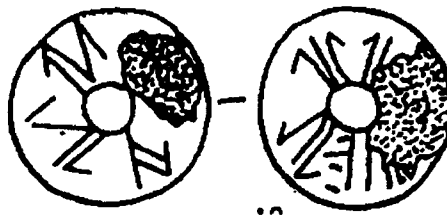

Рис.22.11 Пряслице с непонятными знаками.

¹ Очерки по археологии Белоруссии, ч.1, Минск, 1970, с.209-210.

² Истрин В.А. Возникновение и развитие письма. М., 1965. с.419.

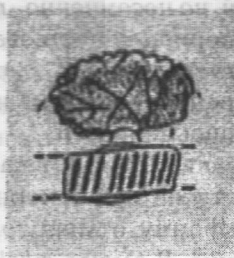

Рис. 22.12. Пряслице с непонятными знаками.

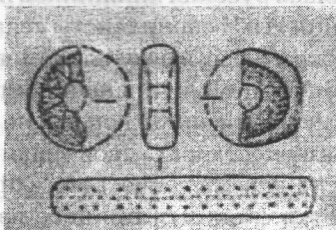

Рис. 22.13. Пряслице с непонятными знаками.

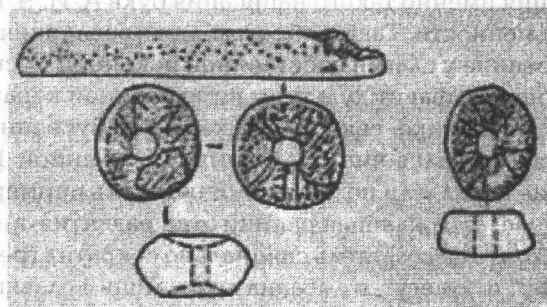

Рис. 22.14, 22.15. Пряслица с непонятными знаками.

ных, можно утверждать, что первоначальная, до нас не дошедшая, кириллица имела следующие особенности: 1) Буква "а" имела маленькую трехугольную головку, а спинку наклоненную влево. Написью Самуила, Саввина книга, а иногда и Супрасльская рукопись имеют эту черту. Русские датированные рукописи XI века этой черты не имеют.¹ К аналогичному выводу пришел и Е. Ф. Карский, подчеркнувший, что древнейшее начертание этой буквы в виде Δ встречается в некоторых южнославянских памятниках, а на Руси единственный случай ее использования — это подпись Анны Ярославны². Следовательно, хотя изначально правильное начертание буквы "аз" было известно на Руси, но с момента распространения там кириллицы оно немедленно изменяется и приобретает форму гораздо более близкую начертанию с пряслица культуры штрихованной керамики/ знаковых пряслиц, чем той форме, которую предусмотрел для нее создатель кириллицы.

Звук "и" и соответствующая ему буква "иже" в древнейших памятниках кириллицы имела форму м Н, что было обусловлено прямым заимствованием этой буквы из греческого алфавита. Однако постепенно ее начертание меняется и привычный для нас вид "и" закрепляется в русской письменности с XV в. Обычно это объясняется югославским влиянием. Однако исследователи констатируют: "И с косой линией часто употребляется рядом с Н, имеющим прямую линию; мы можем отметить такое "и" уже в памятниках XIII века..."³ Значит, трансформация этой буквы на Руси начинается за два века до югославского влияния.

Наконец, в древнейших памятниках кириллицы, буква "червь" изображалась как правило, с округлыми очертаниями в чашеобразной симметричной форме Ч, что Е. Ф. Карский объясняет влиянием особого знака для 90 в греческом алфавите — коппы. Однако для обозначения этого числа, готы заимствуют у славян в IV в. односторонне Ч, идентичное его обозначению на пряслицах культуры штрихованной керамики и привычному для нас начертанию данной буквы, утвердившемуся в русской письменности так же с XV в., что вновь объясняется югославским влиянием. Но одностороннее написание буквы Ч встречается уже в древнейших памятниках русской письменности, а как минимум с XIII в. оба

¹ Щепкин В. Н. Русская палеография, М., 1967, с. 109.

² Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография, М., 1979, с. 181.

³ Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография, М., 1979, с. 192.

варианта существуют параллельно: "Начертание, очень близкое к такому Ч, И. Срезневский отмечает уже в мине 1097 г., правда единственный случай, но несомненно, такое Ч встречается в памятниках конца XIII века..."¹ Следует отметить, что в этот же период существовал и третий вариант написания Ч: "Иногда в рукописях XIII в. буквы М и У покрываются чертой: РѸ".² Эту же особенность написания Ч отмечал и В. Н. Щепкин. Возможно, что подобный странный вариант начертания объясняется особенностями написания этого знака как Ч в княжеской письменности.

Итак, в написании всех трех букв (буква Ш не имела греческого прототипа и ее начертание практически не менялось) мы видим одну и ту же закономерность. В первоначальной кириллице из-за сильного греческого влияния все они имели форму, отличную от современной. Но, попадая на русскую почву, эти три буквы меняют свое начертание. В случае с "а" это происходит немедленно, для Ч этот процесс начинается с конца XI в, для "и" — с XIII столетия. Однако должна была существовать какая-то достаточно серьезная причина, заставлявшая русских книжников изменять начертания букв кириллицы, установленных ее создателем. В отношении И и Ч специалисты связывают эти изменения с югославским влиянием. Но влияние это происходило уже в XV в., в результате чего современные варианты начертания становятся господствующими, а сам процесс изменения начинается двумя-четырьмя веками раньше. Открытие знаков на пряслицах культуры штрихованной керамики позволяет по-новому подойти к этому вопросу. Если у славян еще до нашей эры существовала своя традиция начертания ряда знаков, то после распространения кириллицы, созданной на основе греческого алфавита и находившейся под сильным влиянием греческой графики, начинается сложный процесс взаимодействия. Процесс этот, когда немедленно, а когда в течении нескольких веков, завершается победой тех вариантов начертания всех без исключения букв о которых мы можем судить, которые были свойственны культуре штрихованной керамики/ знаковых пряслиц, а не первоначальной кириллице, освященной авторитетом церкви. Но подобное могло произойти только в одном случае: если у славян еще до создания кириллицы существовала длительная многовековая традиция именно такого написания букв А, И, Ч, Ш, которая в конечном итоге закрепились в современной письменности. Таким образом, даже эволюция написания отдельных букв в кириллице доказывает существование у славян собственной исконной письменности.

К сожалению, до нас не дошел алфавит культуры штрихованной керамики/ знаковых пряслиц, ни русской княжеской письменности. Однако, священный характер буквенных знаков на пряслицах, тот факт, что кроме букв на них изображался числовой символ Вселенной 108, некоторые особенности развития кириллицы и индийские параллели позволяют определить примерное количество знаков. Так, азбука Софийского собора в Киеве, отражающая ранний этап развития кириллицы, состоит из 27 букв — 23 греческих и 4 славянских. То, что ее создатель специально сократил греческий алфавит до 23 знаков, оставив в начале и в конце "альфу" и "омегу", и добавил всего лишь 4 славянские буквы (Б, Ж, Ш, Щ) и не присоединил к ним точно существовавшую в это время букву Ч указывает на то, что он стремился остаться в рамках определенных числовых параметров, непременно хотел, чтобы число знаков было равно 27. Это число составляет четверть от числа 108, получающееся от перемножения друг на друга всех шести цифр, составляющих треугольник. Подобное стремление понятно. Если письменность стремиться описать и отобразить все существующее во Вселенной, то число ее священных знаков обязательно должно тем или иным образом соответствовать 108 — числовому символу этой Вселенной.

Сколько букв насчитывала азбука, созданная Кириллом, мы не знаем. В более поздний период кириллица состояла из 43 букв. Данное число никакого отношения к 108 не имеет и получилось, вероятно, в результате неконтролируемого увеличения букв, стихийно добавлявшихся к первоначальной азбуке поздними авторами. Однако азбука кириллицы в том виде, в каком ее привел в X в. Черноризец Храбр, состоит из 38 букв и такое же их количество дает так называемый "Мюнхенский абецедариум". Это позволяет специалистам предположить что и наиболее древняя азбука кириллицы тоже состояла из 38 знаков. Из них 24 буквы были греческие, а 14 — "по славянской речи". Однако 14- это сумма сложенных между собой шести цифр магического треугольника.

Богатую информацию для наблюдения дают нам азбуки на берестяных грамотах из Новгорода. Всего найдено шесть таких азбук. Самая древняя из них (№ 591) датируется XI в. и состоит из 32 знаков. Следующая азбука XII в. (№ 460) насчитывает 34 буквы, из которых 12 славянских. Но 12 — это одна девятая часть от 108. Наконец, три азбуки XIII в. (№ 199, 201, 205) и одна азбука XIV в. состоят из 36 букв, в том числе 14 славянских. О значении числа 14 уже говорилось, а 36 — это треть от 108. В. А. Янин и С. А. Высоцкий совершенно справедливо считают, что наличие на Руси этих неполных азбук одновременно с существованием полной азбуки кириллицы из 43 букв является отражением процессов формирования письменности в дохристианский период. Только так можно объяснить различие числа букв. В результате новгородских раскопок стало очевидно, что наиболее распространенное количество букв — 36. Именно столько насчитывают четыре из шести новгородских азбук на бересте. Не менее наглядно связь этого числа со священным символом Вселенной 108. Точный аналог этому количеству знаков алфавита мы видим в Индии и Иране. Индийский алфавит брахми состоял равно из 36 знаков: 4 знака обозначали гласные, 31 знак — слоги и один специальный знак — анусвара - указывал на носовое произношение конечной

¹ Там же, с. 202.

² Черепнин Л. Ф., Чаев Н. С. Русская палеография, М., 1946, с. 139.

согласной. Древнеперсидский алфавит состоял из 3 знаков для изолированных гласных, 33 слоговых знаков и 4 логограмм, обозначающих отдельные понятия — "страна", "земля", "царь", "бог". Если не считать логограммы, обозначающие целые слова, то персидская клинопись так же состояла ровно из 36 знаков. Таким образом, с достаточной долей уверенности можно предположить, что и индоевропейская, и древнейшая русская письменность состояли из 36 священных знаков.

Остается ответить на последний вопрос: кому, славянам или балтам, принадлежали эти знаки письменности на пряслицах? В пользу их славянской принадлежности говорит как их полное совпадение со знаками исконной русской княжеской письменности и буквами кириллицы, так и прослеженная эволюция начертания данных букв в кириллице. Надежным показателем является присутствие букв Ч и Ш, свойственных только славянской речи. Если же предположить, что эти буквы оставили балты, то получается довольно странная картина. Наука не располагает ни одним доказательством существования у балтийских племен какой-либо собственной письменности. В отличие от славян, вопрос о наличии у балтов дохристианской письменности даже не стоит. Допустив, что знаки на пряслицах принадлежат балтам, надо будет признать, что после того, как славяне целиком заимствовали у них ту письменность, а готы — знак Ч, балты полностью забывают свою письменность, а славяне ее активно используют. Гипотеза абсолютно неправдоподобная. Против балтов свидетельствует и отмеченная выше тесная связь знаков на пряслицах с культом Солнца. В то время как русы считали себя потомками Даждьбога - Солнца, а поклонение славян этому светилу надежно засвидетельствовано многими источниками, балты считали себя потомками месяца и, соответственно, поклонялись в первую очередь ему. Месяц олицетворял у балтов мужское начало, а солнце — женское. Хоть пряслица и были женскими орудиями, но в условиях господства у племен культуры штрихованной керамики/ знаковых пряслиц развитого патриархата невозможно предположить чтобы столь важные знания как числовой символ Вселенной и священные знаки солнечного света принадлежали исключительно женщинам. Это знание было достоянием всего племени и все племя, а в первую очередь мужская его половина, признавала солнечный характер этих знаков. Кроме того, обряд трупосожжения неизбежно предполагает культ солнца у всего населения данной культуры.

Знаки на пряслицах являются прямым доказательством как древности славянской письменности, так и принадлежности культуры штрихованной керамики славянам, что подтверждается и другими данными. Можно предположить, что племена этой культуры являются прямыми предками кривичей, дреговичей и, возможно, радимичей и вятичей. Достаточно рано оторвавшись от основной массы праславян, они продвинулись в леса и оказались в полном или частичном окружении балтских племен, образовав меньшую славянскую прародину. Просуществовав почти тысячу лет, их культура была уничтожена готским нашествием, после чего на ее территорию начинают проникать литовские племена. В результате этого основная часть населения культуры штрихованной керамики/ знаковых пряслиц отступает на юг, где и соединяется с основной массой славянства и вместе с ней участвует в походах на Византию, а другая часть населения этой культуры движется непосредственно на восток, занимая большую часть территории летописных кривичей. Поскольку далеко не всем славянским племенам удастся перейти Дунай и закрепиться на Балканском полуострове, часть ушедших на юг потомков культуры штрихованной керамики / знаковых пряслиц возвращается на свою бывшую прародину и расселяется на просторах Восточной Европы. Так в общих чертах можно реконструировать историческую судьбу данной культуры. Хоть меньшую или лесную славянскую прародину удалось определить на основании косвенных археологических данных, но огромную роль в подтверждение данной гипотезы играют прямые доказательства: "География" Птолемея и высеченные на пряслицах знаки письменности.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Восточная Европа

А.А. Власов "Жоантис" 1980

В.И. Яковлев "Пятис"

В.И. Яковлев "Пятис"

В.И. Яковлев "Пятис"

В.И. Яковлев "Пятис"

В.И. Яковлев "Пятис"

В.И. Яковлев "Пятис"

В.И. Яковлев "Пятис"

В.И. Яковлев "Пятис"

В.И. Яковлев "Пятис"

В.И. Яковлев "Пятис"

В.И. Яковлев "Пятис"

В.И. Яковлев "Пятис"

В.И. Яковлев "Пятис"

В.И. Яковлев "Пятис"

В.И. Яковлев "Пятис"

В.И. Яковлев "Пятис"

Глава 7

ПИСЬМЕННОСТЬ БЫЛА СЛИШКОМ МНОГО!

Как явствует из материалов пятой главы, памятники "княжеской" или исконно русской письменности встречаются нам на обширных территориях Древней Руси. Но изучая факты, мы с удивлением приходим к выводу, что она была далеко не единственной письменностью восточных славян до распространения кириллицы. Выше уже приводилось мнение о возможности существования в Древней Руси двух - трех независимых друг от друга центров зарождения письменности. Оно подтверждается археологическими находками, которые указывают на то, что до введения христианства и распространения кириллицы если не у всех, то по крайней мере у некоторых восточнославянских племен (точнее союзов племен) зародилась собственная оригинальная письменность. Учеными был обнаружен целый ряд надписей, о которых мы практически с полной уверенностью можем утверждать, что они славянские. К сожалению, их найдено пока немного, в едином издании они никогда не приводились, что существенно затрудняет их изучение, и, несмотря на несколько попыток, оказавшихся неудачными, так и остались непереуверенными. Поскольку после начала применения кириллицы они возникнуть не могли, время зарождения всех этих письменностей следует отнести к языческому периоду. Хотя все они по сей день так и продолжают оставаться нерасшифрованным, я счел необходимым включить их в эту книгу, чтобы создать, насколько это возможно, максимально полную картину зарождения письменности у нашего народа в древнейший период.

Неизбежно возникает вопрос: как соотносились описанные ниже письменности с княжеской? Для ответа на этот вопрос у нас крайне мало фактического материала, хотя не исключено, что княжеская была, в силу своего возможного индоевропейского происхождения и особой, порождающей уважение, древности (и, не исключено, сакральности), письменностью правящей элиты различных славянских племен — князей и волхвов, в то время как собранные в этой главе надписи были местной письменностью отдельных племен. Предположение это основывается на том, что памятники исконной русской письменности встречаются на значительной части Руси, не ограничиваясь пределами какого-нибудь одного племени, а описываемые здесь надписи различаются от племени к племени. Однако, повторю еще раз: это всего лишь гипотеза и для окончательного решения этого и многих других вопросов требуется гораздо больше фактического материала по сравнению с тем, что находится в нашем распоряжении в данный момент. Но и эти немногие надписи, доказывающие существование письменности, имеют огромную ценность для русской истории, являясь ее неотъемлемой частью.

Начать их описание я хотел бы с замечательного открытия, сделанного выдающимся русским археологом В.А. Городовцевым в 1897 г. Раскапывая погребение на дюне "могилок" близ села Алеканова Муромской волости Рязанской губернии, он нашел там глиняный сосуд, покрытый сомкнутой круговой строкой хорошо сохранившейся загадочных знаков (рис.23). Глина этого сосуда была плохо промешана, обжиг слабый, орнамент шел только по бережку горла. Само погребение по всем признакам (и особенно по 6 височным кольцам, являющихся характерной особенностью) было славянским и датировалось самим ученым X-XI веком. Аргументируя славянскую принадлежность сосуда, а значит и надписи, Городовцев высказал следующее ценное соображение: *"Вся совокупность приведенных фактов приводит к заключению, что глиняный сосуд с загадочными знаками принадлежит к памятникам X-XI века и славянской или славяно-русской народности."*

Выше было замечено, что сосуд оказался слабо обожженным. Такой признак может указывать на то, что сосуд изготовлялся наспех, специально по случаю похорон, а если это было так, то изготовление его должно быть местное, домашнее, а следовательно и знаки на сосудах сделаны своим местным или домашним писцом, т.е. славянином.¹ Из этого вытекает, что и сама надпись была как-то связана с

¹ Археологические известия и заметки, издаваемые императорским Московским Археологическим обществом, 1897, №12, с.388.

погребальным обрядом. Также Городовцев предположил, что три крупные точки в надписи являются знаками препинания и, возможно, отделяют одно слово от другого. Обращает на себя внимание странные формы крестов и четырежды изображенный в различных вариантах знак λ .

Городовцев продолжал раскопки на этом месте и в 1898 г. нашел там еще два обломка глиняной посуды с загадочными знаками (рис. 24-25). На первом обломке знаки располагались на шейке сосуда, на втором — вероятно на боковых стенках погребального сосуда. Смысл их также оставался непонятен, но Городовцев обратил внимание на определенное сходство знаков 2 и 3 рис. 21 со знаками 1 и 13 основной надписи.¹ По тем же причинам ученый отнес и эти знаки к славянским и заключил, что теперь в распоряжении у нас имеется 14 букв или знаков неизвестного письма.

Все ученые единодушно согласились со славянской принадлежностью обнаруженных надписей и в науку они вошли под не совсем удачным названием "алекановские руны". Особенная важность их состоит в том, что они являются тем редким вещественным доказательством существования на Руси своей особой письменности, подлинность которых не ставится под сомнение ни одним специалистом. Это — абсолютно бесспорное свидетельство. Естественно, отечественные и зарубежные норманисты немедленно попробовали отождествить алекановскую надпись со скандинавскими рунами и использовать в качестве доказательства своей теории. Однако вскоре все были вынуждены признать, что ничего общего между ними нет. Единственную, насколько мне известно, попытку перевода предпринял польский профессор И. Лециевский, используя локальные варианты скандинавских рун. "Читая" надпись на алекановском сосуде справа налево, переворачивая, дополняя и расчленяя ее знаки по собственному усмотрению и используя, когда знак уж не поддавался вообще никакой натяжке, свое богатое воображение он получил следующий текст: "Ум/ершему /малу ставих нуж/г/ая", что по его толкованию следует понимать как

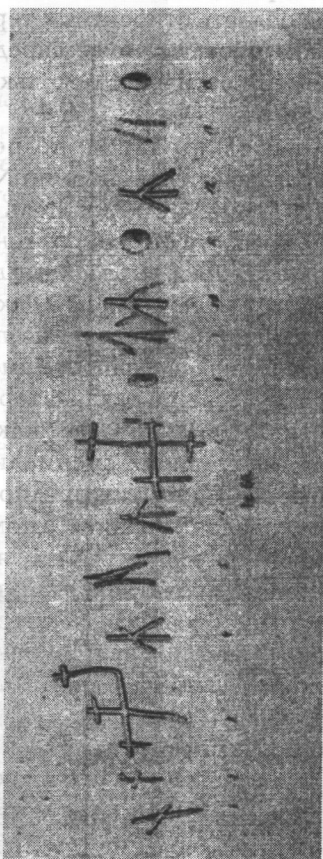

Рис. 23. Алекановская надпись.

¹ Археологические известия и заметки, 1898, № 11-12.

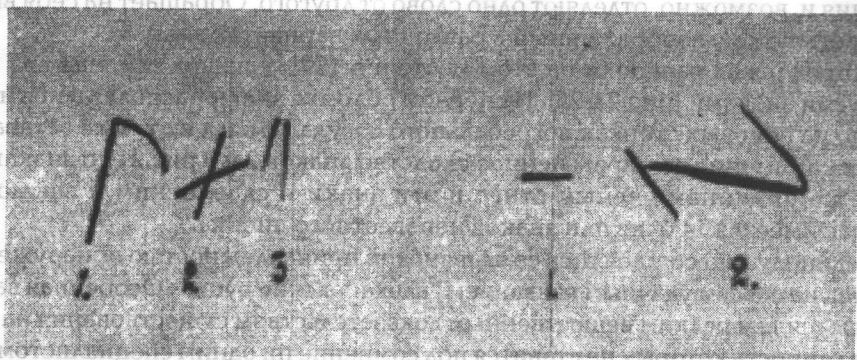

Рис.24,25. Обломки с этими же знаками.

"Умершему мальчику ставил я несчастный." Крайне слабое соответствие этого текста древнерусской грамматике и еще более сомнительная методика "перевода" привело к тому, что весь научный мир отверг попытку перевода Лециевского как совершенно недостоверную. Других попыток не предпринималось и обнаруженная В.А.Городовцевым надпись так и осталась нерасшифрованной.

Как уже отмечалось, знак, похожий на крест, в ней достаточно странной формы и с ним более или менее схожи два граффити на арабских монетах. На дирхеме Аббасидов 911-912 г (мон.7), найденном в киевском некрополе, погребение №110, процарапан знак $\frac{+}{\text{ш}}$. А на найденном в Швеции (о.Готланд) византийском милиарии 945-959 г.г. изображен знак $\frac{+}{\text{ш}}$ (мон. 361) Нельзя с абсолютной уверенностью утверждать, что эти знаки родственны алектановским, но и пренебрегать подобной возможностью также не следует.

Поскольку современная Рязанская область относится к территории первоначального расселения вятичей, то мы, в качестве предварительной гипотезы, можем предположить, что найденная алектановская надпись может быть письменностью племени вятичей. Насколько верна эта догадка станет ясно только после последующих находок подобного рода.

Другое крупное открытие было сделано также до революции видным археологом Д.Я. Самоквасовым. Раскапывая близ Чернигова языческий курган №2 (так он отмечает в своих заметках), бывший высотой в 10, а окружностью в 100 аршин, исследователь обнаружил в нем любопытный предмет (рис.26), который сам он описывает так: "Часть утолщенного конца ребра барана, срезанная сверху для образования гладкой поверхности, на которой видны вырезанный вилообразный овал, черта, разделяющая этот овал в направлении сверху вниз, а между этою чертою и боковыми чертами овала помещаются два ряда знаков в направлении сверху вниз; знаки состоят из прямых резов, по всей вероятности, представляют собою русское письмо X столетия, на которое имеются указания в источниках."²

То, что найденный предмет имеет искусственный характер — однозначно и поэтому большинство специалистов согласилось с его трактовкой Самоквасовым как древнерусской письменности. Ввиду единичности подобной находки никто из крупных специалистов за расшифровку ее не брался. Единственную (опять-таки из известных мне) попытку предпринял молодой историк Н.В.Энговатов, который одному ему понятным способом перевел надпись с помощью глаголицы (которая имеет с ней крайне мало общего), получив следующее выражение: "А ему яти туура" ("А ему взять двух туров") и подпись "Ягърбунь".³ Все это объяснялось Энговатовым как письменное оформление посмертного жертвоприношения, сопровождавшееся подписью дарителя. Не говоря уж об отсутствии подобного имени в Древней Руси, крайне низкая вероятность создания подобной надписи в ту эпоху и более чем спорный вопрос перевода делает его весьма сомнительным. Не удивительно, что попытка Энговатова не нашла поддержки в научных кругах и вскоре была забыта.

Возможно, подобной письменностью была сделана надпись на так называемом "камне с подковой" (рис. 27). Оговорюсь сразу, что утверждать что знаки на камне — это письменность, я не могу. Камень этот был найден в 1835 г. Ф.Н.Глинкой у села Кузнецова Бежецкого уезда неподалеку от Твери и был передан в музей этого города. Мнения ученых разделились: часть их считали это изображение древнерусской письменностью (немецкий ученый Финн — Магнусен толкуя его как сложные скандинавские руны "перевел" его как "Иварови (или Ингварови, Игореве) взять", т.е. поставлен, воздвигнут(?), но подобная тенденциозная трактовка была единодушно отвергнута специалистами). Другие, как, например, граф А.С.Уваров, отрицали что на камне вообще есть какая-то надпись, а линии на нем считали игрой природы. Однако, обследования камня современными учеными не проводилось и, в силу этого, окончательного заключения вынести невозможно. Я все же решил поместить его сюда по двум причинам: 1) изображение подковы на камне явно искусственного происхождения и 2) как и в находке Самоквасова, две горизонтальные параллельные линии, которые

¹ Древности. Труды Московского археологического об-ва, М., 1901. т.XIX, вып.II, с.52.

² Самоквасов Д.Я. Раскопки северянских курганов во время XIV археологического съезда, М., 1916. с.11.

³ "Огонек", 1960, №19, с.26.

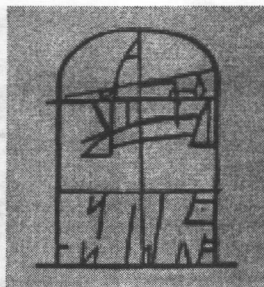

Рис. 26. Надпись на ребре барана.

едва ли могли образоваться случайно, делят всю поверхность камня на три части. Последнее обстоятельство роднит обе находки и дало основание поместить их описания вместе.

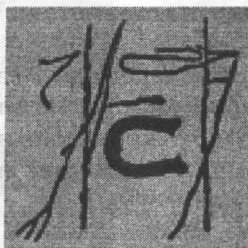

Рис. 27. "Камень с подковой."

Следующая находка была сделана в Псковской области при раскопках славянского городища Камно (рис. 28). Вот что сообщает нам о ней занимавшаяся обследованием этого места С.А. Тараканова: *"Наконец, на одной каменной литейной формочке, предназначенной для отливки четырехугольных бляшек (плитка найдена в третьем пласте культурного слоя), имеются резные загадочные знаки, состоящие из ломанных линий, соединенных в различные комбинации."*¹ Археологи вполне допускают, что это знаки какой-то письменности. Если это так, то значит и кривичи, на территории расселения которых находилось это городище, также имели свои письмена.

Сравнительно недавно, в 1989 г. при раскопках в Старой Русе под руководством В.Г. Митрофанова была найдена берестяная грамота с непонятными знаками (рис. 29). Все попытки соотнести их с скандинавскими рунами и таким образом перевести не дали никакого результата.²

Отчасти это напоминает случай с находкой, сделанной в 1956 г. во время раскопок Неревского конца Новгорода. Тогда в слое, датируемом первой четвертью XI в. (по дендрохронологии 1006 — 1025 гг.) был

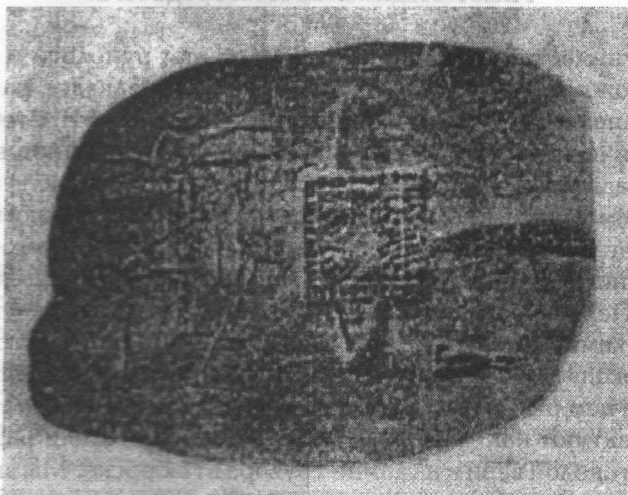

Рис. 28. Знаки на литейной формочке из Камно.

¹ По следам древних культур. Древняя Русь, М., 1953, с.210.

² Новгород и новгородская земля, вып.6, Новгород, 1992, с.8.

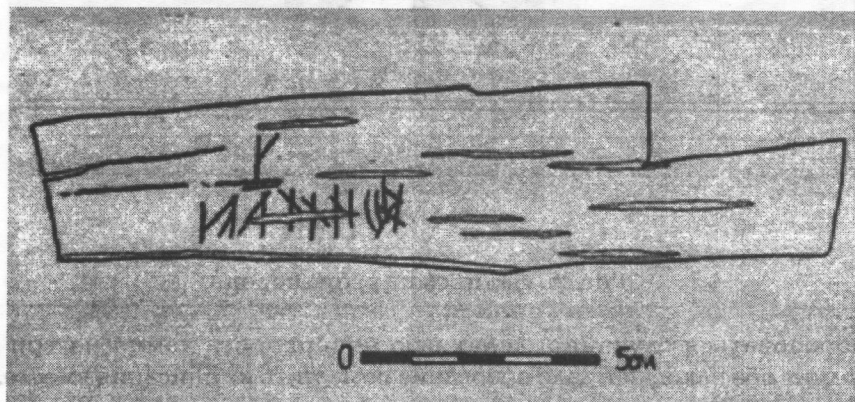

Рис. 29. Берестяная грамота из Старой Русы.

найден обломок ребра коровы с загадочной надписью из 35 знаков, расположенной в 2,5 строки справа от геометрической фигуры в виде конверта (рис. 30.) Надпись была вырезана на кости концом ножа. Некоторые знаки этой загадочной надписи похожи на скандинавские и тюркские руны, знаки исконной русской письменности, буквы кириллицы, но большинство знаков не имеет аналогий. Первоначально

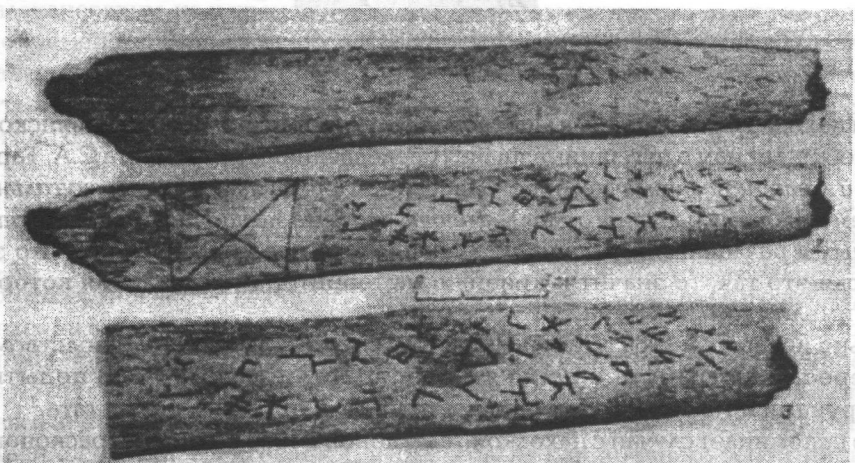
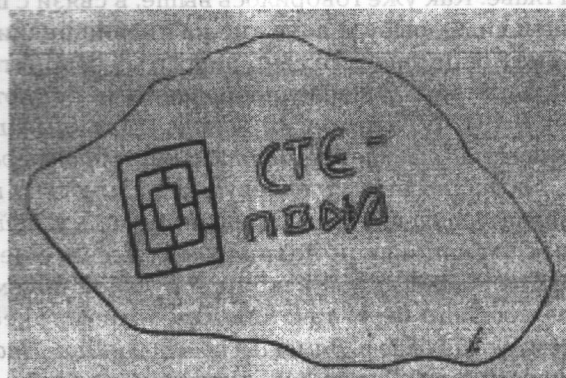

Рис.31. Надпись из Новгорода XI в.

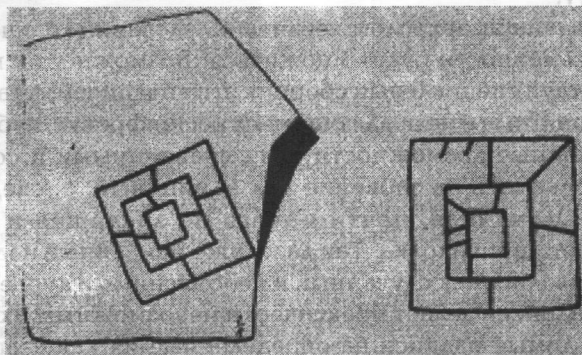
предположили, что это руническая надпись, но специалисты рунологи и тюркологи категорически отрицают подобную возможность. Опубликовавший ее А.Ф.Медведев рассматривает ее в качестве рунической тайнописи¹, однако такой крупнейший специалист как М.И. Стеблин - Каминский полагает, что она не похожа на руническую тайнопись. Наконец, Г.Ф. Турчанинов выдвинул гипотезу, что эта загадочная новгородская надпись представляет собой слоговую славянскую тайнопись.

Следующую группу памятников я не решаюсь однозначно отнести к письменности, хотя возможность этого безусловно существует. Все они находятся на грани письменности и чего-то еще. Несомненно можно утверждать лишь одно: все они результат человеческих рук и в них вкладывался какой-то смысл. Создателями их можно считать славян. Первую группу составляют непонятные знаки — три вписанных друг в друга квадрата — высеченные на камне (рис. 31). До революции было обнаружено три таких памятника. Первый в 1835 г. у села Кузнецова Бежецкого уезда нашел уже упоминавшийся Ф.Н.Глинка неподалеку от описанного выше камня с подковой. На нем рядом с четырехугольниками было высечено достаточно странное слово, которое исследователи трактуют как "Степана". Вскоре исследователи разыскали еще два подобных изображения: у села Тутани около Твери и на камне Трувора в Изборске. Мы видим, что непонятная форма была весьма устойчива и распространена на достаточно большие расстояния — от Изборска до Твери. Очевидно, что символ трех прямоугольников друг в друге обладал для их создателей каким-то смыслом, непонятным нам — в противном случае они не стали бы тратить свое время и силы на то, чтобы их высечь на камне. Возможно, что это как-то связано с представлениями о мире: четверка у многих народов, в том числе и у славян, была цифровым символом земли, горизонтальной плоскости, а по вертикали весь мир делился на три части. Семерка, их сумма, была символом вселенной. Быть может, изображения на камнях

¹ Славяне и Русь, М., 1968, с.439.

1

2

3

Рис.31. Квадраты на камне.

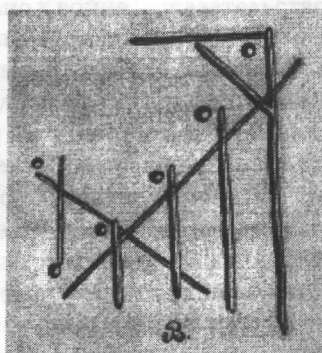

Рис.32. Знаки из Ольшанского городища.

связано именно с этим и тогда перед нами символическое изображение мира. Что касается черт, соединяющих изнутри эти квадраты, то они на каждом камне расположены по разному и открывают простор для самых разнообразных догадок. Что это: буквы, цифры, какой-то шифр? Неизвестно.

Ко второй группе можно отнести непонятные знаки на камнях, обнаруженных группой археологов, ведших разведку Ольшанского городища на берегу реки Тихой Сосны. По словам С.Замятина, описавшего итоги экспедиции ¹, местные крестьяне, говоря о начертаниях на камнях, определенно указывали на "надписи" и на "цифры", не смешивая эти понятия. Следует это понимать как то, что еще в двадцатых годах нашего века некоторые крестьяне умели читать непонятные надписи? В своей статье Замятин приводит всего лишь одно изображение на рамке (рис. 32), не указывая, к сожалению, "надпись" это или "цифра", Ясно лишь одно: в изображении черт и кружков присутствует какая-то закономерность.

Следующую группу составляют памятники, упоминания о которых встречаются в научной литературе, но рисунки или фотографии которых мне, к сожалению так и не удалось разыскать. Однако эти надписи существуют и, по всей видимости, также являются славянскими, что и дало основание

¹ Воронежский историко-археологический вестник, 1921, вып.2, с.37.

поместить их перечень в этой главе. Как уже говорилось выше, в связи с пневищинским камнем, где-то на мурманском берегу Соловцев видел рыбу и похожие на пневищинские знаки. Раммель, вероятно в прошлом веке, близ Словенска на Донце нашел камень, покрытый непонятными надписями (указания об этом содержатся в статье Е.М. Эпштейна)¹. Нерасшифрованными остаются знаки и у входа в пещеру около города Рыльска (там же). В 1947 г. Арциховский писал: "Дважды в тверских курганах встречены медные бляхи с непонятными значками, явно не орнаментального характера, по-видимому буквами. Буквы эти частично повторяются, частично нет. Древнерусские языческие надписи пока не могут быть прочитаны. Около Рязани на земле вятичей, в бескурганной могиле X в. найден глиняный сосуд с похожей надписью."² Если это так, то к алекановской надписи мы имеем еще два новых памятника этой письменности. О надписи, возможно сделанной исконной русской письменностью и хранившейся до революции в Тверском музее, сказано было так: "Между археологическими находками интересен найденный двенадцать лет тому назад близ г. Замощья крестьянином Ивановым камень с высеченными на нем знаками на подобие кочережек, вил, костылей с крюками на верху, презубцев и серпов."³ В своей статье Б.А. Рыбаков упоминает о короткой строке на одном курганном сосуде из Тверского музея и о найденных в кургане около села Загорья (близ г. Корчева на Волге) двух брактеатах с одинаковой загадочной надписью по кругу.⁴

Уверен, что по мере дальнейших археологических исследований количество найденных памятников русской дохристианской письменности будет множиться. Возможно, их количество было бы гораздо большим уже и сейчас, существовал специальный сборник этих надписей. А так даже уже найденные знаки классифицировались как непонятные и не поддающимися расшифровке, публиковались, в лучшем случае, в отчете о раскопках и, лишённые возможности быть сравненными и соотнесенными с подобными знаками, автоматически обрекались на забвение как единичный, а, следовательно, и не имеющего большого значения факт. Случайная, почти ничего не значащая и поэтому не поддающаяся удовлетворительной интерпретации находка. Так даже уже найденные надписи фактически выпали из научного оборота и рассматривались как случайный и необъяснимый курьез. А отсутствие возможности для сравнения однотипных надписей делает практически невозможным их расшифровку. А это, в свою очередь обрекает вновь находимые надписи на определенные их как "загадочных и не поддающихся расшифровке знаков" и автоматическое забвение. Круг замкнулся. Даже относительно немногочисленным надписям, найденным благодаря археологическим раскопкам, не придается должного значения и они не систематизируются, что самым существенным образом препятствует их расшифровке, без чего на них так и не будут обращать должного внимания. Существовал у нас правильный учет найденных нерасшифрованных надписей, то скорее всего, число памятников оригинальной русской докириллической письменности (или письменностей) даже в этой книге было бы большим.

¹ Ученые записки ЛГУ, вып. 15, Л., 1948.

² Арциховский А.В. Введение в археологию, М., 1947, с. 194.

³ Журнал 40 заседания Тверской ученой архивной комиссии, Тверь, 1892, с. 13

⁴ СА, VI 1940.

Глава 8

ПАМЯТНИКИ НЕСЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Древняя Русь не была изолированной, отгороженной от всего остального мира территорией. Напротив, на ее земле как до, так и после образования единого государства происходили активные военные, торговые и культурные контакты самых различных народов. Этот бесспорный исторический факт заставляет нас рассмотреть возможность влияния той части этих народов, которые имели свою письменности, на процесс возникновения и развития различных систем русской письменности — исконной или "княжеской", кириллицы и глаголицы. Предметом рассмотрения являются те памятники неславянской письменности, которые были обнаружены на основной территории древнерусского государства и с которыми, следовательно, вполне могло ознакомиться местное славянское население. Естественно, в первую очередь, нас интересуют памятники VIII — X в., непосредственно предшествующие широкому распространению письменности на Руси, однако в ряде случаев материал вынуждает нас выйти как за верхние, так и за нижние пределы этих хронологических рамок.

Выше уже отмечался факт контактов германского племени готов со славянами в IV в. н.э. в Северном Причерноморье и, вероятно, по пути туда. Иордан сообщает об их войнах с антами и росомонами, однако контакты эти не сводились исключительно к войне, доказательством чему является заимствование готским епископом Вульфиллой славянской буквы Ч для своего алфавита. Как полагают ученые, вместе с готами в Восточную Европу проникли и некоторые другие германские племена. Во II — VII в. германские племена пользовались старшим руническим алфавитом, изобретение которого приписывалось богу Одину. Отдельные находки старшерунической письменности встречаются на территории нашей станы и могут быть связаны с готами. Так, около Ковеля в Волынской области Украины еще в прошлом веке был найден наконечник копья, украшенный надписью и символическими знаками (рис. 33). Датируется он III в. н.э., подавляющее большинство специалистов считают копье и надпись готскими и переводят как "нападающий". Единственное исключение составляет американский ученый Г.Маст, настаивающий на его иллирийской принадлежности. Также на Волыни у села Лепесовка Хмельницкой области при раскопках поселения черняховской культуры были обнаружены следы письменности на нескольких фрагментах керамики. М.А. Тиханова видит в них старшие руны, хотя надписи не поддаются дешифровке. К их числу она относит обломок венчика и стенки с тремя знаками (рис. 34), из которых последние два знака соответствуют старшим рунам; обломок стенки сосуда с тремя знаками (рис. 35), а также два обломка гончарной сосуда со знаком Y, соответствующим в старшерунической письменности букве R. *"Датировку рунических знаков на обломках керамики с поселения у с. Лепесовка приходится определять, исходя из общей датировки поселения, возникшего в конце II века и просуществовавшего до конца третьей четверти IV в.н.э., относя все же по условиям их находок обломки керамики с рунами не к самой ранней фазе жизни поселения."*¹

Хорошо известно, что почти сразу после открытия памятников черняховской культуры в XIX в. вот уже целое столетие продолжается спор об ее этнической принадлежности. По этому вопросу в ученом мире было высказано три предположения. Одни ученые (Б.А. Рыбаков, М.Ю. Брайчевский и др.) считают черняховскую культуру в основном славянской, вторые (П.Н. Третьяков и др.) рассматривают ее как полиэтническую и, наконец, третьи (почти все немецкие археологи, часть польских и румынских, а у нас в стране — М.А. Тиханова и Ю.В. Кухаренко) связывают ее в основном с готами. Как видно из продолжающейся целый век дискуссии собственно археологические материалы не позволяют однозначно решить вопрос этнической принадлежности данной культуры. И тут на помощь приходят памятники письменности. М.А. Тиханова, считающая черняховскую культуру германской, притом не только готской, аргументирует свое мнение как находками из поселения у с. Лепесовка, так и обнаруженным в Лецканах (Румыния) прясли-

¹ Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи, М, 1977, с.141.

помогать их перечень

Тогда же, в 1900 году, в связи с открытием в этом месте, глав-но

этом же

эти же

или

или

писменности. О не

или

Или

рус.

богатство уже и сейчас

или

или

или

или

или

или

или

или

или

или

или

или

или

или

или

или

или

или

или

или

или

или

или

или

или

или

или

или

или

или

или

или

или

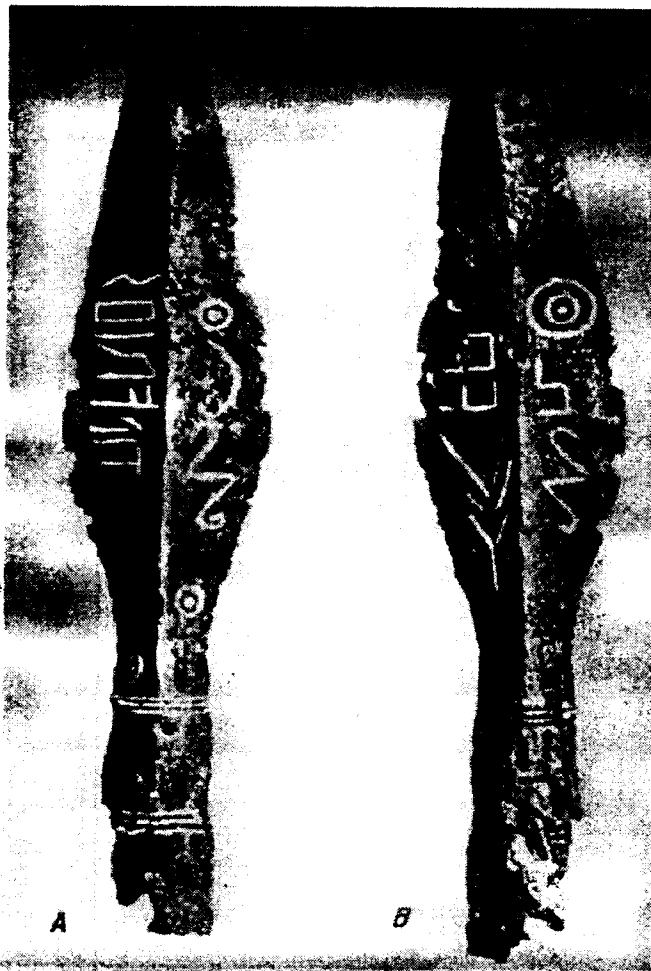

Рис.33. Наконечник копья с готскими рунами.

цем с рунической надписью из черняховского могильника IV в., которое В.Краузе перевел как фразу : "Это ткань Идо здесь — Рангно." Нельзя не согласиться и с выводом исследовательницы: "Полагаем, что приведенные факты значительно укрепят положение о существенной роли германцев в сложении и во всех последующих судьбах черняховской культуры."¹ Бесспорно, что германцы, и в первую очередь, готы являлись одним из основных компонентов данной культуры.

А.М.Лямин

А.М.Лямин

Рис.34,35. Обломки керамики из Лепесовки.

¹ Средневековая Русь, М., 1976. с.16.

А.М.Лямин

Однако именно **памятники** письменности не позволяют считать черняховскую культуру чисто германской на все 100%. Так, в той же Лепесовки было найдено пряслице со знаками (рис. 36). Рун на них М.А. Тиханова не видит и полагает, что это символические знаки. Однако на обломке черняховского сосуда из Рипнева (рис. 37) мы вновь видим какие-то знаки, которые не могут быть соотнесены с рунами. Наличие различных систем письменности не просто в рамках одной культуры, но даже на материалах одного поселения у с. Лепесовки делает наиболее вероятным предположение о полиэтническом характере черняховской культуры. В свое время П.Н.Третьяков совершенно справедливо отметил, что по письменным источникам территория черняховской культуры не могла принадлежать этнически однородной группе, так как в начале нашей эры там смешались скифы, самарты, гетто-даки, бастарны и готы. Межплеменной характер черняховской культуры определяется еще и тем, что генетически она не связана с культурой традиции какой-либо одной группы юго-запада Восточной Европы, а возникла на северо-восточных рубежах римских провинций после завоевания Дакии Трояном. Хотя черняховская культура не могла принадлежать одному племени и безоговорочно отождествлять ее с готами нельзя, памятники письменности указывают на то, что германцы были одним из главных этнических компонентов, ее составляющих.

Рис.36. Пряслице из Лепесовки.

Следующий образец рунической письменности происходит из Старой Ладogi. Этот еловый стержень длиной 42 см. с вырезанными на нем рунами был найден в микрогоризонте Е2, который в целом датировался концом VIII — началом IX в., а в свете последних находок датируется первой половиной IX в. Ведшие там раскопки Равдоникас и Лаушкин отметили изолированность этой находки и отсутствие других скандинавских предметов в горизонте Е в целом. Надпись оказалась сложной для дешифровки в результате чего специалистами было предложено несколько вариантов перевода, отличающихся друг от друга.

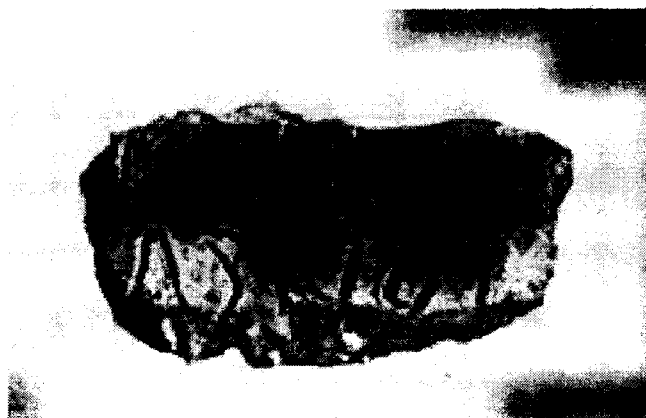

Рис.37. Знаки с черняховского сосуда из Рипнева.

Адмонда и Сильман прочли ее так: "Сверкающий лунных альф/ Сверкающее чудовище/ Будь под землей." Хест перевел ее по-другому: "Наверху (на щите) облаченный в свое оперение (оперение орла) покрытый инеем господин; сияющий лунный волк; пядей плуга широкий путь". Краузе предложил следующее ее прочтение: "Умер (попал после своей смерти) в выси одетый в (могильный) камень владетель трупов (= воин), сияющий, губитель мужей, в могучей дороге плуга (= в земле)." Наконец, Кииль усмотрел в ней следующее: "Хвост (стрелы) одет в оперение, блестящий наконечник притягивает добычу в большом числе."¹

¹ Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. М., 1977, с.160-162.

Из слоя IX в. Старой Ладоги происходит костяная рукоять с нанесенными на нее рунами, а их слоя второй половины X в., того же города — медная пластинка с нанесенной на нее рунической надписью (рис. 38). Специалисты отмечают, что руны на пластинке из Старой Ладоги не совсем обычные: мало обычных рун, преобладают комбинированные руны или знаки рунической тайнописи, в результате чего надпись пока остается нерасшифрованной.

Следует отметить находку двух амулетов — подвесок с рунической надписью с Городища под Новгородом (рис. 39). На наружной стороне каждой подвески было изображено 12 знаков, причем вторая подвеска являлась копией первой. Обе подвески были найдены в одном месте раскопа, следовательно, они были утеряны в одно время и одним человеком. Сопутствующие фрагменты керамики относятся ко второй половине X в. — рубежу X-XI в.в. и этим же временем археологи датируют и эти подвески. Знаки на подвесках являются младшеруническими, но их графика была усложнена за счет избыточности ветвей, не принимаемых в учет при дешифровке. В результате Е.А. Мельникова и Е.Н. Носов перевели надпись на подвесках следующим образом: "Да не будешь ты лишен мужской силы!" Рассматривая факт изготовления копии с первой подвески, исследователи отмечают: *"Но в любом случае, этот человек владел руническим письмом и находился на самом Городище. Если место изготовления первой подвески неизвестно (она могла быть сделана и в Скандинавии, и в Старой Ладоге, и на самом Городище), то вряд ли можно сомневаться, что вторая была изготовлена прямо на месте, причем, видимо, к заказчику не попала, так как вместе с ней оказался утерянным и оригинал, с которого она сделана."*¹

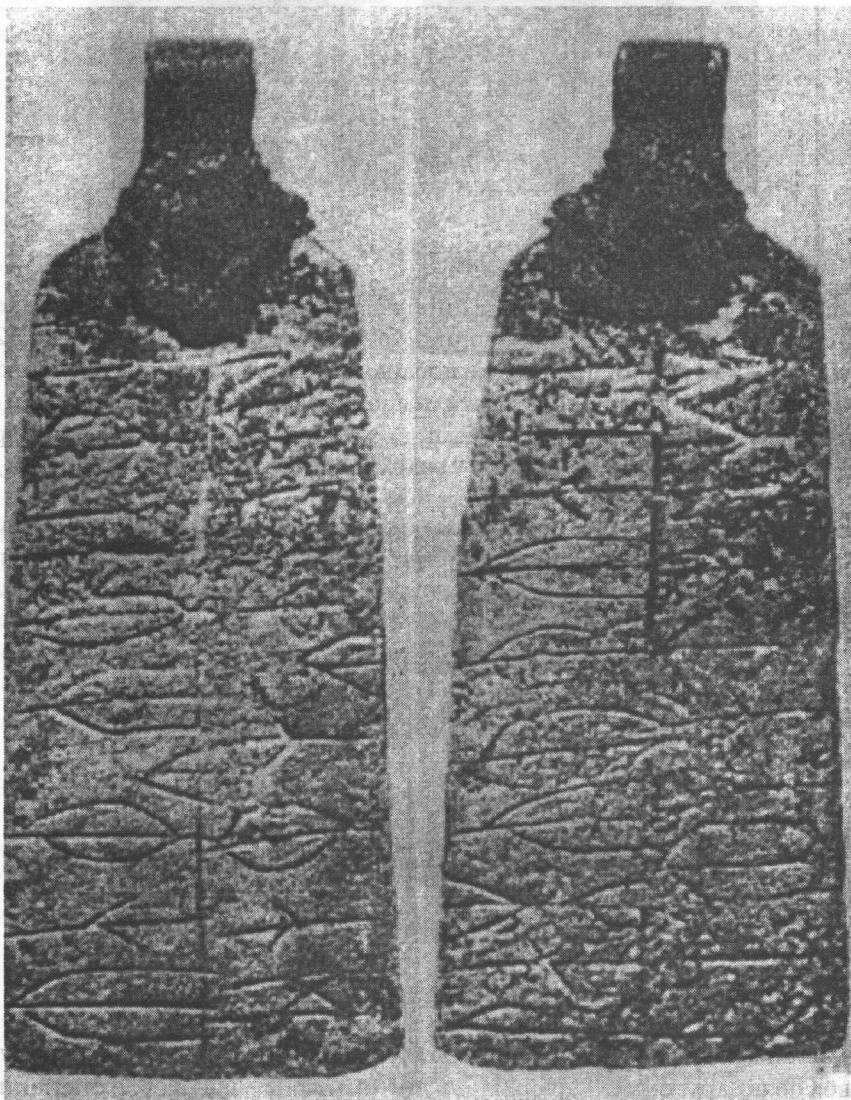

Рис.38. Пластинка с рунами из Старой Ладоги.

¹ Средневековая Русь. М., 1976, с. 16.

¹ Древнейшее государство на территории СССР. Материалы за 1986 г., М., 1988, с.220.

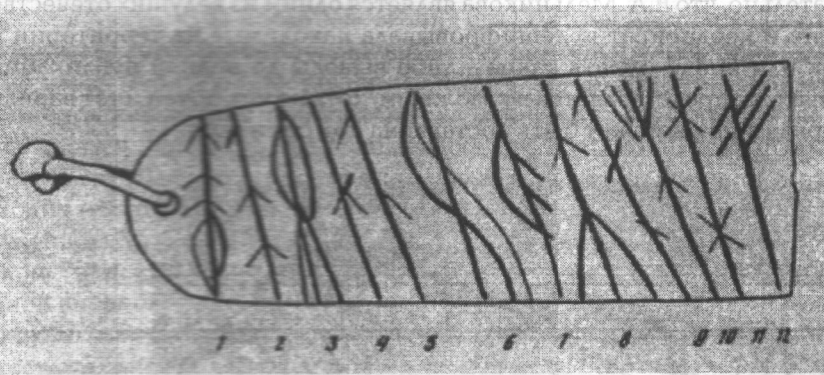

Рис.39. Амулет с рунической надписью с Городища под Новгородом.

По целому ряду соображений я не касаюсь здесь граффити на восточных монетах, которые могут быть отнесены к интересующему нас периоду. Во-первых, все они были рассмотрены и описаны в специальном исследовании.¹ Во-вторых, большинство граффити весьма кратки и редко превышают два-три знака. В силу этого часть надписей может быть отнесена как к скандинавской, так и к иным системам письменности, причем в целом ряде случаев их не удастся удовлетворительно дешифровать. В-третьих, даже если граффити и являются руническими, то они обладают относительно малой доказательной силой.

Тот факт, что восточная монета с руническими знаками была найдена на территории Руси вовсе не означает, что руны были вырезаны именно тут. Если в отношении граффити на восточных монетах, исполненных исконной русской письменностью мы со значительной степенью уверенности можем утверждать, что они были сделаны русскими и, вероятно, на территории Древней Руси, то в отношении рунических граффити подобной уверенности нет. Руны на восточных монетах могли быть вырезаны викингами как в самой Скандинавии, так и в любой другой стране мира, где они появлялись с военными или торговыми целями - в любой точке Средиземноморья, в Византии, на Руси, в Прибалтике или в Хазарии - и уже оттуда чрез десятки руки попасть на Русь.

Достаточно большой интерес в силу своей исключительности представляют собой надписи и знаки на костях с городища Масковичи (Витебская область Белоруссии). При раскопках этого городища было обнаружено более 100 фрагментов костей животных и птиц с нанесенными на них граффити. Радиоугольный анализ костного материала дал предельные даты 1070 ± 66 — 1310 ± 70 лет. Найденные рядом славянские и в отдельных случаях восточно-прибалтийские предметы датируются в основном XII-XIII веками, и вероятно этим же временем следует датировать и кости. Хотя формально эта группа надписей и выходит за пределы хронологических рамок дохристианской письменности, ее уникальный и единичный характер позволяет включить ее рассмотрение в данную главу. Исследователи выделили три группы изображений на костях: знаки, рисунки и решетки. Согласно таблице археологами было обнаружено 66 костей с группой знаков, 20 костей с единичными знаками, рисунки со знаками были нанесены на 17 костей и решетки со знаками — на 8. К сожалению, полностью все надписи опубликованы не были и в своей статье Л.В.Дучиц и Е.А.Мельникова привели лишь их незначительную часть (рис. 40). Согласно их подсчетам на 86 костях выявлено 265 знаков, большинство из которых неоднократно повторяется. Все знаки она делит на три типа: буквенные, лигатуры и идеограммы. Подавляющее большинство буквенных знаков (сводимых ими к 25 графемам) отождествляются со скандинавскими рунами: "Из них 20 могут быть интерпретированы как скандинавские руны периода средневековья. К этой категории принадлежат 205 знаков. Остальные пять графем (семь знаков), встречающиеся в других надписях, сходны с буквами кирилловского алфавита. Шесть графов первой категории могут быть сопоставлены как с руническими, так и с кириллическими знаками и их отождествление зависит, видимо, от контекста. Число таких знаков достигает 28..."² На основании этого исследователи делают следующий вывод: "Не исключено, что масковичские надписи выполнены одним из таких локальных вариантов рунического письма, который как своего рода культурный реликт сохранился (или точнее говоря развился) в среде славянизированных потомков выходцев из Скандинавии, которые утратили непосредственные живые связи с родиной предков и поэтому не могли оставить специфические следы в материальной культуре городища, но в какой-то степени сохранили язык и письменность, правда в сильно трансформированном и искаженном виде."³ В качестве менее вероятного варианта ими было высказано предположение, что граффити были оставлены скандинавскими наемниками или купцами. Однако весьма интересен тот факт, что исследователи не привели ни одной дешифровки из имевшихся в их распоряжении

¹ см. Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах, Л., 1991.

² Древнейшее государство на территории СССР. Материалы и исследования за 1980 г. М., 1981. с. 206.

³ Там же, с.215.

66 надписей. Это тем более показательно, что Е.А. Мельникова является одним из ведущих отечественных специалистов в области рунологии и неоднократно дешифровывала находимые на территории нашей страны рунические надписи. Так или иначе, делать какие-либо выводы до полной публикации всех граффити, найденных в Масковичах, не представляется возможным, хотя не исключен и тот вариант, что скандинавская принадлежность ряда знаков может быть поставлена под сомнение.

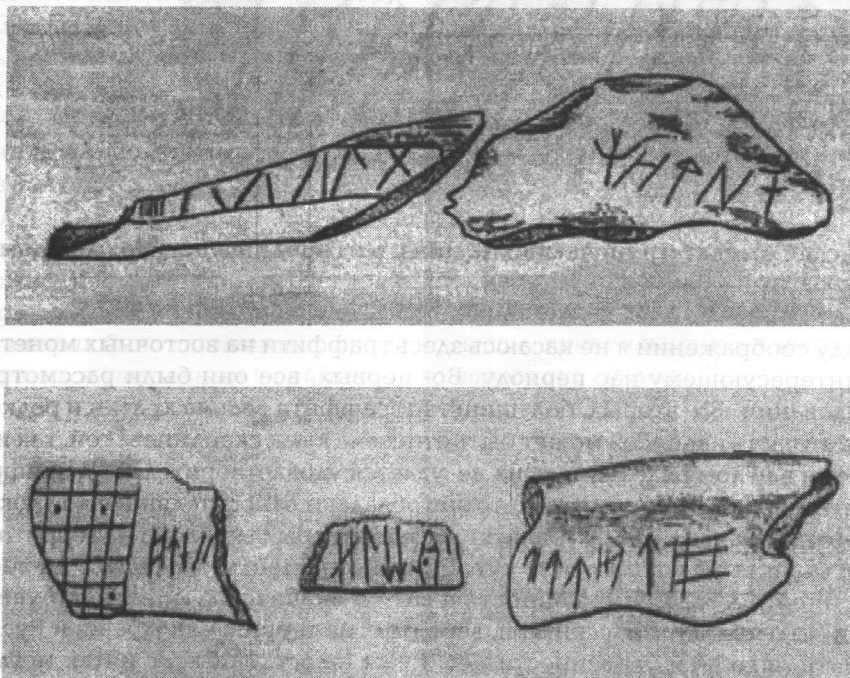

Рис.40. Граффити из Масковичей.

К числу других письменностей, памятники которых обнаружены на территории Древней Руси в интересующий нас период, относятся греческая и арабская. Среди граффити, обнаруженных на куфических монетах Петергофского клада начала IX в., есть скандинавские руны, арабские надписи, тамгообразные хазарские знаки и греческая надпись "Ζαχαρίας". Хотя все соображения, высказанные по отношению к руническим граффити, в полной мере относятся и к ней, тем не менее следует отметить и этот единичный факт. Наоборот, использование арабской письменности именно на русской территории не вызывает сомнений. К IX-X в.в. специалисты относят арабскую куфическую надпись на литейной формочке, найденной на территории киевского Подола в слоях X в. их мастерской литейщика. Формочка вырезана из местного шифера, что указывает на то что надпись была сделана в самом Киеве, а не приведена из-за рубежа. Надпись исследователями читается по-разному, но наиболее вероятное прочтение, предложенное Б.И. Маршаком — "турк". Надпись на формочке — свидетельство использования в Киеве X века куфического письма, вероятно мастером из тюркоязычного населения.¹

Итак, мы видим, что на территории языческой Руси имели место отдельные случаи использования старшего и младшего рунических алфавитов, арабской и, возможно, греческой письменности. Памятники старшерунической письменности могут быть связаны в первую очередь с готами и локализируются на Украине, а младшерунические надписи связываются с викингами и в дохристианский период локализируются строго на севере Руси. За исключением общеизвестной роли греческого алфавита в создании кириллицы, не приходится говорить о каком-либо влиянии неславянских письменностей, памятники которых встречаются на территории Древней Руси в дохристианский период, ни на кириллицу, ни на глаголицу, ни на русскую исконную или "княжескую" письменность. Кроме того, единичность памятников рунической письменности VIII-X веков и отсутствие влияния с ее стороны на какую-либо из систем русской письменности является серьезным аргументом против норманской теории. В случае скандинавского происхождения первых русских князей и большинства возглавляемой ими варяжской дружины мы вправе ожидать широкого использования ими рунической письменности как в международных сношениях, так и во внутреннем обиходе. Вместо этого мы имеем сообщение эль-Недима, что русские используют собственную оригинальную письменность, имеющую ближайшую аналогию с брахми, но никак не со скандинавскими рунами. Именно эту письменность используют славянские и русские князья как до (Пневищинский камень), так и после принятия христианства (личные знаки Юрия Долгорукого и Всеволода Большое Гнездо). Ни одного случая использования рунической письменности

¹ История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М, 1983, с.92.

русскими князьями не зафиксировано. Более того: нет ни одного случая использования рун как до 988 г., так и после в Киеве, куда после завоевания его Олегом сместился центр политической и экономической жизни Древней Руси! Всего на юге Руси до сих пор обнаружен лишь один рунический памятник — стела XI в. с острова Березань, поставленная, вероятно, проезжими скандинавскими купцами. Памятники письменности фиксируют присутствие скандинавов в дохристианский период лишь на севере Руси — в Старой Ладоге и Городище под Новгородом, что полностью совпадает с археологическими данными и сведениями саг. Часть их, несомненно, влилась в господствующий слой Древней Руси в связи с чем происходит некоторое расширение ареала находок рунических надписей: в слоях XI-XIII в.в. они обнаружены в Суздале, Полоцке и, может быть, в Масковичах. Только в Масковичах XII-XIII в.в., то есть уже в христианский период, мы имеем единственный уникальный случай возникновения локальной гибридной письменности с использованием отдельных букв кириллицы, возможно скандинавских рун и еще каких-то знаков. Однако, как уже отмечалось выше, делать какие-либо серьезные выводы до полного опубликования всех обнаруженных граффити не представляется возможным.

В целом же, с принятием христианства и распространением кириллицы руническая письменность на территории Древней Руси постепенно исчезает, не оставив никаких заметных следов в русской письменности. Ее носители скандинавы постепенно славянизировались и начинали использовать кириллицу. Наиболее нагляден этот процесс в археологических материалах Суздала. При раскопках усадьбы XI в., принадлежавшей скандинавскому дружиннику, там была обнаружена бляха с рунической надписью, которая читается как "Этот Олавов" и это же имя, но выполненное уже кириллицей, было начертано на амфоре с той же усадьбы — "Оле".¹

¹ Тр. У Межд. конгр. слав. арх., т. III, вып. 26, сер. VI, М., 1987, с. 106.

Глава 9

Задача для будущих исследователей

Во время работы над этой книгой мне часто приходилось сожалеть об отсутствии какого-либо одного сборника со всеми нерасшифрованными надписями, найденными на Руси. Его существование многократно бы облегчило работу и позволило бы сэкономить кучу времени, ушедшего подчас на бесплодные поиски. В.А. Городовцев еще в 1905 г. говорил о том, что издание вместе всех непонятных надписей было бы "очень полезно и желательно", а в 1961 г. В.А. Истрин заявлял о необходимости создания альбом нерасшифрованных надписей. К несчастью, подобный сборник так и не был издан и положение дел в этой области у нас точно такое, как и в начале века. Каждый заинтересовавшийся данной проблемой специалист вынужден самостоятельно погружаться в практически необозримое море узкоспециальной литературы в надежде, иной раз тщетной, найти на дне этого моря крупинцы необходимой ему информации.

В течении поиска древнерусских надписей я неоднократно наткнулся на памятники письменности, которые нельзя с уверенностью отнести к славянским. Поэтому, в качестве предварительного наброска к подобному сборнику и нисколько не претендуя на полноту и всеобъемлемость, я и решил собрать все эти не относящиеся к основной теме находки в последней главе. Пусть это послужит прообразом необходимого сборника и, хоть как то облегчив работу будущим исследователям, наглядно покажет всю сложность, неоднозначность и многовариантность зарождения начал письменности на европейской части территории нашей страны.

Вероятно, не все эти надписи могут быть расшифрованы - иногда мы даже ничего не знаем о языке, на котором говорили оставившие эти немые свидетельства люди. Но мы все равно должны знать и учитывать их, чтобы иметь, насколько возможно, максимально полную картину этого удивительного процесса. Не исключено, что на этом пути нас ожидают самые невероятные и фантастические открытия. В идеале подобный сборник необходимо составить в масштабах не только Руси или Европы, но и всего мира, поскольку нам это поможет лучше понять и изучить древнейшую историю человечества. То, что кажется невероятным или невозможным сегодня, становится обычным и возможным завтра. На протяжении всей истории развития науки этот принцип неоднократно подтверждался. "Небывалое бывает!" — так сказал в свое время Петр Великий и был прав. Поэтому мы сегодня должны постараться, насколько сможем, максимально облегчить труд грядущих поколений историков. И как знать, может им и удастся расшифровать то, к чему мы сегодня не рискуем даже подступиться, а из прочитанных надписей узнать такое, что существенно дополнит или в корне изменит наши сегодняшние представления об архаическом этапе развития народов и письменностей, сделает бесписьменную протоисторию настоящий историей.

В первую очередь необходимо упомянуть земледельческую трипольскую культуру. Составлявшие ее племена жили в IV-III тысячелетии до н.э. на территории Украины, Молдавии и Румынии. Ими был достигнут весьма высокий уровень развития и, по всей видимости, была создана своя письменность. Вот как описывает исследовавший ее в начале нашего века В.В. Хвойко: "Из числа этих сосудов в особенности обращает на себя внимание те, которые расписаны по оранжевому фону черными или коричневыми разводами; в верхней части их между узорами росписи, оставлено в двух или четырех местах небольшое поле, отделенное одной - двумя полосками от остальных рисунков, где находятся особого рода знаки, не могущие быть причислены к орнаменту в виду их особой формы и положения."¹ Археолог откопал сосуды с надписями в семи местах, некоторые из которых он и привел в своей статье. (рис.41)

Затем необходимо упомянуть письменность срубной культуры бронзового века, датируемую второй половиной II — началом I тысячелетия до н.э. Была открыта В.А. Городовцевым в 1901 г. Племена — носители срубной культуры занимали территорию от Урала до Днепра и от Камы и правых притоков Оки до побережья Черного и Азовского морей. Основным их занятием было скотоводство в степях и земледелие вкупе с придомным скотоводством в лесостепи. Как полагают специалисты, племена срубной культуры сыграли значительную роль в формировании сначала киммерийских, а затем и скифских племен. Следовательно, можно предположить, что они, по крайней мере частично, относились к индоевропейцам.

Ученые неоднократно находили загадочные знаки, явно не бывшие орнаментом, на сосудах срубной культуры, частичное описание которых предпринял А.А. Формозов. На 1953 г. он насчитал 17 надписей срубной культуры, четыре из которых он привел в своей статье (рис. 42) Первая, самая верхняя из этих

¹ Записки Одесского общества истории и древности., т.23, 1901. с.201.

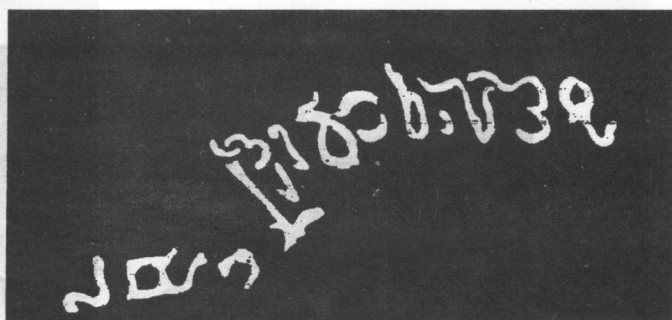
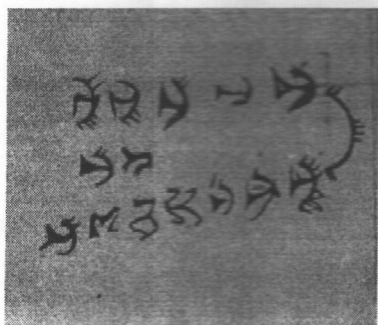

Рис.41. Трипольская письменность.

надписей была обнаружена в 1945 г. на сосудах из-под Никополя, сосуд со второй был найден В.А. Городовцевым в 1903 г. у деревни Переездной Екатеринославской губернии. Третья была открыта в 1926 г. около Таганрога, а четвертая — у села Горная Пролейка в Нижнем Поволжье в 1949 г. Совершенно справедливо ученый определяет их как примитивную начальную письменность. К сожалению, остальных надписей Формозов не публикует, а вместо них приводит составленную им самим таблицу знаков срубной культуры (рис.43). Говоря о надписях, он отмечает: "Расшифровка описанных знаков вряд ли возможна, но можно утверждать, что эти начертания на сосудах не связаны с погребальным культом: сосуды со знаками найдены и на поселениях, а найденные в могилах носят следы употребления."¹ Совпадение знаков на разных сосудах говорит об их большой близости. Поскольку нигде в эту эпоху мы не знаем сходных знаков, то можно заключить, что они не были заимствованы извне и письменности эта складывалась на местной основе. Касаясь ее возникновения, Формозов предположил, что письменность срубной культуры происходила от орнамента на керамике магического характера.

Особый интерес вызывает то обстоятельство, что первая из опубликованных А.А. Формозовым надписей срубной культуры имеет, на мой взгляд, некоторое сходство с найденной В.А. Городовцевым алектанской надписью. Так, четвертый и пятый знаки с сосуда из-под Никополя похожи на шестой и девятый знаки алектановской надписи. Крест же с загибающейся вправо верхней чертой (второй алектановский знак) имеет свои аналогии в других надписях срубной культуры. Я не решаюсь настаивать на этом — указанные совпадения могут быть совершенно случайными — но если вдруг будет установлена определенная преемственность между двумя этими письменностями, то это открывает возможность для грандиозных и далеко идущих выводов. Кстати, эта догадка относительно вятичей, оставивших нам алектановскую надпись, не противоречит данным антропологии: "Так, вятичи, будучи связанными с финно-угорскими группами Восточноевропейской равнины, через дяконцев восходят к неолитическому населению, известному по единичным, правда, грациальным европеоидным черепам из Володарской и Панфиловской стоянок."² Так, заявление о финно-угорском субстрате у вятичей представляется мне несколько спорным, но заключение об их определенной преемственности, прослеживающейся по физическим данным, с древнейшим населением Восточной Европе каменного века, представляет несомненный интерес. Другой культурой с зафиксированными загадочными знаками является белогрудовская. Эта культура бронзового века располагалась в II-VIII вв. до н.э. в лесостепи Правобережной Украины и была современна скифам. Экономическую основу белогрудовской культуры составляло земледелие, а скотоводство играло второстепенную роль. Что касается ее этнической принадлежности, то мнения ученых расходятся: некоторые ученые относят носителей белогрудской культуры к фракийцам, другие — к протославянам, а А.И. Тереножкин уточняет, что по его мнению они были ядром упоминаемых Геродотом скифов — пахарой. Раскапывая в начале 50-х годов поселение этой культуры близ Умани, этот археолог обнаружил там сосуд, предназначавшийся, вероятно для домашнего хранения зерна, с группой нанесенных на его непонятных знаков (рис.44). Тереножкин предположил, что эта пиктограмма, как он ее назвал, показывает на культурное предназначение этой посуды, может быть использовавшейся для жертвоприношений.³

Сарматские знаки здесь не рассматриваются по двум причинам. Во-первых, большинство из них носит единичный характер и существует всего лишь несколько групп знаков, которые можно было бы считать надписями. Во-вторых, все они достаточно подробно описаны в специальной литературе.⁴

Следующими памятниками, представляющими из себя значительный интерес, являются надписи на баклажках Новочеркасского музея. Форма этих сосудов явно неславянская и датируются они IX-X в.в. Однако, насколько это можно судить по фотографиям, надписи эти сделаны не в момент создания сосудов,

¹ ВДИ, 1952, №1, с.197.

² Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии, М., 1973, с.273.

³ Археология, 1951, №5.

⁴ Соломник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья., К, 1959.

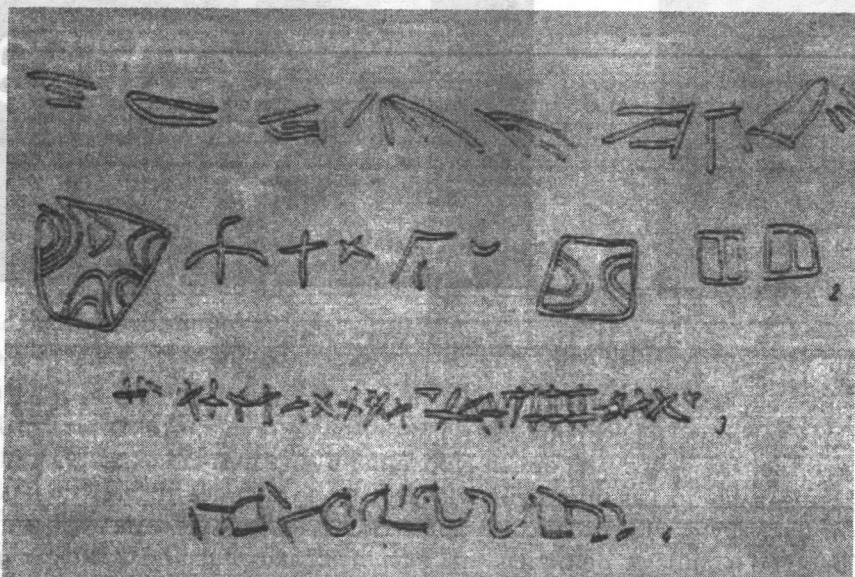

Рис.42. Надписи срубной культуры.

а процарапаны позже по уже обожженной глине и, следовательно, могли быть сделаны представителем любого из тех многочисленных народов, сталкивавшихся и перемешивавшихся в то время в степях Придонья и Кубани, кому попал в руки этого сосуд. Тем не менее почти все занимающиеся этими надписями специалисты, учитывая распространенность в этом регионе главным образом тюркских племен, считают, что надписи эти сделаны на одном из тюркских языков. Часть знаков на баклажках схожи со знаками Маяцкого городища, часть — тождественна тюркской рунической енисейской письменности, но часть не находит там аналогий. Большой интерес исследователей привлекла надпись на одной из баклаг (рис. 46) Видный специалист по кочевникам М.И.Артамонов считал ее хазарским или болгарским письмом. Попытку ее расшифровки предпринял в 1957 г. И.А.Фигуровский, получив в результате хазарскую надпись, которая на русском языке означает "глиняная удобная баклага"¹. Однако использованная им методика перевода вызывает, мягко говоря, некоторое удивление. Эту, по-видимому, неславянскую надпись он расшифровывает с помощью русской глаголицы, предварительно изменяя и трансформируя знаки последней по своему усмотрению. Полученное звуковое значение надписи Фигуровский переводит на русский с помощью ...азербайджанского языка. Естественно, перевод письменности одного народа через алфавит абсолютно не родственного ему второго народа и словарный запас третьего, также подключенного совершенно произвольно не мог быть принят ученым миром. Другую попытку расшифровать эту же самую надпись предпринял в 1954 г. А.М. Щербак. Почему-то читая ее справа налево и вверх ногами с помощью енисейского алфавита, он получил перечисление тюркских имен: "Элчи и /также/Ата-ач и/также /Бука-трое/ух/"². Однако и сам процесс перевода, хоть он несомненно и был гораздо более научен, чем у Фигуровского, и полученный результат вызывают некоторые сомнения, тем более что сам Щербак признал что присутствие конечной руны У является странным и непонятным. Известна еще одна хазарская надпись (рис.47).

Следует вспомнить и о загадочных надписях, найденных в 1871 г. в древнем христианском храме, предположительно построенном в VIII в. около деревни Партенит на южном берегу Крыма (рис. 48-49). Церковь, стоящая у подошвы Аюдага достаточно больших размеров и в ней, кроме нерасшифрованных знаков, был найден камень с греческой надписью первой четверти XV в. из 12 строк: "Всечестивый и божественный храм святых, славных, всехвальных и первоверховных апостолов (Петра и Павла) построен от основания в древнее время святым отцем нашим и архиепископом города Феодоро и всей Готии Иоанном исповедником. Ныне же возобновлен в настоящем его виде преосвященнейшим митрополитом города Феодоро и всей Готии, господином Дамианом, в лето 6930, в шестой индиктион, месяце сентября в 10 день."³ Возможно, текст этот может помочь расшифровке непонятных надписей, оставленных, по всей видимости, каким-то христианским народом. Можно было бы подумать, что это были принявшие христианство готы, однако у них имелась своя собственная письменность, созданная в IV в. их епископом Вульфиллой. Несомненно лишь одно: создатели этих нерасшифрованных надписей испытывали на себе сильное влияние греческого алфавита.

Таковы обнаруженные мною упоминания о нерасшифрованных надписях найденных в европейской части России. Как уже говорилось, задачи собрать все памятники подобного рода я перед собой не ставил,

¹ Учен. зап. Елецкого пед. инт-та, вып.2, Липецк, 1957.

² СА, XIX, 1954, с.274.

³ Записки Одесского об-ва истории и древностей, т.8, Одесса, 1872, с.313.

Приведены
третье столетие ми
в русской истории
письменность, ко
это предполагали
период на Руси о
исковой или хи
итоге, расщеплен
XIV в. Самым пор
вте и оладно. нр
с древнерусско
ни гинвотс нршн
или з зна тельн
дзя X онрэмндр
совпадения в при
с помощью брало
и связанный текс
русской письмен
и будущими архе
исследованиям. У
настойчивость и
поздно они будут
перед исследоват
письменности у
письменность мо
тракующегося до с

Предложен
перспективы и в
предстает целый
недоступные сей
Возможно, что бу
известные стр
берых уст и сущ
возможность реал
Повстине, с рас
огромный и удив

Еще более
керамики/ знаков
славянской письменности
традиции непрерывной. Это открытие блестяще под
определения прародины народа с помощью памятни
в качестве бесспорного доказательства при определ
прародины выгодно
найти. До сих пор лю
косвенных данных с бе
среди специалистов. С
штрихованной керам
сосредоточить свои си
четко локализована
происхождения славя

Поме мы распол
знаковых прясани
фактического матери
с истинной русской
говорят о том, что

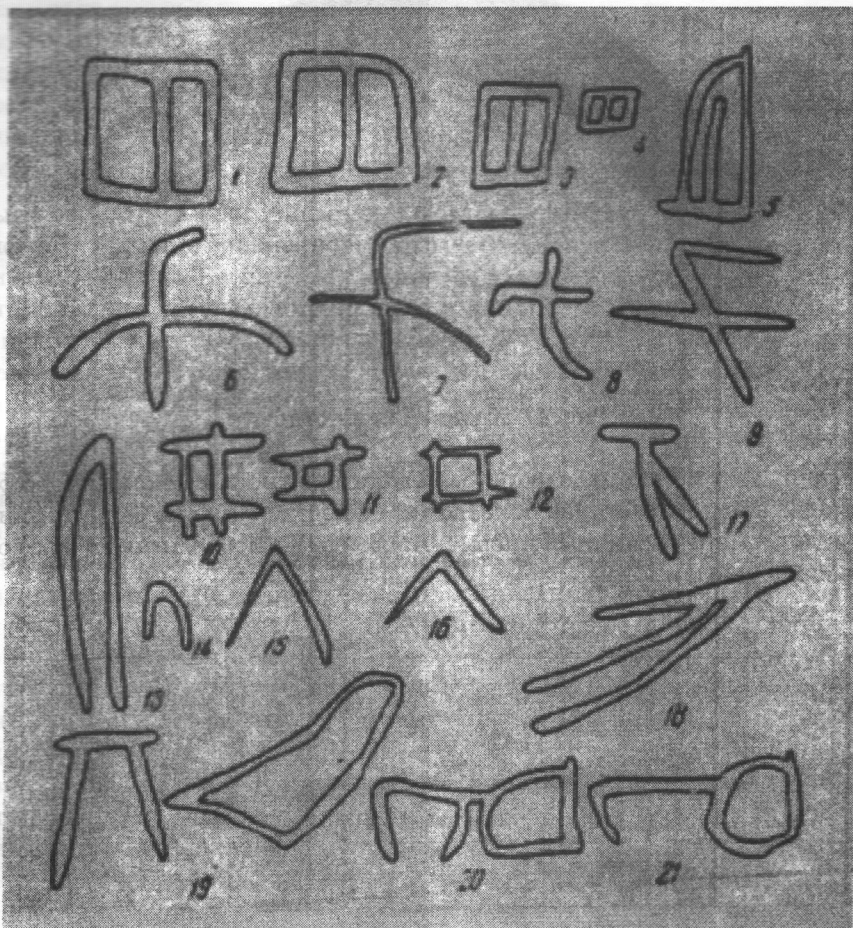

Рис.43. Таблица знаков срубной культуры.

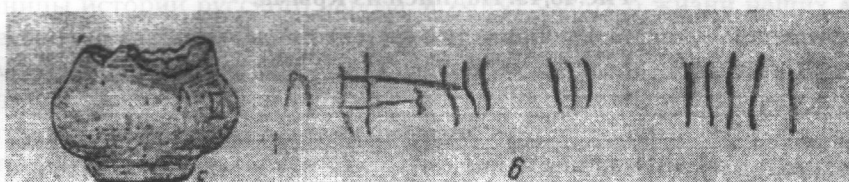

Рис.45. Знаки белгородовской культуры.

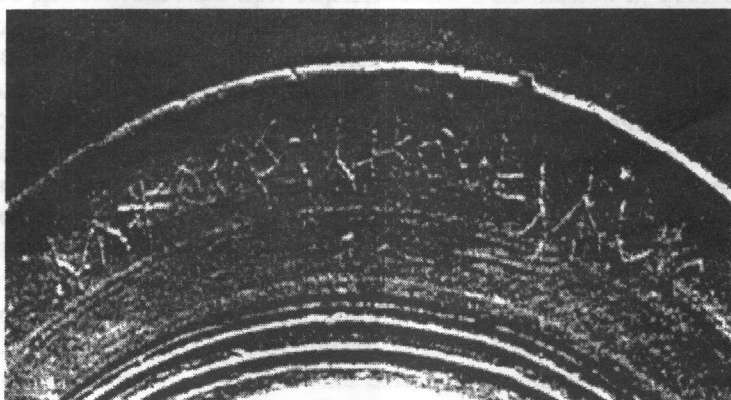

Рис.46. Надпись на баклажке.

Рис. 47. Хазарская надпись.

и, естественно, перечень этот может (и должен) быть многократно увеличен и продолжен. Однако и эта, по сути дела случайная выборка отчетливо показывает существование на территории нашей страны не разгаданных на данный момент различных письменностей с IV тысячелетия до н.э. по, примерно, X век нашей эры. А это говорит уже о многом.

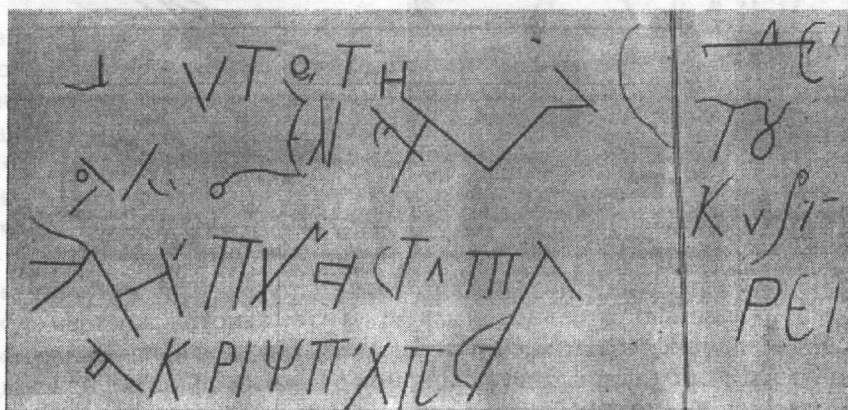
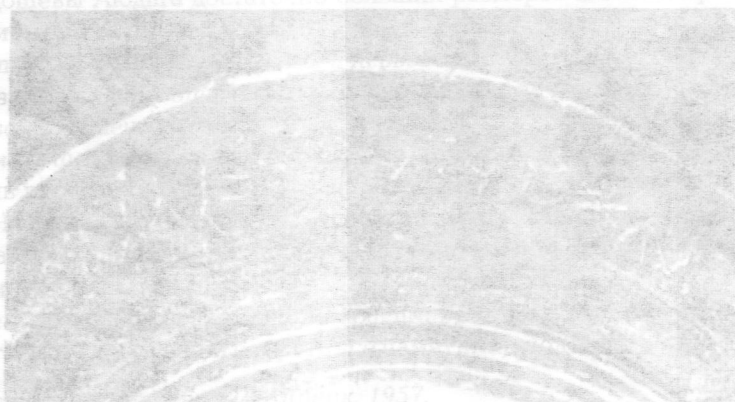

Рис. 48, 49. Надписи из Крыма.

Следует вспомнить и о загадочных надписях, найденных в 1871 г. в древнем христианском храме, предположительно построенном в VIII в. около деревни Партенит на южном берегу Крыма (рис. 48-49). Церковь, стоящая у подножия Аю-Дага достаточно больших размеров и в ней, кроме нерасшифрованных знаков, был найден камень с надписью, которую можно считать древнейшей. Надпись эта, по мнению некоторых ученых, является древнейшей надписью, найденной в Крыму. Надпись эта, по мнению некоторых ученых, является древнейшей надписью, найденной в Крыму.

¹ Учен. зап. Казанского ун-та. Сер. Филол.-истор. науки. 1957, т. 99, кн. 1, с. 100.

² СА, XIX, 1954, с. 274.

³ Записки Одесского об-ва историко-археологическое отделение, 1972, с. 27.

Заключение

Приведенные в этой книге многочисленные факты окончательно развеивают существующий уже третье столетие миф об отсутствии письменности в языческой Руси. Благодаря им еще одним белым пятном в русской истории стало меньше. Восточные славяне еще до принятия христианства имели собственную письменность, которая хоть и уступала кириллице в точности, но вовсе не была такой примитивной как это предполагали некоторые ученые. Неопровержимые факты свидетельствуют, что в дохристианской период на Руси одновременно существовало несколько письменностей. Одна из них, названная мной *исконной или княжеской*, в силу имеющихся данных была изучена наиболее подробно, и, в конечном итоге, расшифрована. Эта письменность использовалась славянами очень долго: как минимум с VIII в по XIV в. Самым поразительным и неожиданным является ее необычайное сходство и, следовательно, родство с древнеиндийской письменностью Брахми. Целых 48 знаков *исконной русской письменности* полностью или в значительной степени совпадают со знаками брахми. Очевидно, что столь огромное число совпадений в принципе не может быть простой случайностью, как не может быть случайностью, и то, что с помощью брахми при переводе древнерусских надписей неоднократно удавалось получить осмысленный и связанный текст. Что касается выдвинутой в этой книге гипотезе о происхождении брахми и *исконной русской письменности* из одного источника, то она может быть окончательно проверена только временем и будущими археологическими открытиями. Пользуясь случаем, я хочу призвать археологов к дальнейшим исследованиям. Ученые всех стран могут внести свой вклад в это дело. Если они проявят в исследованиях настойчивость и целеустремленность, я могу заверить, что их усилия не будут напрасными и рано или поздно они будут вознаграждены бесценными открытиями. Если моя гипотеза истинна, то это открывает перед исследователями грандиозные перспективы: помимо установления факта существования письменности у *индоевропейцев* в период их единства, что само по себе чрезвычайно важно, эта письменность может стать решающим фактором при решении вопроса о *индоевропейской прародине*, являющегося до сих пор одной из величайших загадок мировой истории, имеющей огромное значение.

Предложенная здесь расшифровка *исконной русской письменности* отрывает огромные перспективы и в деле изучения русской истории. Неожиданно перед нашими изумленными взорами предстает целый пласт русской культуры, который, может быть, даст нам возможность заглянуть в недоступные сейчас политические, религиозные и социальные аспекты жизни восточных славян. Возможно, что будущие находки, новые памятники *исконной русской письменности* откроют нам доселе неизвестные страницы истории русского народа, помогут узнать о жизни наших далеких предков из первых уст и существенно расширят наши знания о древнейшем периоде нашей истории. То, что такая возможность реально существует наглядно доказывают надписи зль - Недима и пневищинского камня. Поистине, с расшифровкой *исконной русской письменности* мы открываем для себя новый мир, огромный и удивительный мир наших далеких предков.

Еще более изумительным является открытие знаков письменности культуры *штрихованной керамики/ знаковых пряслиц VII в до н.э. — V в. н.э.* Благодаря им мы можем говорить о традиции славянской письменности с середины I тысячелетия до н.э. Причем, судя по ее следам в кириллице, традиции непрерывной. Это открытие блестяще подтверждает высказанную выше мысль о возможности определения *прародины народа* с помощью памятников его письменности. Привлечение письменности в качестве бесспорного доказательства при определении славянской и, возможно, *индоевропейской прародины* выгодно контрастирует с данными собственно археологии с помощью которых их пытались найти. До сих пор любой исследователь стремился локализовать эти *прародины* лишь на основании косвенных данных с большей или меньшей степенью вероятности, что неизбежно порождало разногласия среди специалистов. С помощью знаков *солнечного совета* мы однозначно можем определить культуру *штрихованной керамики/ знаковых пряслиц* как "меньшую" лесную славянскую *прародину* и сосредоточить свои силы на ее изучении. Я надеюсь, что с помощью памятников письменности будет четко локализована и основная лесостепная *прародина славян*. Все это показывает, что вопросы происхождения славян и славянской письменности необходимо решать в комплексе.

Пока мы располагаем лишь отдельными знаками письменности культуры *штрихованной керамики/ знаковых пряслиц* и, к сожалению, не имеем ни одной надписи этой культуры. Поэтому из-за недостатка фактического материала мы не можем дать окончательного ответа на вопрос о соотношении этих знаков с *исконной русской письменностью*. Однако уже сейчас имеющиеся в нашем распоряжении факты говорят о том, что процесс создания кириллицы был более сложным, чем это представлялось до недавнего

времени. С буквами кириллицы совпадают пять знаков А, И, Ч, Ш, Ц, использовавшихся культурой штрихованной керамики/ знаковых пряслиц в VII в. до н.э. — V в.н.э.; буква Ч, заимствованная готами у славян в IV в. н.э.; буквы Ч и Ц пневищинского камня, который предварительно можно датировать VI-VIII вв.н.э. В принципе, в совпадении знаков Ч, Ш, Ц с аналогичными буквами кириллицы, передающие специфические звуки славянского языка, нет ничего удивительного. Кирилл творил не на пустом месте и, познакомившись с русской письменностью в Корсуна, вполне мог взять из нее часть необходимых для точной передачи славянской речи знаков, отсутствующих в греческом алфавите. Гораздо более неожиданным является использование славянами еще до нашей эры знаков А, И и, возможно, Н. Полагаю, что и эта проблема будет решена по мере накопления фактических данных. Мы видим, что в результате предпринятого исследования существенно обогащаются наши знания о генезисе нашей современной письменности, общей для русских, белорусов, украинцев, болгар и сербов.

Наряду с расшифрованной исконной русской письменностью, в книге описаны и иные, отличающиеся от нее, найденные на территории Руси славянские надписи, являющиеся, по всей видимости, памятниками письменности отдельных восточнославянских племен. Они пока еще не переведены, но, возможно, с течением времени количество подобных находок увеличится и их расшифровка осуществится. Но даже уже сделанные находки существенно дополняют наши знания о культуре и истории русского народа. Благодаря им мы видим, что до принятия христианства на территории Руси одновременно использовались многие виды письменности: исконно русская или княжеская письменность, письменности отдельных славянских племен, в более поздний период — кириллица, а также руническая, арабская, и возможно греческая письменности, причем памятники трех последних очевидно были оставлены неславянским населением. Вопреки расхожим представлениям дохристианская Русь не только не была бесписьменной, но имела даже несколько видов письменности.

Относительно небольшое число находок при одновременном существовании в языческой Руси целого ряда письменностей во многом объясняется именно тем, что никто их специально не искал и не систематизировал, а отдельные случайно обнаруженные памятники дохристианской письменности в силу невозможности их перевода, мнимой единичности и изолированности быстро забылись. Я надеюсь, что моя книга даст толчок к началу систематического поиска и исследования русской дохристианской письменности и, как в случае с новгородскими берестяными грамотами, поможет ей выделиться из других областей исторического знания в качестве самостоятельной отрасли. Составленная таблица может помочь археологам при расшифровке новых находок памятников исконной русской письменности, которые, я уверен, обязательно будут. Отныне подобные надписи не будут объявляться загадочными и забываться, а могут систематизироваться, изучаться и переводиться, становясь важнейшими источниками по восстановлению истории нашей Родины. Вполне возможно, что аналогичные письменности могли быть и у других славянских народов. Если это так, то собранные здесь данные могут существенно помочь систематическому изучению этих письменностей во всеславянском масштабе.

В последней главе мною был собран материал о ряде неславянских надписей, фиксирующихся на территории нашей страны с древнейшего времени. Факты свидетельствуют, что у некоторых археологических культур, существовавших задолго до н.э., имелась своя письменность, хотя это практически никто не предполагал. Как уже отмечалось, с помощью письменности мы можем узнать то, что никогда не узнаем с помощью других археологических данных. Не говоря о тех огромных возможностях, которые открывают перед исследователями расшифрованная письменность, стоит отметить, что даже простое сравнение различных нерасшифрованных надписей может помочь определить преимущество и пути миграции различных древних народов. Наглядным примером могут служить надписи из румынского селения Тэртэрия, сближаемые рядом специалистов с шумерской письменностью. Поэтому необходимо собрать, обобщить и издать все нерасшифрованные надписи не только с территории бывшего Советского Союза, но и всей нашей планеты. Здесь открываются огромное поле для исследований для ученых всех стран, которые пожелают включиться в работу. Издание единого Корпуса нерасшифрованных надписей Земли было бы огромным вкладом в изучение истории человечества, особенно древнейшего ее периода. И кто знает, какие невероятные открытия оно нам готовит?

В заключение хочу отметить, что эта работа является лишь первым шагом в изучении древнейшей письменности. Многие вопросы остаются открытыми, и я надеюсь, что в будущем появятся новые находки, которые помогут нам лучше понять историю нашей культуры. Я благодарю всех, кто помог мне в этой работе, и надеюсь, что эта книга будет полезна для всех, кто интересуется историей и культурой древней Руси.

Таблица знаков исконной русской письменности.

Знак	Значение	Частота использования	Где встречается	Индийский аналог
"	и	4	кирпичи, пневищ. камень	"
М	а	3	тверск. монета, кирпичи, печать у Рыбакова	1
п	б	2	Надп. эль-Недима, тверск. монета	п
□; ▣	в	2	графф., печать Святослава	□ ▣
┘	г	3	пневищ. камень, брактеата	┘
△; ∪; Π; ∟	д	8	графф., кирпичи, тверск. мон., пневищ. камень, печать Святослава	△; ∪; Π; ∟
Ш	е	1	пневищ. камень	Ш+I
⌒	ж	2	Недим, графф.	-
⋈	з	5	Недим, сосуд из Саркела, печать, брактеата	⋈
⌒	и	1	графф.	D
Т	к	1	Сосуд из Саркела	Т
Ч	л	2	пневищ. камень	Ч
┘	м	2	пневищ. камень	┘
⌒	н	2	пневищ. камень	⌒
⋈	о	2	печать Святослава	⋈
▽ ◇	п	2	серебр. Владимира, пневищ. камень	△; O
НХ	р	2	пневищ. камень	-
III ∴	с	5	Недим, серебр. Влад., кир- пичи, княж. знак Все- волода, печать Святослава	≡ ∴
'	т	3	кирпичи, сосуд из Саркела, пневищ. камень	'
+	у	2	кирпичи, сосуд из Саркела, печать, пневищ. камень, пе- чать Святослава, брактеата	+
┘	ф	2	серебр. Вла- димира, сосуд из Саркела	┘
Ь	х	2	пневищ. камень	Ь

Знак	Звучание	Частота использования	Где встречается	Индийский аналог
∨; J J	л	4	графф., печать Рыбакова, брактеата	∨; J
7	л	1	печать Святослава	ε
U	м	2	сосуд из Саркела, брактеата	U L
ш	м	2	тверск. монета, пневищ. камень	ш
⊥	н	8	эль-Недим, графф., кирпичи, сосуд из Саркела, брактеата	⊥
⊥	ан	1	печать Рыбакова	⊥
I; γ	н	2	тверск. мон., пневищ. камень	I; γ
у	н	1	пневищ. камень	у
~	н	1	печать Святослава	~
∣	нах	1	печать Святослава	∣
2	о	1	пневищ. камень	2
U U	п	3	пневищ. камень, брактеата	U U
∣	р	23	эль-Недим, графф., кирпичи, пневищ. камень, печать Святослава, брактеата	∣
с	с	1	кирпич	с
л	со	1	тверская монета	л
п	с	1	серебр. Владимира	п
J	с/ш?/	1	граффити	λ
с	т/е/	7	эль-Недим, кирпичи, печать, брактеата	с
о	т	7	эль-Недим, графф., пневищ. камень, печать Святослава, брактеата	о лл
7	т	2	графф., пневищ. камень	7
λλλ	т	7	графф., сосуд из Саркела, пневищ. камень, печать Святослава, брактеата	λλ
р	тку	1	печать Святослава	р
∠; L	у	12	эль-Недим, графф., кирпичи, пневищ. камень, брактеата	L

Продолжение таблицы.

Знак	Звучание	Частота использования	Где встречается	Индийский аналог
=	у	2	графф., сосуд из Саркела	=
Ѡ	Ѡ	1	княжеский знак Всеволода	Ѡ
ч; ґ	ч	3	эль-Недим, пневищ. камень, печать Святослава	چ
щ	щ	2	пневищ. камень	-
ѣ	ю	1	княжеский знак Юрия Долгорукого	چ
Ү; у	я	3	тверск. монета, пневищ. камень, брактеата	У
ѵ	?	6	кирпичи, печать Святослава/ знак Рюриковичей/	-
ѧ	?	2	брактеата	-
Ѩ	?	1	брактеата	-

Содержание

№ п/п	Наименование	Страницы
1	Вступление	3
2	Глава 1. Проблема.	4
3	Глава 2. Свидетельства очевидцев.	13
4	Глава 3. Кириллица до 988 г.	24
5	Глава 4. Письмена исконной Руси.	35
6	Глава 5. Подтверждение.	48
7	Глава 6. Знаки солнечного света	65
8	Глава 7. Письменностей было слишком много!	84
9	Глава 8. Памятники неславянской письменности на территории древней Руси.	91
10	Глава 9. Задача для будущих исследователей.	98
11	Заключение	103
12	Таблица знаков исконной русской письменности	105